

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Олифир Ирина Александровна

**Идеология феминизма как фактор социокультурной динамики
гендерных отношений в современной России**

5.4.6. – Социология культуры

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук по специальности

Научный руководитель:
доктор социологических наук, доцент
Хагуров Темыр Айтчевич

Майкоп - 2025

Содержание

Введение.....	3
1. Теоретико-методологические подходы к исследованию динамики гендерных отношений в контексте эволюции идеологии феминизма	25
1.1. Дискурсивное поле идеологии феминизма.....	25
1.2. Идеология феминизма в контексте индустриальных - постиндустриальных трансформаций.	44
1.3. Гендерные отношения на этапе радикализации идеологии феминизма.....	75
2. Особенности социокультурного влияния идеологии феминизма на трансформацию гендерных отношений в российском обществе.....	102
2.1. Анализ гендерных отношений советской-постсоветской России в пространстве влияния идеологии феминизма	102
2.2. Анализ дискурсивного поля российского феминизма: ключевые идеологемы.....	143
2.3. Влияние дискурсивного поля феминизма на гендерные отношения в восприятии современных россиян.....	165
Заключение.....	188
Список литературы.....	197
Приложение А1 (Программа социологического исследования: «Интерсекциональный феминизм в России: теория и социальная практика»).....	212
Приложение А2 (Программа социологического исследования: «Влияние дискурсивного поля феминизма на гендерные отношения в восприятии современных россиян»).....	214

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Ускорение социальных процессов, заданное стадией индустриализации, в настоящий момент достигло исторического максимума. Очевидна проблематизация устойчивых социальных смыслов, одни из которых получили закрепление в эпоху модерна, тогда как другие фактически были инициированы им. Но в настоящий момент наблюдается распад мировоззренческих систем (метанарративов в терминологии постмодернизма), несущих как идеологический, так и более склонный к догматике религиозный смысл. Последнее обстоятельство красноречиво характеризует санкционирование однополых браков католической церковью. Дробление ранее устойчивых идейных нарративов ведет к социокультурной эклектике, социально-психологической неопределенности, проблемы которой никак не решает навязываемый феномен толерантности. Под удар попадает целостность групповых идентичностей, многие из которых сложились еще в доиндустриальную эпоху, как, например, этнос, нация. Закономерно, что духовный вакуум стремятся заполнить новые духовные конструкты, которые британский мыслитель Дж. Шварцмантель обозначил как молекулярные (фрагментарные) идеологии.¹ Именно к такого рода явлениям относится современный феминизм – одна из составляющих проекта политкорректности, посредством которого Западный мир навязывает собственное цивилизационное превосходство на глобальном уровне.

Феминизм имеет различные течения – от радикальных, которые предоставляют поводы для критики, до вполне умеренных форм. В рамках исследований «просвещенного феминизма» (термин Н.В. Больца) содержится немало ценного для понимания гендерных аспектов социального порядка, их увязки с другими ракурсами общественной структуризации. В то же время присутствует и иной, радикальный феминизм, расширяющий свое влияние, которое видный немецкий социолог Н.В. Больц характеризует как «психическое

¹ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.

заболевание, распространившееся в массовом порядке».² Руководствуясь логикой одного из «угнетаемых меньшинств» радикальный феминизм нацелен на разрушение сложившихся гендерных отношений, фактически стремится к ликвидации различий между мужчиной и женщиной на базе некоего среднего андрогинного идеала. В итоге трендами западного социума выступают упадок мужественности, демаскулинизация и «превращение мужчины в ухоженное домашнее животное»³. Это сопровождается дискредитацией нормы гетеросексуальности, а социальный успех все чаще становится связан с нетрадиционной ориентацией, чему имеются попытки научного обоснования и легитимации (Р. Флорида)⁴.

Что касается российского общества, то в целом проблемная ситуация вытекает из следующих предпосылок.

Отечественный социум одновременно с западными странами переживает «гендерную революцию» (термин И.С. Кона), выражающуюся в заметных гендерных трансформациях. Россия находится в пространстве диффузного распространения «болезней» современной (западной) цивилизации, что влечет за собой деформацию устоявшихся гендерных практик, отмечаемую в науке, публицистике и периодической печати.⁵ Отсутствие единой, масштабной национальной идеологии порождает духовный эклектизм, в условиях которого активизируются фрагментарные идеологические течения, инициируемые и подкрепляемые Западным миром, реализующим тем самым практику сетевых войн, нацеленных на разрушение коллективного сознания обществ-оппонентов. Феминизм выступает одним из такого рода течений и не случайно знаковые фигуры российского радикального феминизма пользуются признанием в Западном мире (Ю. Цветкова).

² Больц Н.В. Размышления о равенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 65 (270 с.)

³ Там же. С. 81.

⁴ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XX1», 2007.— 421 с.

⁵ Пономарев Ф. Мужество нас покидает? Ученый о том, как меняются типично мужские качества. // «АиФ –ЮГ». – №9. – 26.02. 2020.

Очевидно, что идеология феминизма нацелена прежде всего на гендерную составляющую социальных отношений. Проблема воздействия идеологии феминизма на социокультурную динамику гендерных отношений лежит в области социологии культуры на стыке с гендерной социологией. В этой связи проблема видится в том, как российский социум реагирует на активизацию феминизма, какие социокультурные основания влияют на его потенциал к изменению ценностных и социокультурных смыслов гендерных отношений. Тем не менее возникает вопрос, как реагирует характер гендерных отношений в российском социуме на усиление феминистских идей, являющихся питательной средой для прозападного их восприятия.

Можно полагать, что настоящее исследование значимо для социологической науки в ряде моментов: во-первых более углубленное понимание отечественной гендерной составляющей в контексте постиндустриальных трансформаций, во-вторых, уточнение степени воздействия на российское общество политкорректных трендов, куда относится идеология феминизма; в третьих, расширение знаний об социокультурном феномене идеологии как составляющей современного информационного пространства.

Степень разработанности проблемы: В современном обществознании имеется немало работ, посвященных проблеме феминизма, многие из них носят заметный оценочный характер. Действительно, сохранять беспристрастность к феминизму как политическому движению, особенно в современных радикальных вариациях, весьма сложно. На современном этапе можно констатировать крайние позиции – либо констатация недопустимой эксплуатации мужчинами женщин, требующих срочных мер, что является коньком рассуждений известных феминисток, претендующих на научность (Д. Д. Батлер, Н. Вульф, Р. Розен) либо полное отрицание доводов феминизма, в котором видится результат самовыражения отдельных женщин, не сумевших в силу тех или иных причин реализовать определенный аспект своей женской сущности (А. П. Никонов, В. Виталис) или приписывание его появлению и распространению преимущественно политических причин (С. В. Строев). Характерно, что за исследование сущности и

динамики духовных и политических течений, связанных с борьбой за права женщин, главным образом брались именно ученые-женщины. Даже признанный классик современной гендерной социологии австралийский исследователь Роберт Коннелл впоследствии сменил пол, являясь теперь исследовательницей Рут Коннелл.

Концептуализация феномена идеологии имеет продолжительную историю и происходит на стыке объективистской субъективистской парадигм. Классике объективизма (К. Маркс, Ф. Энгельс), и субъективизма (В. Парето, П.И. Новгородцев) на смену пришел методологический синтез, воплощенный в работах К. Маннгейма, А. Грамши, Л. Альтюссера, К.Д. Гирца, У. Матца, Дж. Томпсона, Дж. Шварцмантеля, В.В. Мельника, М.К. Мамарадашвили, Е.С. Бабосова, А.Н. Кольева и др. Интересные разработки феномена идеологии применительно к постмодернистской современности предлагаются в трудах Г.И. Мусихина, В.Д. Соловья, А.Г. Хабибулина, А.А. Исаева и др.

Феминизм как идеология является предметом рассмотрения представителей гуманитарно-общественных наук. Предпосылки феминистских идей в теоретических построениях эпохи Возрождения описываются в работах Т.Б. Рябовой.⁶ Исторический аспект идеологии феминизма представлен в работах одного из лидеров отечественной гендерной социологии А.А. Темкиной⁷, а также затрагивается в труде Дж. Шварцмантеля⁸. Мощным фактором развития феминистских тезисов являлся духовный контекст. Для работ М. Уолстонкрафт, А.С. Адамс, О. де Гуж таковым фактором послужила философия Просвещения. Появление работ, признанных классикой феминизма, происходило в период, который обычно обозначается как «век идеологий» (большая часть XX в.). Тем самым логично, что теория феминизма испытывала воздействие определенной

⁶ Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. – Иваново: Изд. Центр «Юнона», 1999. Электронный ресурс: <https://web.archive.org/web/20090303232014/http://www.genderstudies.info/sbornik/sbornik15.htm>

⁷ Темкина А. А. Женское движение Второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Электронный ресурс: <http://www.eu.spb.ru/gender/movement.zip>

⁸ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.

классической идеологической системы. Так С. Бовуар, У. Майнхоф очевидно находились под влиянием левых политических концепций, тогда как Д. Батлер, Д. Митчелл, Р. Розен, А.Л. Дворкин и др. разрабатывали собственные теории под явным воздействием либерализма.

Исследователи идеологии феминизма не всегда остаются в рамках научной беспристрастности, демонстрируя те или иные ценностные предпочтения. Тем не менее можно говорить о солидной теоретической базе, полученной из научного анализа феминистской идеологии. Порой, добавляющие новые сведения к пониманию феминизма работы выходят за рамки научных исследований, и носят публицистический характер (А.П. Никонов)⁹. Что касается научных работ, то в монографии Н.В. Больша идеологии феминизма посвящена отдельная глава, где выявляются философско-политические истоки радикальной его версии.¹⁰ В статье О.Ю. Порошенко и Т.А. Харисовой проводится критический, но весьма плодотворный культурно-психологический анализ радикального феминизма¹¹. А.В. Кутелева небезуспешно рассматривает проблематику определений феминизма склоняясь к релятивистской его трактовке, поскольку феминизм есть продукт конкретного социокультурного и политического контекста¹². Через динамику феминистских идей рассматривает проблему женской самоидентификации Е.Е. Агафонова, делая акцент на пересмотре структуры женской/гендерной идентичности в рамках постмодернистского (читай радикального) феминизма¹³. А.В. Неронов и М.Ю. Неронова исходя из философского анализа феминизма, полагают результатом его эволюции на

⁹ Никонов А. П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от обезьяны. СПб.: Питер, ИЦ ЭНАС, 2010 – 368 с.

¹⁰ Больша Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. –С. 65-94.

¹¹ Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользящая женственность или Eat your make-up: критика радикального феминизма. Электронный ресурс: <http://globkazan.narod.ru/a15.htm>

¹² Кутелева А. В. «Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 16–24.

¹³ Агафонова Е. Е. «Динамика представлений о женской самоидентификации: от модернизма к постмодернистскому феминизму» // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2009. — № 3. — С. 13–19.

сегодняшний день господство наиболее радикальную экстремистской версии феминизма, направленной на разрушение сложившихся социальных и мировоззренческих структур¹⁴.

В качестве одной из опорных категорий настоящей диссертации выступают гендерные отношения. Среди отечественных мыслителей на серьезном научном уровне о женском вопросе выступил профессор В. И. Хвостов в 1914 году с монографией «Женщина и человеческое достоинство» (1914 г.)¹⁵. Классический уровень осмысления современной гендерной проблематики приписывается разработкам зарубежных социологов австралийца Р. Коннелла¹⁶ и американца М. Киммела¹⁷. Одновременно значительный вклад внесли работы отечественного признанного эксперта в области гендерных отношений и сексологии И.С. Кона¹⁸. Помимо названных имен необходимо назвать ряд других фигур в научном мире, которые внесли новации в понимание определенных аспектов гендерной проблематики. Так, исходя из общего историософского ракурса, делает акцент на исследования отношений гендерного партнерства российская исследовательница Л.Н. Надолинская¹⁹. В работах Г. Рубин показывается историческая преемственность структур мужского господства²⁰. Материнские истоки гендерных структур выявляются в трудах Нэнси Ходоров, в чем видится стереотипизация иерархических установок, и, соответственно, утверждение сексизма, столь

¹⁴ Неронов А.В. Неронова М.Ю. Понятия «гендер» в идеологии феминизма: философский анализ // Современные исследования социальных проблем 2021, Том 13, № 3. С. 131-154.

¹⁵ Хвостов В. И. Женщина и человеческое достоинство. М.: Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнёва, 1914. 510 с.

¹⁶ Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 – 432 с.

¹⁷ Киммел М. Гендерное общество/ Пер. с англ. под ред. О.Оберемко и И. Тартаковской. М.: РОССПЭН, 2006. –464 с.

¹⁸ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 –496 с.;
Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. — Ростов н/Д.: Феникс, 2006. — 608 с.

¹⁹ Надолинская Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России): автореф. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2008.

²⁰ Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е.Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 89-139.

нешадно критикуемого феминизмом²¹. Более широкий методологический ракурс предлагается Кэрол Гиллиган, которой истоки гендерной иерархии видятся в содержательных принципах классической когнитивной психологии и лежащей в ее основании рационалистической философии²². Дополнения в понимание гендера как социального конструкта вносят Дж. Лорбер и С. Фаррелл, привлекая для этого синергетическое рассмотрение.²³

Следует отметить, что на современном уровне развития гендерных исследований, особенно западных, принято отрицать дихотимичность гендера. Корни гендерной идентичности гораздо глубже, утверждается их многофакторная обусловленность – здесь видятся воздействия расовой, этнической и классовой принадлежности. В то же время довольно значительная группа ученых (Н.В. Болыц и др.) и обществоведов (П. Дж. Бьюкенен и др.), настаивает на традиционном подходе, заключающемся в признании биологически обусловленных различий мужчин и женщин, являющихся базисом для надстроечных структур гендера. Игнорирование подобного базиса немедленно влечет за собой деформационные сдвиги в гендерных отношениях.

Интересно, что проблематика гендерных отношений в советский период интересовала ученых-мужчин, делающих акцент на семейной сфере²⁴. А в постсоветскую эпоху тема мужчины и женщины нашла отражение в работах целой плеяды гендерных социологов, подавляющее большинство которых – женщины.

²¹ Н. Ходоров Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 140-165.

²² Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 166-186.

²³ Дж. Лорбер, С. Фаррелл Принципы гендерного конструирования// Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 187-192.

²⁴ Харчев А. Брак и семья в СССР. М: Мысль, 1979 –367 с.; Исаев Д., Каган В. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л.: Медицина, 1979. 160 с.

Это труды Е.А. Здравомысловой²⁵, А.А. Темкиной²⁶, С.С. Ярошенко²⁷, Е.Ю. Мещеркиной²⁸, И.Н. Тартаковской²⁹. В некотором роде обобщающий характер имеет фундаментальная монография И.С. Кона «Мужчина в меняющемся мире». Однако, не отметить, что плодотворность работ названных исследователей не отменяет того факта, что их либеральная ориентация повлияла на обоснованность некоторых их выводов, особенно касающихся специфики отечественных гендерных отношений. Вместе с тем, ряд их тезисов корректируется исследованиями других ученых, касающихся гендерной проблематики: Е.С. Балабановой³⁰, Н.В. Гончаровой³¹, И.О. Тюриной³², О.А. Хасбулатовой, Л.Г. Егоровой³³, С.А. Ильиных³⁴, А.Г. Штейнберга³⁵. Нельзя не отметить труды классика отечественной гендерной социологии Г.Г. Силласте, в которых характер и формирование отечественных гендерных структур рассматриваются как производные глобальных системных процессов, вместе с сохранением локальной проблематики³⁶.

²⁵ Здравомыслова Е. А. "Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях". Журнал социологии и социальной антропологии, 2017, № 20(5), С. 15-38.

²⁶ Темкина А. Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования 2002, №11, с. 9. (с. 4-15). Темкина А. А. Женское движение Второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Электронный ресурс: <http://www.eu.spb.ru/gender/movement.zip>

²⁷ Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни / В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002 – С. 172 – 196.

²⁸ Мещеркина Е. Институциональный сексизм и стереотипы маскулинности // Гендерные аспекты социальной трансформации / под ред. М. Малышевой. – М.: ИСЭПН, 1996 - С. 196-206.

²⁹ Тартаковская И.Н. «Ну, вот, мораль поменялась ...»: медийный гендерный дискурс // Социс, 2003 -№2 – С. 87-97.

³⁰ Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002, №11 – С. 26-36.

³¹ Гончарова Н. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования – 2003. – № 1. –С. 83-90.

³² Тюрина И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования, 2002, №11, С. 135-142.

³³ Хасбулатова О.А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие мужчин и женщин в средних городах России // Социс, 2002, №11 – С. 48-54.

³⁴ Ильиных С.А. Типология фемининности с позиции гендерной социологии: аспекты власти и потребления // Вестник НГУЭУ, 2013, № 2 - С. 45-57.

³⁵ Штейнберг А.Г. Мужской характер женского менеджмента // Социс, 2002, №11, С. 77-81

³⁶ Силласте Г.Г. Мировой гендерный ландшафт и страновой гендерный порядок в условиях глобальной трансформации социальных систем // Век глобализации. 2022, № 3. С. 112-131;

В последних работах по гендерной проблематике замечается два противоположных аксиологических уклона. В работах М.К. Карповой³⁷, Н.А. Нечаевой, И.С. Клециной и С.А. Векиловой³⁸ просматривается вписывающаяся в западные политкорректные тренды идея о желательности трансформации гендерных отношений в сторону эгалитарной модели, максимально нивелирующей мужские и женские социальные роли. Выказывают себя сторонниками обновленных взглядов на гендерную проблематику С.И. Реснянский и И.С. Амиантова предлагая в своей статье обобщенный анализ гендерных исследований на протяжении постсоветского периода.³⁹

Несколько иной вектор имеют работы Н.А. Чуркиной, а также А.В. Чернышевой и А.Г. Спирюговой.⁴⁰ В них анализируются трансформации гендерных отношений, исходя не столько из сугубо конструктивистской парадигмы, сколько предлагая методологический синтез эссенциализма и конструктивизма, на основании чего подобные трансформации определяются в терминах гендерных деформаций, разрушения мужской и женской идентичностей, гротескной личностной андрогинизации.⁴¹ Весьма содержательную методологическую позицию занимают исследователи региональных гендерных особенностей, полагая гендерные отношения сложнейшим синтезом психофизиологических, социокультурных, культурологических и историко-

Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2019. № 2. С. 3—16; Силласте Г.Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализции и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2021. № 2. С. 28—46

³⁷ Карпова М.К. Гендерные отношения в современном обществе: равноправие или неравенство? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 77–89. doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-9. EDN: BXXUAA

³⁸ Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформации // Женщина в российском обществе. 2020, №3 С. 78-91

³⁹ Реснянский С.И., Амиантова И.С. «Гендер в российской истории: обзор новейших исследований». Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 278–301.

⁴⁰ Чернышева А.В., Спирюгова А.Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник, 2021, вып. 6 - С. 1-19.

⁴¹ Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика, 2018 – 5. С. 16-20.

культурных факторов. Это труды А.Ю. Шадже, Х. Г. Тхагопсоева, Н.А. Ильиновой, Е.С.Куквы, З.Ч.Таукановой⁴² Однако труды этих ученых нацелены на узкий сегмент отечественного гендера, связанный с северокавказским регионом.

Значимым для нашего исследования является рассмотрение деформации мужского этоса как важного фактора гендерных отношений, в той или иной степени опосредованно воздействующего на разработки феминистских идеологов. Тем более, что факт его выхолащивания констатируется многими западными социологами, видящими здесь результат «болезни цивилизации» (А. Гат, Ф. Зимбардо), влияния гипертрофированного марксизма (П. Дж. Бьюкенен) или следствие разгула политкорректного феминизма (Н.В. Больц). Этот феномен не обошел и российский социум, что отражено в ряде научных и учебных публикаций⁴³. Но средоточием наиболее свежих взглядов по данной проблематике стал коллективный сборник статей «О муже(N)ственности», составленный С.А. Ушакиным⁴⁴, где представлены работы, исследующие различные, в том числе и исторические аспекты подобной проблемы. Для нашего исследования особое значение имела статья Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, которая помимо представленной в ней значительной информации, выступила еще и объектом оппонирования⁴⁵.

Корпоративный стандарт мужественности, складывающийся в слоях российского среднего класса, описан в статье Ж.В. Черновой.⁴⁶ Применительно к

⁴² Тхагопсоев Х.Г., Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Куква Е.С., Тауканова З.Ч. Детерминация гендера этническим фактором: кавказский дискурс. М.: Спутник+, 2019; Тхагопсоев Х.Г. Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 308-321.

⁴³ Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социальноконструктивистский подход. – М., 2011.– 168с.; Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулунц Г.А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 28–41.

⁴⁴ О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002– 720 с.

⁴⁵ Здравомыслова Е. Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 432-451.

⁴⁶ Чернова Ж. В. «Корпоративный стандарт» современной мужественности // Социс, 2003, №2 - С. 97-103.

тому же социальному сегменту относятся статьи А.В. Юрчака⁴⁷, описывающему необходимые символические формы мужской экономики, а также С. А. Ушакина, который констатирует во многом иллюзорный характер мужественности в преуспевающих группах⁴⁸. Проблематика мужественности затрагивается И. С. Коном главным образом в свете рассмотрения им маскулинности, в которой он видит прежде всего идеологический социокультурный конструкт, жестко навязывающий поведенческие стандарты мужчинам. Однако сторона воздействия мужественности и политического феминизма остается нераскрытой.

Все же, несмотря на солидный объем литературы по гендерной проблематике и феминизму, остается немало недостаточно проясненных вопросов. Как правило, феминизм и гендерные отношения рассматриваются по отдельности, вместе с тем названные явления связаны между собой прежде всего в плане социокультурной легитимации и в некотором роде диалектически. Гендерные отношения привлекают первоочередное внимание феминистских теоретиков, но в какой степени гендерная динамика, трансформационный характер которой принято подчеркивать, детерминирована именно феминистскими идейными течениями, остается вопросом.

Гипотеза исследования: Идеология феминизма в общественном сознании большинства россиян существует не в форме четко определенной мировоззренческой системы, а, скорее, как набор идеологем, отражающих реальные процессы трансформации гендерных отношений современной России. Для социального сознания большинства россиян идеология феминизма выступает скорее симулякром, чем реальным фактором изменений гендерных отношений. Степень ее влияния на социокультурную динамику гендерных отношений современного российского общества не высокая.

Объект: социокультурная динамика гендерных отношений.

⁴⁷ Юрчак А.В. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь»./ О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 245-267

⁴⁸ Ушакин С. А. Видимость мужественности. / О мужественности: Сборник статей. Сост. С.А. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 479-503.

Предмет: Влияние идеологии феминизма на социокультурную динамику гендерных отношений в современной России.

Цель: выявить влияние идеологии феминизма на социокультурную динамику гендерных отношений в современном российском обществе.

Задачи:

1) Уточнить характеристики идеологии феминизма как социологического феномена через категорию дискурсивного поля.

2) Рассмотреть динамику идеологии феминизма в контексте индустриальных-постиндустриальных трансформаций.

3) Выявить основные факторы изменений гендерных отношений на этапе радикализации феминистской идеологии.

4) Раскрыть основные тенденции трансформации гендерных отношений в советском-постсоветском социуме.

5) Осуществить критический анализ дискурса идеологии российского феминизма, выявить его ключевые идеологемы.

6) Определить отношение россиян к ключевым идеологемам российского феминизма, характер их влияния на гендерные установки.

Теоретико-методологическая база исследования: Представленная работа находится на стыке социологии, социальной психологии, социальной философии и культурологии. Общий ориентир заключается в опоре на принцип историзма, что предполагает рассмотрение идеологии феминизма в соотнесении с социально-историческими этапами, касающимися прежде всего стадии индустриального общества, а также перехода к информационному обществу. Кроме того, принимался в расчет диалектический принцип – развитие феминизма последовательно ставило перед ним все новые задачи, на современном этапе далеко выходящие за рамки женской эмансипации. Авторская трактовка идеологии как социального феномена базируется на сочетании подходов социологического объективизма (марксизм, К. Маннгейм, В. Парето), объясняющего обусловленность идеологии социально-экономическими и социально-политическими факторами, а также подходов, видящих источники идеологии и

мировоззренческих установок, прежде всего в коллективной психологии и традиционных культурных установках (К. Гирц, А.Н. Кольев, В.С. Полосин). В то же время, современные условия информационного общества предполагают тенденции дробления и фрагментации духовных форм, в связи с чем идеологические структуры реализуются через клиповое сознание и мышление имиджами. Идеология феминизма рассматривается диссертантом через социальную обусловленность, особенно заметную в феминизме первой и второй волн; психологическую обусловленность, выраженную стремлениями отдельных активных и пассионарных женщин; а также политическую обусловленность, наглядно проявляющуюся на современном этапе в формах радикального феминизма третьей волны, выступающего в качестве сегмента глобального проекта политкорректности

На фундаментальную методологическую установку данного исследования повлиял подход И.С. Кона, который констатирует эссенциалистскую и конструктивистскую сторону гендерных отношений, при этом по ходу цивилизационного развития конструктивистская сторона становится более значимой в силу усиливающегося разнообразия методик формирования. Тем не менее, эссенциалистский аспект (культурный коррелят пола, половой диморфизм) никогда не исчезнет, постоянно сохраняя вполне определенное значение. Наше видение гендерной проблематики согласуется с позицией видного Северо-Кавказского и российского ученого Х.Г. Тхагапсоева, который считает, что гендерные отношения включают неодолимый биологический источник, ролевое культурное амплуа, меру маскулинности и феминности человека. «Гендер — это сумма, синтез и сплав всех указанных факторов, а также результат влияния социокультурного контекста бытия человека на его личность и самосознание»⁴⁹.

В ходе анализа принципов структурирования гендерных отношений в качестве определенного среза общественных отношений главной методологией

⁴⁹ Тхагапсоев Х.Г. Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 312.

выступал подход Р. Коннел, разработанный в традициях теории структуризации Э. Гидденса, а также габитуса П. Бурдьё, дополняемый выкладками М. Киммела и И.С. Кона. Основные динамические тренды, влияющие на гендерные отношения, в том числе касающиеся выхолащивания мужественности, анализировались через труды социальных философов (Ж. Липовецкий, В. Хесле, Л.Г. Ионин и др.), социологов (Р. Коннел, Н.В. Ботьц, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина), социальных психологов (Ф. Зимбардо, Н. Коломбе).

Что касается сдвигов отечественного гендерного уклада, то здесь основой послужили работы отечественных социологов А.А. Темкиной, Е.А. Здравомысловой, С.С. Ярошенко и др., выводы которых были существенно скорректированы в результате обращения к трудам Е.С. Балабановой, И.Н. Тартаковской, С.А. Ушакина, Н.В. Гончаровой, И.О. Тюриной, С.А. Ильиных. Гендерная проблематика в российском обществе рассматривалась нами, с одной стороны, как отражение объективных изменений внутренней социальной реальности, в рамках которой принималась в расчет гидденсовская теория структуризации, а также теоретические выкладки структурного функционализма; с другой стороны, в качестве следствия диффузного влияния внешнего мира, прежде всего, процессов западной цивилизации, что на уровне масштабных сущностей вскрыто в трехфакторной теории социально-исторического процесса С.А. Нефедова.

Эмпирическая база диссертационного исследования складывалась из данных вторичных исследований, полученных из работ Е.С. Балабановой⁵⁰, Н.А. Гончаровой⁵¹, И.О. Тюриной⁵², С.В. Ярошенко⁵³, И.С. Кона⁵⁴. А.В. Рачипа, С.И.

⁵⁰ Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002, №11 – С. 26-36.

⁵¹ Гончарова Н.А. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования – 2003. – № 1. – С. 83-90.

⁵² Тюрина И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования, 2002, №11, с.135- 142.

⁵³ Ярошенко С.С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни / В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002 – С. 172-196.

⁵⁴ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – 496 с.

Самыгина, А.В. Верещагина⁵⁵, М.К. Карповой⁵⁶, И.С. Клециной, С.А. Векиловой⁵⁷, Г.С. Ковтуна, А.А. Купермана⁵⁸

В качестве объекта собственного эмпирического исследования, проведенного диссертантом, выступили:

1). Идеологические тексты лидеров мнений и сторонников феминизма, представленные в рамках отечественной блогосферы.

2). Мужчины и женщины города Краснодара (492 респондента) в возрасте от 19 до 50 лет. В ходе изучения феминистского дискурса применялся контент-анализ с элементами дискурс-анализа, а также методы социальной психологии. Анкетный опрос проводился для определения позиций феминизма в общественном сознании, выявления коллективных установок по поводу гендерных отношений и их оценки. В ходе обработки данных были использованы метод герменевтики, математические методы, статистики, сравнения и обобщения.

Научная новизна:

1). Предложена модель дискурсивного поля как методологического инструментария социологического анализа современных идеологий. Данная модель дает возможность определить степень вовлеченности в сферу влияния идеологии феминизма

2). На основе анализа идеологии феминизма как социально-исторического явления, затрагивающего прежде всего сферу гендерных отношений, уточнены его источники и факторы, определены конструктивный и деструктивный аспекты, дана оценка их соотношению на современном этапе.

⁵⁵ Рачипа А.В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2016, №8-9

⁵⁶ Карпова М.К. Гендерные отношения в современном обществе: равноправие или неравенство? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 77–89. doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-9. EDN: VXXUAA

⁵⁷ Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформации // Женщина в российском обществе. 2020, №3 С. 78-91

⁵⁸ Ковтун Г.С. Куперман А.А. Гендерные представления современной студенческой молодежи (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017.№1 С. 53-63.

3). Осуществлен комплексный анализ тенденций изменений гендерных отношений, в том числе через увязку с глобальной социокультурной и социально-политической динамикой, предложено расширенное видение круга факторов этих изменений и роли в них современных версий радикального феминизма.

4). Предложен анализ динамики гендерных отношений отечественного социума в советский и постсоветский период через призму смены доминирующих социокультурных моделей. Выявлена картина источников, направлений и характера гендерных изменений.

5). Осуществлен критический анализ ключевых идеологием российского интерсекционального феминизма, предложена картина его конструктивных сторон, а также имеющиеся противоречия.

6). Определены позиции идеологии феминизма в общественном сознании россиян и характер ее влияния на гендерные установки. Дана оценка идеологии феминизма в качестве феномена отечественного социума.

В результате проделанной работы на защиту выносятся следующие положения:

1. Идеология выступает системной компонентой общества, носящей отпечаток его основных характеристик и социальных противоречий. Идеология – мировоззренческая система, определяющая у социальных субъектов отношение к реальности, задающая логику его осмысления и оценивания; также выступающая фактором (в отдельных случаях важнейшим) социальных действий и стратегий. Современные идеологии рассматриваются как своего рода дискурсивные поля, которые имеют собственные границы, механизмы воспроизводства и расширения влияния, а также предполагают принудительное воздействие на мышление и поведение индивидов, имеющих различную степень вовлеченности в поле. В современных условиях доминирования в общественном сознании клипового мышления, усиливается «текучесть» идеологических процессов, предполагая весьма разнообразные варианты идейного комбинирования. Феминизм выступает одним из проявлений молекулярных идеологий, нацеленных не на тотальный охват, а лишь на обоснование определенного сегмента общественной

проблематики. Рассмотрение идеологии феминизма через призму дискурсивного поля позволяет выявить степень вовлеченности в нее индивидов, находящихся в сфере воздействия идеологии феминизма.

2. Феминизм как идеология имеет три источника. Главный толчок был дан дискурсом Просвещения, где ключевой составляющей являлась идея социальной эмансипации. Далее, феминизм концептуализировал проблематику гендерных отношений, прежде всего гендерной иерархии. Но также феминизм выступает выражением индивидуальной позиции отдельных авторов–женщин, обращающихся к социально-политической проблематике. В эволюции идеологии феминизма нашли отражение социальные трансформации, связанные с индустриализацией и появлением глобального информационного общества, сопровождающиеся усилением постмодернистских трендов. Динамика феминизма, как идеологии, предполагает последовательно расширяющееся целеполагание: от постановки ограниченных правовых и социально-экономических задач до пересмотра принципов общественного порядка. Конструктивная сторона феминизма заключается в том, что он служит стимулом и средством легитимации происходящих гендерных трансформаций в сторону их выравнивания, что отражает общий тренд индустриально-постиндустриальной динамики. Деструктивный смысл особенно явно проявляется в современных радикальных формах феминизма, нацеленного на расшатывание исторически сложившихся устоев традиционной культуры, ставя под сомнение ее эстетические аспекты, тем самым способствуя ее деградации. Эта разрушительность обусловлена методологически – абсолютизацией посыла об исключительно социальной природе гендера; а также идеологически – радикальный феминизм органически связан с проектом политкорректности, выступающим формой гипертрофированной эмансипации, ведущей к социальной хаотизации.

3. Динамика гендерных отношений органично связана с общественными трансформациями, предполагающими смену макросоциальных типов: традиционный - индустриальный – постиндустриальный. С традиционного общества гендерные отношения имеют характер мужского доминирования,

выраженного в социокультурном конструкте – гегемонная маскулинность. Но, по ходу социальных трансформаций, гендерные структуры проявляли тенденции к смягчению и отказу от жестких патриархальных форм, что рефлексировалось обществом в форме идеологических течений феминизма первой и второй волн. На современном этапе происходит подрыв и размывание сущностных устоев гендерных отношений, имеющих как конструктивистскую, так и природную обусловленность. Признаками деформации гендерных отношений следует считать кризис института традиционной семьи, расширение феномена одиноких самодостаточных женщин, рост групп нетрадиционной ориентации (ЛГБТ и пр.), некоторые из которых инициируют появление однополых браков. Подобные тенденции в передовых западных обществах имеют диффузный характер и выступают следствием ряда ключевых факторов:

а) Общий ход социальной (шире – цивилизационной) эволюции, где, с одной стороны, технологический прогресс способствует снятию и ослаблению барьеров между многими женскими и мужскими ролями и функциями; с другой – снижается запрос на социальный ресурс мужественности, составляющий с женственностью диалектическое единство; с третьей – насаждается культура потребления и гедонизма, которая захватывает в большей степени мужчин, ослабляя их витальный потенциал, содействуя гендерно-ролевым конфликтам и маргинализации сознания.

б) Радикальный феминизм «третьей волны», выступающий сегментом дискурсивного поля политкорректности, жестко насаждающей социальную логику «общества меньшинств» и способствующей разложению и деградации социокультурных основ западного социума.

4. Эволюция гендерных отношений в российских условиях с одной стороны, отражает общецивилизационный смысл, выражающийся в размягчении гендерных структур, а с другой – имеет собственные особенности, обусловленные ментальными, историческими и политическими факторами. Советский гендерный уклад, в целом, сохранял традиционные принципы формирования базовых основ, несмотря на распространенность некоторых девиантных феноменов (алкоголизма

и пр.). Это подтверждает практика 90-х годов, когда социальное большинство демонстрировало, в основном, типичные для мужчин и женщин установки сознания и поведения.

Специфика постсоветской социальной динамики, имеющей в том числе гендерное отражение, во многом обусловлена социально-экономической поляризацией, в связи с чем обозначился мужской сегмент, склонный к маргинализации собственных поведенческих стратегий, а также другой, более социально активный сегмент, зачастую придерживающийся в 90-е годы криминальных практик. Женщины в своем поведении по большей части адаптируются к меняющейся ситуации, а те нередкие случаи выполнения ими мужских функций носят обычно вынужденный характер. При этом расширяются возможности профессиональной самореализации наиболее пассионарных и активных женщин. Между тем, российский социум полностью не обошли процессы, работающие на деформацию гендерных отношений, основной источник которых – диффузные тренды западной цивилизации. Речь идет о кризисе института брака, расширяющихся феноменах неполных семей и самодостаточных женщин. Происходит усиление многообразия отечественных социокультурных стилей (полистилистическая культура), некоторые из которых стремятся делегитимизировать гендерный уклад, отражением которого является гегемонная маскулинность. Однако отечественный социум менее западного подвержен гендерной деформации, что объясняется, в первую очередь, противодействием традиционных культурных ценностей, во-вторую – политическими барьерами, не дающими России погрузиться в претендующий на глобальность проект политкорректности.

5. На основании анализа дискурса феминизма целесообразно выделить следующие его основные идеологемы. Ключевой идеологемой выступает утверждение об исключительно искусственном происхождении гендерных различий, что по сути является методологической базой феминистских построений. Конструирование гендерной составляющей социальных отношений предполагает мужское превосходство, что отражает идеологема гегемонной маскулинности, и,

соответственно, женскую дискриминацию – идеологема сексизма. Производными от гегемонной маскулинности и сексизма выступают ряд идеологем более частного плана – репродуктивное насилие, домашнее насилие, бодишейминг, «второй смены». В то же время отражением сохраняющихся патриархальных принципов российского общества сторонники феминизма считают ряд выходящих за рамки гендерных отношений феноменов, выполняющих функции феминистских идеологем: гомофобия, эйблизм, трансфобия.

Ряд идей дискурса феминизма объективно отражают назревшие общественные проблемы. Это касается домашнего и сексуального насилия, разрыва оплаты труда, феномена «стеклянного потолка», «неженских» профессий, и т.п. Более неоднозначна проблема так называемого репродуктивного насилия. Возможно, запрет на аборты (активно продвигаемый консервативной общественностью) должен сопровождаться усилением социальной политики в области охраны материнства.

Более субъективный характер имеют социокультурные и политические претензии сторонников феминизма. Видя в бодишейминге (миф о красоте) исключительно продукт искусственного гендера и выступая за его минимизацию, если не ликвидацию, феминизм в качестве альтернативы выдвигает натурализм, тем самым оспаривая некоторые эстетические, а порой и гигиенические нормы. Политическое, по сути, требование феминизма легализировать ЛГБТ отражает здесь диффузное влияние политкорректного проекта, имеющего антироссийский вектор. В лице отдельных своих представителей феминистский дискурс пересекается с русофобским. В этих случаях российский феминизм приобретает контркультурный смысл, демонстрируя неприятие ряда доминирующих черт и смыслов отечественной культуры.

6. Исследование общественного мнения в отношении гендерных отношений и позиций феминизма показало весьма распространенную тенденцию расхождения оценок мужчин и женщин. Если первые в основном отстаивают традиционные принципы гендерных отношений, то вторые явно настроены на его своеобразную модернизацию, выступая за расширение женских карьерных возможностей, а

также за более гибкую внутрисемейную структуру. Согласно результатам исследования вовлеченность в дискурсивное поле феминизма среди россиян следующая. К «приверженцам» можно с более или менее высокой степенью точности отнести не более 2-3% мужчин и примерно 8-10 % женщин. Более расплывчаты границы категории «попутчики», куда относятся около 15% мужчин, а также 25-30% женщин. Тем самым, твердых сторонников современного феминизма в России немного даже среди женской половины (не более 10%); в то же время не столь много и откровенных противников (четверть мужчин и около 9% женщин). Явно выраженных корреляций между отношением к феминизму и различными аспектами гендерных отношений выявлено не было, что опосредованно указывает на ограниченную роль феминизма как идеологии. Большая часть опрошенных демонстрирует скорее неопределенное отношение к феминизму, что позволяет допустить их дальнейшую эволюцию как к симпатизантам данной идеологии, так и к ее противникам.

Тем самым можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза получила подтверждение. Для социально-культурного сознания россиян феминизм выступает скорее симулякром, чем реальным фактором изменений гендерных отношений. Динамика последних идет своим чередом под влиянием объективной действительности, где феминизм не играет первостепенной роли. Вместе с тем, потенциал для усиления влияния феминизма в российских условиях имеется и роль предпосылок могут сыграть усиление влияния западных ценностей индивидуализма и потребительства в общественном сознании, а также уже существующие тенденции деформации гендерных отношений.

Теоретическая значимость исследования.

Работа предлагает расширенное видение идеологии как социального феномена, находящегося в диалектическом взаимодействии с процессами объективной реальности, что прослеживается на примере феминизма, разнообразившего свои формы в условиях постмодерна и политкорректности. Уточнены вехи развития феминизма как идеологии и направления гендерных исследований. Выявлена политическая сущность феминистского дискурса

отечественной блогосферы. Определено место феминизма в общественном сознании и факторы, способствующие возможному его усилению. Скорректирована доминирующая в научном дискурсе точка зрения гендерной социологии на гендерные отношения советского и постсоветского периодов.

Практическая значимость исследования.

Тезисы и выводы настоящей работы целесообразно использовать при определении направлений государственной политики в контексте диффузного влияния западных политкорректных трендов, отражающих логику сетевого войны. В то же время при формировании социальной политики имеет смысл учесть некоторые проблемы, которые обоснованно ставятся феминистскими теоретиками. Результаты исследования могут быть использованы как материал для написания курсов лекций, учебных пособий, учебников по дисциплинам: «Социология», «Социология культуры», «Культурология», «Гендерная социология»; для разработки спецкурсов: «Геоцивилизационное пространство современной России», «Современные идеологии».

Структура работы: Диссертация состоит из введения, двух глав и шести разделов, заключения и списка литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к исследованию динамики гендерных отношений в контексте эволюции идеологии феминизма

1.1. Дискурсивное поле идеологии феминизма

Феминизм как социальное явление наиболее часто рассматривается в форме социального движения, нацеленного на реализацию в том числе и ограниченных политических целей; или в форме идеологии, где акцент делается на структуру взаимно связанных теоретических положений, потенциально вооружающих определенное социальное движение. В данной работе феминизм будет рассматриваться именно как идеология. Приступая к рассмотрению идеологии, именно как социологического феномена, нам следует обозначить в качестве рабочей предпосылки три неотъемлемых признака идеологии, которые позволяют продемонстрировать ее отличия от близких явлений.

Во-первых, идеология обязательно имеет своего группового носителя или действующего субъекта. Другими словами, идеология не может обойтись без определенной социальной базы, представленной каким-нибудь числом сторонников этой идеологии, которые разделяют ее основные положения. По словам А.Н. Медушевского конкретная идейная форма становится идеологией лишь тогда, если «не остается уделом одинокого философа, но приобретает в силу определенных причин признание и быстро набирает себе приверженцев – группу сторонников», при этом предполагая «элемент информационных связей между представителями и массой сторонников»⁵⁹. В этом плане идеология отличается от политической философии, которая обычно разрабатывается в академических кругах и не обязательно имеет массовую поддержку.

Во-вторых, идеология отнюдь не частное, но универсальное явление человеческой истории. Одни авторы относят ее появление одновременно с

⁵⁹ Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 13. (608 с.)

процессами формирования государственных систем (Л. Е. Гринин), другие и вовсе полагают появление идеологии вместе с обществом. Согласно тезису известного философа М. К. Мамардашвили, «состояние, при котором не было бы идеологии невозможно в принципе»⁶⁰.

В-третьих, идеология представляет собой открытую мировоззренческую систему и, в соответствии с изменениями материального и духовного мира, модифицирует (а порой и основательно трансформирует) свои основные положения. Эта специфическая черта идеологии отличает ее от религиозных систем, которым присущ догматизм.

Общесоциологическое осмысление идеологии приписывается классикам марксизма⁶¹. Классики научного анализа идеологии – К. Маркс и Ф. Энгельс видели его результатом общественных отношений. Идеологическая составляющая содержится фактически в любых духовных явлениях (религия, философия, мораль, право и т.д.), которые есть суть производные от взаимодействий социальных групп. Истоки социальных идей следует искать в общественном структурном раскладе – собственное положение в социуме побуждает сознание благосклонно принимать одни идеи, принципиально отвергая другие.

В то же время социальное мировоззрение формируется на групповом уровне, где объединяющим фактором выступают сходные статусные позиции. Усиливающаяся конкуренция в обществе вынуждает людей к объединению ради отстаивания собственных коллективных интересов, что выступает предпосылкой группового или классового сознания, превращающегося как бы в самодовлеющее обстоятельство для индивидуальных воззрений. Господство определенных идей отражает лидерство конкретных групп, заинтересованных в распространении подобных идей. По словам К. Маркса мысли господствующего класса «суть господствующие мысли эпохи»⁶². Выдавая собственный групповой интерес за

⁶⁰ Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии – СПб.: Азбука, 2018 – С. 72-73.

⁶¹ Попова И.М. Повседневные идеологии // Социологический журнал, 1998 № ¾, с. 6 (5-21)

⁶² Маркс К. Немецкая идеология. // Маркс К. Социология. Сборник. М., 2000. С. 367.

всеобщий, социальные лидеры лишь стараются обуздать социальные интересы конкурирующих групп, затрудняя их распространение. В этом-то и заключается, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, «ложность» господствующей идеологии, как правило, выступающей с официальных государственных позиций. С целью эффективного закрепления духовного лидерства правящие группы выделяют профессиональных идеологов, делающих «источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе».⁶³ Эти иллюзии подаются не только как наиболее разумные и имеющие большой социальный эффект, но и посредством транслирующих механизмов, нацеленных на максимально глубокое их внедрение в массовое сознание.

Таким образом ключевыми моментами в описании идеологического феномена в классическом марксизме выступают, во-первых, указание на групповой характер процессов формирования идеологии, а во-вторых, акцент на роли господствующей мировоззренческой системы. Эти положения впоследствии углублялись и методологически расширялись.

Германский социальный философ К. Маннгейм тоже увязывает идейные формы и объективную действительность. Сознание индивида во многом отражает сознание группы, поскольку конкретный человек, вольно или невольно, мыслит в формах мышления группы и говорит ее языком. Так как общественные группы обычно образуются на почве сходных жизненных обстоятельств, то духовные формы ориентированы на поддержание связи между «фрагментами реальности как внутреннего психического, так и объективного внешнего опыта»⁶⁴. Однако К. Маннгейм заметно расширяет источники формирования групповой идеологии, помимо рационального интереса, включая иррациональную компоненту. Человеческому мышлению «чтобы гарантировать непрерывность ориентации на знание в групповой жизни, необходимы волевые и эмоциональные элементы

⁶³ Маркс К. Немецкая идеология. // Маркс К. Социология. Сборник. М., 2000. С. 368.

⁶⁴ Маннгейм К. Идеология и утопия /Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 24.

подсознания», которые во многом производные «от совместного переживания, подготовленного в сфере бессознательного»⁶⁵.

Кроме того, способы мышления в те или иные исторические эпохи различны. В традиционные эпохи мышление носило более умозрительный смысл – люди «обращались в своих поисках истинного и действительного к Богу или к идеям чистого созерцания»⁶⁶, однако с течением времени формирование сознания становится все более детерминировано жизненной практикой, при этом приобретая все большую гибкость. В ходе меняющихся жизненных обстоятельств изменяется в том числе и «ложное сознание». Многие первоначально разделяемые большинством нормы устаревают со временем, переходя в разряд ложного сознания. По мысли К. Маннгейма, в рамках одной и той же исторической и социальной сферы обычно существуют «различные структуры ложного сознания, – одни из них опережают «современное» им бытие, другие отстают от него»⁶⁷.

Еще больший упор на иррациональный фактор в рассмотрении идеологии делал итальянец В. Парето (1848-1923), обращая здесь внимание на чувственную и нередко неосознаваемую сторону человеческой природы. Последняя стремится найти логически приемлемое объяснение любому своему поступку или намерению, пусть даже смысл данного объяснения будет далеко отстоять от их истинных причин. По-другому, налицо определенная рациональная маскировка иррациональных по сути вещей. «Эти действия чисто инстинктивные, - пишет В. Парето, – однако человек, который их совершает, испытывает чувство удовлетворения, когда находит, обычно произвольно, их логические причины»⁶⁸. В стремлении найти своим поступкам удобное теоретическое обоснование индивидуальное или коллективное сознание обычно обращаются к уже имеющимся идейным структурам. Большинство людей вынуждено «обобщать

⁶⁵ Маннгейм К. Идеология и утопия /Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 32-33.

⁶⁶ Маннгейм К. Идеология и утопия /Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.68.

⁶⁷ Маннгейм К. Идеология и утопия /Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 85.

⁶⁸ Парето В. Социалистические системы. //Теоретическая социология: Антология в 2-х ч. Т.1. С. 255.

стереотипы своего поведения в виде немногих аксиом»,⁶⁹ камуфлирующих инстинктивный смысл человеческих действий. По мысли В. Парето, имеют место несколько устойчивых во времени наиболее распространенных чувств (стремление к индивидуальной свободе, стремление к справедливости), которые и выступают основой наиболее массово популярных идеологических систем.

Весьма любопытна концепция гегемонии А. Грамши, современника и соотечественника В. Парето. Гегемония понимается им как способность правящей группы навязать собственное господство, не прибегая к насилию. При таких условиях идеологическая составляющая выходит на первый план, выступая в разнообразных обликах – масштабных и законченных формах (например, официальная пропаганда), а также на фрагментарном уровне (убеждения, стереотипы, нормы).

Главным творцом идеологической гегемонии является интеллигенция, которая фактически нанимается правящими группами для исполнения подобной работы. Условием утверждения гегемонии конкретной группы (класса), по мысли А. Грамши, выступает своего рода идеологическая ассимиляция традиционной интеллигенции.⁷⁰ В то же время через идеологию достигается не только внутреннее сплочение, но и делается попытка распространить влияние вовне, на иные группы, что приводит к противоборствам на идеологической почве.

Идеология выводится не только из потребностей социальных классов, но и из культуры. Последнюю интеллигенция старается синтезировать с классовыми интересами, что помогает выдавать их за общественные (национальные) интересы. Ведущее значение здесь имеет культурное ядро, включающее традиционные представления о добре и зле, мире в целом и т.д. Это ядро следует обязательно поддерживать в устойчивом состоянии, что обеспечивается через комплекс информационных идеологических источников, как явного (пресса, радио,

⁶⁹ Парето В. Социалистические системы. //Теоретическая социология: Антология в 2-х ч. Т.1. С. 259.

⁷⁰ Грамши А. Тюремные тетради. [электронный ресурс] URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/gramshi_tyuremnie_tetrad_i_zbrannoe.htm, дата посещения: 09.10.2014.

публицистическая литература), так и неявного (искусство, художественная литература и т.п.) характера. А. Грамши указывает на важность нейтрализации контр-гегемонистских тенденций со стороны других групп, с которыми происходит конкуренция за влияние на массы. Обычно правящий класс решает эту задачу посредством поддержания оппозиционных сил в раздробленном состоянии⁷¹. Концепция А. Грамши весьма созвучна концепции дискурса, дискурсивного поля, которая будет рассмотрена несколько позже.

С позиции социологического объективизма рассматривает идеологию известный отечественный социальный мыслитель А. А. Зиновьев. Подобно упомянутому М. К. Мамардашвили, А.А. Зиновьев не считает применимыми к идеологии категории истинности - ложности. Задача идеологии – обеспечить коллективное единство, через посредство множества людей «сходным образом думать о каких-то явлениях реальности и совершать какие-то поступки под воздействием такого понимания сходным образом». В связи с этим идеология «создает и навязывает людям определенные стереотипы (алгоритмы) сознания, проявляющиеся в стереотипах поведения»⁷².

Идеология не может не исказить реальность в силу собственной социальной функции, используя для своей главной задачи как истинные, так и извращающие реальное положение дел элементы. Но идеи овладевают массами тогда, когда соответствуют интересам, желаниям, умонастроениям людей, если идеология воспринимается этими людьми «как обоснованная признаваемыми ими аргументами, убедительная».⁷³ А.А. Зиновьев отмечает исторический смысл идеологии, полагая появление конкретных ее форм в соответствии с меняющимся типом социальных отношений. На этапе традиционного общества идеологический фундамент составляли религии, адекватно отражая не только состояние

⁷¹ Лейстер Джереми Теория гегемонии Грамши и ее современное звучание. [электронный ресурс] URL: www.politnauka.org, дата посещения: 12.10. 2014.

⁷² Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Эксмо, 2003 – С. 24, 31 (240).

⁷³ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Эксмо, 2003 – С.24, 29.

объективного мира, но и уровень сознания. В современном мире идеологии в концептуальном плане становятся более рационально ориентированными.

А. А. Зиновьев, оппонировав сторонникам теории деидеологизации, настаивает на необходимости идеологии, поскольку процессы формирования сознания никак нельзя пускать на самотек. В случае попустительства есть все шансы, что сознание людей будет захвачено иной, менее желательной идеологией. Отсюда следует институционализировать идеологическое производство, для чего привлекается до 20% населения⁷⁴.

Концепция А. А. Зиновьева скорее отражает ситуацию второй половины XX в., нежели первых десятилетий следующего столетия. Это проявляется в смысловой привязке идеологии к потребностям национального государства. Вместе с тем, действительность последних десятилетий актуализирует как более масштабные, так и более узкие уровни идеологического воздействия. Это обстоятельство старается учесть известный белорусский социолог Е. М. Бабосов, считая возможным говорить о трех ярусах современных идеологических явлений: глобальном (общечеловеческом); национальном; охвата конкретных социальных общностей (классов, корпораций и пр.)⁷⁵

Рассмотренные нами выше социологические подходы к идеологии делают основной акцент на общественных антагонизмах, отражающихся в политике. Носителем и социальным производителем идеологии могут оказаться самые различные по масштабу акторы – государства, сословия, классы. В то же время выработанная система идей оказывает обратное воздействие на производителя, способствуя объединению данной группы, выработке коллективной идентичности. Ясно, что субъект идеологического производства исходит из собственных актуальных задач, что соответственно отражается на форме и содержательной наполненности идеологии.

⁷⁴ Там же. С. 20.

⁷⁵ Бабосов Е. М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск: Амалфея, 2009. – С. 28.

В общем и целом, классические трактовки идеологии главным образом строятся вокруг противоречий социально-экономического плана, что вполне понятно, учитывая период бурной индустриализации, на который приходится деятельность вышеупомянутых мыслителей. Тем не менее, общественная проблематика в целом куда более широка и разнообразна, касается и других сфер, находя соответствующее духовное отражение. В работах К. Маннгейма, в принципе, констатируются серьезные издержки при трансформации традиционного общества в индустриальное. О похожих последствиях пишет С. Хантингтон, характеризуя процессы модернизации как в западных, так и в незападных обществах⁷⁶. П. Штомпка описывает состояние коллективного сознания, сопровождающее постсоциалистические рыночные преобразования через категорию культурной травмы⁷⁷. А вот в современном обществе нарастающие постмодернистские тенденции как раз актуализируют трения, противоречия, конфликты главным образом социокультурного плана, при этом не всегда отражающиеся в политических противостояниях.

Немецкий исследователь У. Матц рассматривает идеологию больше как средство для социально-терапевтических функций. Он считает, что идеология есть система убеждений, необходимая на период различного рода социальных кризисов, когда меняются духовные и институциональные условия, благодаря которым распространяется аномизация или кризисное сознание. Таковые обстоятельства У. Матц видит в трансформациях Нового времени, в ходе которых бурное экономическое развитие и секуляризация составляли антагонизм традиционным ценностям и нормам⁷⁸. Упомянутый ученый отрицает за идеологией структурно-функциональную необходимость открытого общества, видя в ней результат исторических случайностей. «В фазе мировоззренческих кризисов они (идеологии)

⁷⁶ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 480 с.

⁷⁷ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования, 2001, №1 – С.6-16.

⁷⁸ Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000. С. 1065.

вроде костылей подвернулись под руку и как таковые превратились в доминантный элемент политической культуры». ⁷⁹ Более того, идеологии не способны решить проблемы социальной аномизации – помогая ликвидации одного духовного кризиса, идеология неизбежно стимулирует появление другого. Следовательно, социум только выиграет, избавившись от подобного «жалкого мифотворчества» и «суррогатов подлинной гражданской веры».

Подобная уничижительная трактовка идеологии вполне распространена в западной общественной науке, однако явно отдает редуционизмом и недооценкой идеологического феномена. Ценность подхода У. Матца для нашего исследования заключается в его акценте на терапевтической функции идеологии, что во многом отражает ситуация с идеологией феминизма. На это указывает и более расширительный подход К. Маннгейма, однако подобное назначение идеологического феномена несколько затерялось в его рассуждениях, имеющих заметный социально-политический уклон.

В похожем социокультурном ключе предпочитает исследовать идеологии современный американский ученый К. Гирц. Он отталкивается от базовой предпосылки о разбалансировании общества, постоянно наличествующем «социальном трении», имеющем хронический характер. Любая национальная система есть конгломерат непреодолимых антиномий, а потому подобное «социальное трение» – вездесуще, и неустранимо, проявляясь как на личностном, так и на групповом уровнях. Структурные несоответствия могут отражаться в рамках индивидуального сознания несбалансированным комплексом конфликтующих стремлений, чувств, порождающих психологическое напряжение. Подобная характеристика типична для современных людей, психологическое состояние которых К. Гирц определяет как «организованное отчаяние». Последнее вызывает реакцию в виде идеологии, которая представляется «символическим выходом» для порожденных социальным дисбалансом психических нарушений. Однако у большинства людей, занимающих схожее социальное положение,

⁷⁹ Там же. С. 1072.

«подобные возмущения, по крайней мере, в общем плане, одни и те же». Отсюда идеологические реакции на нарушения тяготеют «к единообразию, которое будет дополнительно усилено предполагаемой общностью «базовой структуры личности» у представителей конкретной культуры, класса или профессиональной категории»⁸⁰.

Предлагая культурно-психологический подход, К. Гирц интерпретирует идеологию в том же духе, видя в ней систему взаимосвязанных символов и взаимовлияющих смыслов. В его трактовке это своего рода культурная модель, поставляющая что-то вроде чертежей и шаблонов для организации общественных процессов.⁸¹ Ясно, что подход К. Гирца заставляет вспомнить об иррациональной компоненте идеологии, на которую настойчиво указывают не только сторонники субъективистского подхода (В. Парето), но и объективисты (К. Маннгейм).

Следует заметить, что иррациональная сторона идеологического мышления предполагает рассмотрение мифологического ее источника. Миф в нашем понимании представляет собой некую архетипическую форму, наполненную определенным культурно-символическим содержанием. В значительной степени вскрывается мифологическая основа идеологии в работах отечественных социальных философов А. Н. Кольева⁸², В. С. Полосина⁸³.

В эпоху модерна и индустриализма идеологическая ситуация рассматривалась с позиции двух главных акторов идеологического производства – государство и общество, взаимодействие которых имело и духовную составляющую.⁸⁴ Много внимания подобным процессам уделял известный немецкий философ и социолог Ю. Хабермас, видя в первом безличный

⁸⁰ Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур - М.: 2004. С. 235.

⁸¹ Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур - М.: 2004. С. 247.

⁸² Кольев А. Н. Политическая мифология. Реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. – 384 с.

⁸³ Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. — 440 с.

⁸⁴ Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. Идеология государства и общества: варианты взаимодействия // Общество и право – 2017, - №1 – С. 167-176.

объективированный феномен, а во втором – «публичную сферу», а именно область межличностных, отношений, спонтанно возникающих посредством актов взаимопонимания «равных с равными».⁸⁵ По мысли Ю. Хабермаса, публичная рефлексия растворяет наличные формы господства, трансформирует институциональные ограничения, тем самым высвобождая потенциал коммуникативного действия⁸⁶.

Духовным отражением названного периода (второй половины XX в.) стали «тотальные идеологии», транслирующие целостную картину социального порядка, предлагая нечто вроде проекта «всеобщих политических и социальных изменений».⁸⁷ Именно к подобной разновидности относят известную классическую идеологическую триаду – либерализм, консерватизм и социализм. Каждая из названных идейных систем предлагает собственную целостную картину общественного порядка и в указанный период психологически поддерживалась осознанием национально-государственной идентичности. Постмодернистский философ Ж.-Ф. Лиотар предпочитает вместо тотальной идеологии употреблять категорию «метанарратива», как репрессивного по своему духу всеобщего мировоззрения, выступающего базой концепций и политических программ⁸⁸.

Но в первые десятилетия XXI в. очевидными стали ряд объективных обстоятельств, воздействующих на идеологическую сферу.

Во-первых, нынешнюю социальную действительность целесообразно характеризовать в терминах информационного общества, поскольку в нынешних условиях многократно возросли возможности информационного воздействия и манипулирования сознанием и поведением. Пропагандистская работа велась во все времена политической истории, тем не менее по меткому замечанию М.Г.

⁸⁵ Давыдов Ю. Н. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса (метосоциологические итоги социологии XX века) / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии. Т. 4 – М.: Канон, 2002. – С. 597- 624.

⁸⁶ Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – С.859. (976 с.).

⁸⁷ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – С. 19.

⁸⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998. – 160 с.

Делягина, если раньше властные структуры вынуждены были как-то преобразовывать объективную реальность в соответствии с актуальными общественными проблемами, то с наступлением информационной эпохи становится куда как проще и эффективней влиять на сознание. «Возможности перестройки сознания, - пишет М.Г. Делягин, – резко ограничивают круг проблем, стоящих перед государством, при этом качественно повышая его возможности»⁸⁹.

В связи с этим, Л.Г. Ионин предлагает для характеристики нынешней политико-информационной ситуации термин медиадемократия. Суть его заключается в том, что социальное большинство более или менее продвинутых и модернизированных стран трактуется в качестве однородной массы, а через медиапроизводство осуществляется регулировка массового сознания и поведения. Популяризаторы и комментаторы современной политики ориентируются на образ политической рекламы, в рамках которой ставка делается не на осмысление, но навязывание кратких сообщений через возможно более яркие сконструированные образы (триггеры). Вследствие этого, информационное поле приобретает характер развлекательного шоу⁹⁰. Распространенной формой воздействия массмедиа на общественное мнение является формирование, так называемой, «повестки дня», которая внедряет в общественное мнение конкретную схему видения социальной ситуации, навязывая переднему плану общественного дискурса «актуальные» темы»⁹¹.

Во-вторых, возросло количественное разнообразие идеологических акторов. Помимо государственных институтов и общества в качестве субъектов распространения идеологических форм могут выступать международные организации, нацеленные на медиапроизводство (CNN, разнообразные социальные сети и платформы Интернета).

В-третьих, феномен клипового мышления. Влияние тех же медиа строится на имиджах – ярких визуальных и музыкальных образах, символах, формирующих

⁸⁹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003, С.142.

⁹⁰ Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010 – С. 247.

⁹¹ Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма / Л. Г. Ионин – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010 – 304 с.

отношение к реальности и стимулирующих к определенным действиям. Клиповое мышление означает особенность человека воспринимать мир через яркое короткое послание, воплощенный в виде видеоклипа или телевизионных новостей⁹². Такое мышление считается реакцией сознания людей на возросший объем информации, оно способно отразить множество свойств различных объектов без учета взаимосвязей между ними, быстро переключаться между фрагментами информации, в то же время не способно к целостному восприятию окружающего мира⁹³. Преимущество имиджевого воздействия заключается в его способности обойти логико-дискурсивный аспект сознания, апелляции напрямую к эмоциям, побуждению к социальному действию без осознания причин. Это помогает в механизмах мобилизации через СМИ или интернет сети. В то же время мобилизованные подобным образом сообщества, как правило, рыхлы и внутренне непрочны⁹⁴.

Итогом стало дробление мировоззренческой целостности. Ж-Ф. Лиотар полагает, что стержневым выражением новой культурной эпохи стал отказ от метанарративов, претендующих на универсальность, поскольку совершенствующиеся информационные коммуникации дробят на фрагменты любой «образ целого».⁹⁵ Дж. Шварцмантель, не считая состоявшимся полный крах тотальных идеологий, все же констатирует факт их определенного вытеснения частичными идеологиями, которые концентрируются обычно на решении специфической, а не всеобщей проблематики. В качестве образцов частичных (молекулярных) идеологий, данный автор рассматривает современные экологизм и феминизм.⁹⁶ Сюда же можно смело отнести множество этнонациональных

⁹² Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний, 2019, №3 –С. 67 (66 – 70)

⁹³ Там же. С. 69.

⁹⁴ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – С. 262.

⁹⁵ Полянников Т. С. Национализм в (пост)современном мире. «Неожиданности» постбиполярного мира: национализм, сепаратизм и межэтнические конфликты / Т. С. Полянников // Полития. – 2006. – № 3. – С. 74 (67-95).

⁹⁶ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 302. с.

идеологий, а также идейных систем, взятых на вооружение разнообразными меньшинствами, составляющими современный дискурс политкорректности.

Представляется удобным социологизировать современную идеологию феминизма через категорию дискурсивного поля. Лаконичное и одновременно достаточно емкое определение дискурса дает современный социолог В. Ильин, видя здесь социальное взаимодействие по поводу определения реальности⁹⁷. Дискурс выступает фактором некоего социального единства, позволяющего отделить «своих» от «чужих». По мысли современного исследователя идеологий Г. И. Мусихина, «идеологии в значительной степени выражаются и усваиваются через дискурс, т. е. путем устного или письменного коммуникативного взаимодействия»⁹⁸. При этом подчеркивается двусторонний характер данного процесса в духе теории структуризации Э. Гидденса – идеологии не только обзаводятся дискурсами, но и воспроизводятся последними. Г. И. Мусихин конкретизировано подходит к рассмотрению идеологических механизмов через социализацию.

В сопоставимой степени важны как прямой процесс формирования дискурса посредством воспитания, выработки общих норм и представлений, так и обратный процесс, когда идеологические дискурсы выступают в роли готовых ментальных моделей. Тем самым «идеологии могут рассматриваться как развивающиеся снизу вверх обобщенные ментальные модели, так и воздействующие сверху вниз идеологические «инструкции»⁹⁹. Тот же феминистский дискурс может формироваться под влиянием известных текстов его ведущих авторов (Ники Водвуд, Ю. В. Цветковой и пр.), а также подпитываться социальной практикой, в рамках которой могут возникать соответствующие устойчивые представления и оценки.

⁹⁷ Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008 – С. 62 ((456 с.)

⁹⁸ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — С. 52 (288 с.)

⁹⁹ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — С. 71-72.

Г.И. Мусихин справедливо указывает на важность психологического механизма самоопределения в ходе формирования идеологического дискурса – принадлежность к своим, помогает образованию чувства превосходства к чужим. Он предпочитает видеть стратегию позитивной самопрезентации и негативной презентации «чужих». Эта стратегия работает на всех смысловых уровнях, подчеркивая «наши» положительные и «их» отрицательные качества и, напротив, смягчая «наши» недостатки и затушевывая «их» преимущества.¹⁰⁰ В поле идеологического дискурса участники могут отрицать идеологизированный смысл собственных рассуждений, полагая их основой истинное знание. Собственные убеждения подаются и навязываются не как тенденциозная идеология, а как «фактическое знание, отрицание которого – не иная точка зрения, а заблуждение и нежелание «видеть факты»¹⁰¹.

Категория дискурсивного поля, разработанная и предложенная В.И. Ильиным, трактуется им как смесь интеллектуального и социального полей, где словесное взаимодействие трансформируется в определенный тип социальной практики.¹⁰² Здесь предполагается наличие некоего пространства информационно-коммуникативного взаимодействия, содержательный смысл которого определяется в данном случае идеологическим конструктом. Ключевая категория дискурса – контекст, контролирующий ключевые аспекты формирования дискурса и, по выражению Г.И. Мусихина, является идеологически «пристрастным» к общей социально-политической ситуации, накладывая «отпечаток на выбор лексических конструкций в ходе общения»¹⁰³.

Идеологическое дискурсивное поле в качестве социологического феномена обладает собственной структурой и границами, которые определяются логическим единством. Воспроизводство поля обеспечивается различными текстами, имеющими временную и пространственную динамику. «Идеи одного автора

¹⁰⁰ Там же. С. 61.

¹⁰¹ Там же. С. 57.

¹⁰² Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008 – С. 64.

¹⁰³ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — С. 53.

развиваются, уточняются, переносятся другими на другое предметное поле. В результате совокупность нередко очень большого числа авторов превращается в единый интеллектуальный поток». В общении участников поля мелькает набор «своих» имен.¹⁰⁴

Дискурсивное поле имеет силовой характер, так как пребывание в нем предполагает принудительное подчинение определенным стандартам мышления, идейным принципам и т. п. Условием принадлежности к данному полю выступает включение в дискурс, «быть в курсе», уметь высказаться, оценить или просто продемонстрировать осведомленность.¹⁰⁵ Кроме того, нередко принадлежность к конкретному полю носит и культурно-символический смысл (стрижка панков, облачение рокеров-металлистов, женщины в мусульманских хиджабах). Закономерно имеются механизмы поддержания границ дискурса и отсева посторонних элементов.

В. Ильин интерпретирует дискурсивное поле с точки зрения определенной иерархической структуры. Главенствующее ядро или своеобразный центр составляют основоположники традиции. Если говорить о феминизме, то это признанные классики теории – М. Уолстонкрафт, С. Бовуар и др. Далее следуют лидеры-интерпретаторы, которые развивают традицию применительно к определенному месту и времени. В этом плане можно назвать феминистских теоретиков – американок Б. Фридан, Дж. Митчелл, немку У. Майнхофф, нашу соотечественницу А.М. Колонтай. Активисты организуют поле дискурса, вовлекают в него новых членов, но мало что вносят в теоретическом плане. По всей видимости здесь можно назвать современных российских сторонников феминизма Ники Водвуд, Д.А. Серенко, проявляющих информационно-идеологическую активность, но им также свойственны определенные черты лидеров-интерпретаторов. Приверженцы поддерживают данное дискурсивное поле, следуют его правилам, но не отличаются особой активностью в плане его

¹⁰⁴ Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008 – С. 65.

¹⁰⁵ Там же. С. 67, 68.

расширения и воспроизводства. Наконец, попутчики – часто лишь временно попадающие в пространство влияния данного дискурса, что-то понимают, что-то используют, но «в целом это почти посторонние люди, которые также легко уходят, как и приходят».¹⁰⁶ Тем самым концепт дискурсивного поля позволяет определять степень вовлеченности и погруженности в сферу влияния той или иной идеологии, что весьма важно для нашего исследования.

Г. И. Мусихин отмечает, что взаимодействие поля идеологического дискурса с другими полями такого рода имеет, главным образом, конфронтационный характер – соперничающий дискурс объявляется как предвзятый, идеологизированный и т. п.¹⁰⁷ Чуждые идеи либо отвергаются без разбора, либо разгромно критикуются, что обычно происходит лишь с фрагментом текста оппонирующего дискурса. В то же время, реальность сложнее. Нельзя отрицать, что границы идеологических дискурсов и формируемых ими полей стали более подвижными. Ж. Лиотар, констатируя конец тотальных идеологий (триада либерализма, консерватизма, социализма), явно упрощает ситуацию. М.М. Федорова справедливо указывает на расплывчатость и аморфность классических идеологий.¹⁰⁸ Н. В. Буковская констатирует варианты идейной интеграции, происходящей на базе ценностного сходства, политической конъюнктуры или иных социальных обстоятельств. Причем подобный политический синтез может пойти в ускоренном темпе и в неожиданном направлении.¹⁰⁹

Целесообразно говорить о кризисе, но все же не о завершении эпохи господства идеологической триады, с чем солидарны ряд зарубежных (Дж. Шварцмантель) и отечественных ученых (А.Г. Дугин, М. Ю. Мартынов и др.). Все три идеологии продолжают действовать пусть и в модифицированном виде, своеобразно адаптировавшись к вновь появившимся групповым акторам и ими

¹⁰⁶ Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008 – С. 70.

¹⁰⁷ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — С. 52-72.

¹⁰⁸ Федорова М. М. К вопросу о генезисе понятия идеологии (Просвещение и идеология) / М. М. Федорова // Политическая теория, язык и идеология. – М., 2008. – С. 252 (252–268).

¹⁰⁹ Буковская Н. В. Метаморфозы политико-идеологического дискурса: интеграция ценностей / Н. В. Буковская. – Политическая теория, язык и идеология. М., 2008. – С. 301, 305 (295-312)

транслируемым интересам. Разнообразие идейных комбинаций ведет к появлению новых идеологических форм, особенностью которых обычно становится охват какого-то ограниченного круга вопросов, что вписывается в предложенный Дж. Шварцмантелем концепт молекулярной или фрагментарной идеологии¹¹⁰. Так, рыночная составляющая либерализма употребляется при обсуждении глобальной экономической и политической проблематики (неолиберализм). Идеология политкорректности являет синтез либерализма с социализмом (расхожее выражение «леволиберальный»), где ключевым тезисом выступает идея эмансипации, главным образом, в рамках культурно-политической сферы. Имеющий отчетливо выраженную антиглобалистскую и одновременно проамериканскую направленность трэмпизм основан на либерально-консервативном синтезе. Социализм выделил из себя как пролиберальный сегмент, так и почвеннический сегмент, сторонники которого в России идут на союз с консерваторами образуя нечто вроде патриотического дискурса.¹¹¹ Весьма интересную эволюцию в этом плане проделал относимый к классу молекулярных идеологий феминизм, который довольно чутко реагировал на изменение социальной реальности.

Подытоживая материал раздела остановимся на следующих положениях.

Идеология выступает системной компонентой общества, носящей отпечаток его основных характеристик и социальных противоречий. Идеология представляется мировоззренческой системой, определяющей у социальных субъектов отношение к реальности, задающей логику его осмысления и оценивания; также она выступает фактором (в отдельных случаях важнейшим) определенных социальных действий и стратегий. Современные идеологии рассматриваются как своего рода дискурсивные поля, которые имеют собственные границы, механизмы воспроизводства и расширения влияния, а также

¹¹⁰ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.

¹¹¹ Мартынов М.Ю. Габеркорн А.И. Патриотический дискурс в идеологических трендах «новых медиа» в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4 - С. 112. (104-120)

предполагают принудительное воздействие на мышление и поведение индивидов, имеющих различную степень вовлеченности в поле. В условиях доминирования в современном общественном сознании клипового мышления, идеологические дискурсивные поля имеют «текучий» характер, предполагая весьма разнообразные варианты идейного комбинирования. Классические идеологии на сегодняшний день зачастую выступают в роли парадигм, на которых выстраиваются более частные идеологические комплексы, нацеленные на определенный круг общественной проблематики. Одним из заметных проявлений такого рода более узких (молекулярных) духовных структур выступает идеология феминизма, активно использующая либеральные и социалистические интеллектуальные традиции. Рассмотрение идеологии феминизма через призму дискурсивного поля позволяет выявить степень вовлеченности в нее индивидов, находящихся в сфере воздействия идеологии феминизма.

1.2. Идеология феминизма в контексте индустриальных - постиндустриальных трансформаций

Рассматривая феминизм в качестве идеологического дискурса, необходимо определиться с его содержанием, формирующими дискурсивное поле акторами, а также с влияющими на данный процесс обстоятельствами. В данном разделе пойдет речь, главным образом, о воздействующих на содержание феминистской идеологии социальных факторах, представленных в ракурсе исторической динамики. Дело в том, что именно серьезные объективные сдвиги, вроде масштабных общественных трансформаций, меняющих тип социальных отношений, оказываются решающими для сдвигов и в социокультурном плане. Подобный методологический принцип пронизывает работы И.С. Кона – отечественного гендерного социолога. Им достаточно убедительно продемонстрировано, что социокультурные представления, связанные с гендерными отношениями (каноны маскулинности и феминности) в промышленно-развитых странах Запада меняются сильнее и быстрее, чем в странах третьего мира¹¹².

Но изначально уместно будет упомянуть, что производителями феминизма и субъектами его распространения выступали, как правило, женщины особого психического склада, наделенные пассионарностью, признаком которой выступает, по словам Л. Н. Гумилева, необоримое стремление к целенаправленной деятельности, связанное с изменением общественного или природного окружения¹¹³. Пассионарные женщины существовали в любые исторические эпохи.

Например, в первых войнах молодого арабского халифата женщины иногда сражались наравне с мужчинами, а Хинд Бинд Утба и вовсе сыграла решающую роль в одном из ключевых эпизодов сражения при Ярмуке (636 г.). Можно

¹¹² Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 109.

¹¹³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2021 – С. 340 (704 с.)

вспомнить о подвигах француженки Жанны Д'Арк или индуски Лакшми Бай. И.С. Кон подчеркивает постоянный характер «войны полов» на индивидуальном уровне в доиндустриальных обществах¹¹⁴, и, как можно полагать, нередко в данной войне верх могли брать женщины. Тем не менее феминизм, как целостная идеология, мог возникнуть лишь при определенных объективных, прежде всего социальных и культурных обстоятельствах.

Принято разделять три волны феминистской идеологии, причем главной теоретической предпосылкой первой считается философия Просвещения, во многом определяющая мировоззренческую парадигму XVIII-XIX вв. Тем не менее, духовной предтечей феминизма вполне уместно считать эпоху гуманизма, так называемой, «осени средневековья»¹¹⁵.

Средние века вполне можно рассматривать как общество, наиболее приближенное к традиционному типу отношений, где предполагались четко фиксированные гендерные роли. По словам Т.Б. Рябовой, «средневековье представило наиболее развернутую и аргументированную концепцию женского несовершенства, однако именно средневековая культура содержала и ростки другого, нового отношения к женщине. С христианской культурой в нашу жизнь пришли два женских образа-антипода, которые до сих пор играют важнейшую роль в отношении к женщине, — виновница грехопадения Ева и добродетельная мать Христа Мария»¹¹⁶.

Все же эпоха гуманизма не случайно трактуется как Ренессанс, возрождение античного принципа «человек есть мера всех вещей». С этой позиции могли осуществляться достаточно вольные философские рефлексии в том числе и на тему статуса женщины. Жительница Вероны XV в. Изотта Нагаролла оспаривала популярную тогда установку изначальной порочности женщины ввиду

¹¹⁴ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 98 (496 с.)

¹¹⁵ Хейзинга Й. Осень средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М. Наука, 1988 – 544 с.

¹¹⁶ Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. – Иваново: Изд. Центр «Юнона», 1999. Электронный ресурс: <https://web.archive.org/web/20090303232014/http://www.genderstudies.info/sbornik/sbornik15.htm>

первородного греха, указывая на природную слабость Евы – где «меньше разума и меньше стойкости, там меньше греха», следовательно, Ева согрешила меньше. Потому-то коварный змей искушал именно ее, полагая, что мужчину по причине его большей природной силы искушить сложнее¹¹⁷. Вина Адама в том, что он, будучи созданным более совершенным и разумным, обязан был лучше присматривать за более слабой женщиной.

Другая итальянская гуманистка Кассандра Феделе известна своей речью, произнесенной в 1487 г. в Падуанском университете, и сам по себе данный факт был весьма необычным для того времени, так как в этот университет доступ женщинам был закрыт. Закономерно, что речь она начала с признания того, что «осведомлена о слабости своего пола и скудости моего таланта», тем не менее в своем выступлении высказала новаторские идеи – призывая стремиться к получению образования как мужчин, так и женщин.

Еще более настойчиво и страстно отстаивала права женщин на свободное образование Лаура Черета (1469-1499 гг.), обличая чрезмерные человеческие заблуждения, приводящие к тому, что «те женщины, которые сдерживаются путами сомнения, отчаялись овладеть гуманистическими науками, в то время как они легко могли бы добиться этого мастерством или добродетелью».¹¹⁸ В письме к Бибуло Семпронию она решительно отвергает его довод о том, что образованнейшая женщина – редкое исключение. Напротив, таких случаев предостаточно насчитывалось с незапамятных времен. «Аргумент вашего пола есть власть, нашего – способности. Но вместо мужской силы мы, женщины, от природы наделены хитроумием; вместо чувства самоуверенности — осторожностью. И глубоко внутри, пожалуй, мы очень довольны собой».¹¹⁹

В содержании текстов упомянутых женщин-авторов заметен личностный отпечаток, особенно когда речь идет об эмоциональной составляющей, как в

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. – Иваново: Изд. Центр «Юнона», 1999. Электронный ресурс: <https://web.archive.org/web/20090303232014/http://www.genderstudies.info/sbornik/sbornik15.htm>

¹¹⁹ Там же.

последнем случае. Это дает основание предположить налет субъективизма, который следует принимать во внимание. В целом же можно предположить, что феминистические мотивы в период «Осени средневековья» были свойственны рассуждениям лишь отдельных личностей и не влияли на устойчивость существующего гендерного уклада, имеющего религиозную легитимацию.

Значительно больший толчок развитию феминистических идей был дан эпохой Нового времени, когда мощное философское течение фактически поставило под вопрос принципы социального жизнеустройства. Интеллектуальные принципы Просвещения имели тесную взаимообусловленность с масштабными общественными трансформациями, знаменующими вытеснение традиционного социального типа индустриальным.¹²⁰

Л.Г. Ионин связывает Новое время с модернизмом, который толкует весьма широко, видя в нем не только макросоциальный, но и культурно мировоззренческий феномен. Обществу модерна, как правило, присуща индустриальная капиталистическая экономика, демократическая политическая организация, классовая структура. Основополагающими культурными характеристиками модерна выступают индивидуализм и рационализм. Первый предполагает концепцию «свободной, автономной, саморегулирующейся личности, как основы совместного социального бытия людей». Тогда как рационализм толкуется в качестве стремления руководствоваться в социальных поступках исключительно принципами разума, отказываясь от диктуемых религией, традицией, авторитетом прежних истин.¹²¹ Закономерно, что внутренняя логика модерна ставила под сомнение, в том числе и гендерные аспекты устоявшегося веками иерархического порядка. Мы полагаем, что принципы

¹²⁰ Тамбиянц Ю. Г. Почему побеждает либерализм: осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии / Ю. Г. Тамбиянц. – Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ, 2006. – 395 с.

¹²¹ Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. – М.; СПб.: Университетская книга, 2012 – С. 16-17 (237 с.)

Просвещения явились базой духовного обоснования или, своего рода, рамочной идеологией (термин Л.Г. Ионина¹²²) всех основных вариантов феминизма.

Англичанка Мэри Эстел, на рубеже XVII-XVIII вв. указывала на то, что правила игры в обществе во всех отношениях выгодны мужчинам. «Если все мужчины рождены свободными, то почему все женщины рождены рабами?» Многие мужчины женятся ради денег, власти или из тщеславного желания видеть рядом с собой привлекательную жену и им совершенно не выгодно иметь дело с умной, образованной женщиной. Но для большинства женщин такого рода брак вовсе не может быть здоровым состоянием, тогда как образование могло бы вооружить их навыками, которые позволили бы повернуть ситуацию в свою пользу. Чтобы заключить действительно здоровый брак женщине необходимо сначала получить образование, тогда ей легче будет заключить брак, основанный на настоящей дружбе, а не на необходимости или гордости.

Как представляется, важным фактором выступал ситуационный контекст. Бурные события Великой Французской революции наверняка оказали влияние на появление таких фигур, как Мэри Уолстонкрафт и Олимпия де Гуж. Первой принадлежит труд «Защита прав женщин» (1792 г.) который является возможно первым системным изложением идей феминизма. Рассуждая с позиции возведенного Просвещением в абсолют рационализма, М. Уолстонкрафт заключает, что способность размышлять никак не связана с половой принадлежностью, хотя и признает факт, что большинство женщин в основном глупы и поверхностны. Однако это объясняется отнюдь не врождённым недостатком ума, а тем, что мужчины из своих соображений закрывают женщинам доступ к образованию. Присущая женщинам «слабость» и готовность покоряться также рассматривается как результат мужского влияния. Женщины несомненно могли бы достичь намного больших общественных успехов, если бы с ранних лет свое основное внимание не направляли бы на красоту и внешний лоск. «Обученный с младенчества, что красота — скипетр женщины, ум приспособливается к телу и,

¹²² Там же. С. 7.

бродя вокруг своей позолоченной клетки, стремится только украсить тюрьму»¹²³. М. Уолстонкрафт серьезно касается проблематики домашнего хозяйства и женского участия в нем. Если в обществе не оплачиваются домашние обязанности, то вполне закономерно женская экономическая зависимость от мужчины. Домашние дела и материнство являются «формой разумного гражданства», их следует рассматривать как общественные обязанности, но не как форму личного удовлетворения или, напротив, страдания женщины.

Правда, М. Уолстонкрафт испытала больше опосредованное влияние Французской революции, а вот Олимпия де Гуж была ее активной участницей, оказавшись впоследствии ее жертвой. В 1791 г. ею была разработана «Декларация прав женщины и гражданки», где содержались требования предоставить женщинам политические права – прежде всего избирательные права, а также возможность занимать государственные должности. В ходе революции де Гуж, принадлежа к лагерю Жиронды, была одним из организаторов реальной феминистической политической организации «Общество женщин революционных республиканок», которая была запрещена в 1793 г. якобинским Конвентом. В 1795 г. уже после казни де Гуж политические права женщин были вновь урезаны, а в 1804 г. по указу Наполеона I объявляется, что женщина не имеет никаких гражданских прав и находится под опекой у мужчины.

Надо сказать, что в Европейских странах XVIII– первой половины XIX вв. женщины принимали весьма ограниченное участие в социальной жизни – еще сохранялись элементы традиционных отношений с ярко выраженной патриархальной составляющей. Простолюдинкам не запрещалось посещение публичных мест, а светские дамы обычно организовывали салоны, и некоторым из них удавалось оказывать опосредованное влияние на политику, через своих посетителей. Революции 1848 г. дали определенный толчок политической институционализации феминизма – возникновению организаций, борющихся за

¹²³ Wollstonecraft M. *The Vindications: The Rights of Men and The Rights of Woman* / ed. D. L. Macdonald, K. Scherf. Toronto, 1997. 143 p

права женщин («Всеобщий германский женский союз»), однако после поражения эти организации закрывались, а женщины вновь оттеснялись от политики.

Значительно дальше зашло развитие феминизма как идеологии в англосаксонских странах, где капитализм развивался быстрее и успешнее. По сути именно в этих странах феминизм утвердился в качестве устойчивого социального движения со своей значительной социальной базой, что дает основание говорить о первой волне феминизма. Здесь помимо идей Просвещения налицо была благоприятствующая объективная ситуация – индустриализация, как известно, сопровождается урбанизацией, что создает условия для массовых движений под теми или иными идеями. Главной социальной базой феминистских движений первой волны были образованные женщины из привилегированных групп, которые в условиях промышленного роста активно включались в общественную жизнь, требуя прежде всего политического равноправия. Основные центры борьбы женщин за свои права оказались во второй половине XIX в. в Англии и США. В силу этого английский термин «суфражизм», означающий избирательное право вообще, вошел в историю как определение политического направления в феминизме.

В концептуальном утверждении либерального феминизма в Англии принял активное участие известный философ Д.С. Милль, не без духовного влияния своей супруги Г. Тейлор. В своей работе «Подчиненность женщины» (1851) Д. С. Милль интерпретировал брак как законное рабство, а воспитание женщины целенаправленно формирует в ней соответствующие «слабости», ограничивающие ее свободу выбора, фактически обрекая на роль сексуального объекта. Необходимо стремиться к тому, чтобы «женщина могла подняться из положения прислуги до положения партнера»¹²⁴.

В США, как известно, капитализм получил значительно больший толчок, как благодаря протестантизму, так и в силу удаленности от Континента. Считающаяся

¹²⁴ Милль Дж. Ст. Подчиненность женщины С приложением писем О.Конта к Дж. Ст. Миллю по женскому вопросу. М.:Ленанд, УРСС -320 с.

первой американской феминисткой Абигейл Смит Адамс известна предельно радикальным для того времени утверждением: «Мы не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участвовали, и власти, которая не представляет наших интересов». Надо отметить, что в Америке феминизм приобрел куда более сильный практический уклон, для чего существовало больше возможностей, чем в Европе. В 1848 г. в городе Сенека Фолз 68 женщин и 32 мужчины подписали «Декларацию позиций и резолюций», где утверждалось фактически изначальное равенство женщин и мужчин. Равноправие предполагалось в правах собственности, свободном профессиональном выборе, браке, получении образования и т. д. Данное событие считается поворотным пунктом в истории не только американского, но и мирового феминизма, дав начало формированию его либерально-реформистского направления.

Однако существовали и противоположные либерализму мировоззренческие основания феминизма. Эти источники отталкивались не от политического, а от усиливающегося социально-экономического неравенства, которое сопровождало процессы утверждения и закрепления капиталистических отношений. Это не могло не сказаться на представительницах женской половины социального большинства. Значительная их часть несла теперь двойное бремя – домашнее хозяйство (где женщина оставалась главным субъектом), и работы на фабрике, поскольку заработка мужчин обычно не хватало. Как правило, женщинам было проще устроиться на работу в отрасли, близкие традиционным видам их деятельности. Например, в 1911 г. в Англии около 33% наемных женщин работали в прислуге; 16% — в швейной промышленности, в том числе надомной; около 20% были заняты в текстильной промышленности. Похожая ситуация с женской занятостью наблюдалась во Франции. В то же время заработок женщины был заметно ниже неквалифицированных работников-мужчин. Как отмечает Э. Гидденс,

патриархальные отношения возникли задолго до капитализма, однако развитие последнего породило ряд новых форм дискриминации по половому признаку¹²⁵.

Проблему гендерной иерархии видели уже социалисты-утописты, предлагая своеобразные способы ее решения. Они исходили из убеждения, что только в случае принципиальных общественных изменений оказывается достижимым равноправие полов. В будущем обществе женщине следует предоставить возможность участия в производственных процессах, а мужчина в свою очередь должен наделяться домашними обязанностями, в том числе касательно воспитания детей. Современная им семья виделась как источник угнетения женщин мужчинами, отсюда предлагалось установить равные права на смену партнера и свободную любовь.¹²⁶ Подобные идеи в концентрированном виде содержало «Воззвание одной половины человечества, женщин, против претензий другой половины человечества, мужчин» (1824 г.), написанное последователем Р. Оуэна У. Томпсоном и ведущей феминисткой 1820–1830-х гг. Анной Уиллер.

К концу XIX в. наметилось противостояние либерального и социалистического феминизмов, причем последний заявлял о себе уже не столько с утопических, сколько с марксистских позиций. Его последователи критиковали либеральный феминизм за его буржуазный уклон, который выражался в отстаивании интересов обеспеченных и образованных женщин, между тем как обойденными оказывалась женская половина рабочей среды. В то же время апеллирование к ее интересам не дало особых результатов, так как жены рабочих и работницы оставались, главным образом, социально пассивными. Однако марксистский подход существенно расширил методологическую базу феминизма, включив сюда тезис об историчности идеологии мужского превосходства, что сыграло свою немалую роль уже в XX в., в период «второй волны» феминизма. На

¹²⁵ Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // // Социологические исследования, 1992, №7 - С.136-137.

¹²⁶ Захарова О.В., Нойкова Е.А. Зарождение феминизма и феминистского движения в конце XVIII — первой половине XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. Есенина, №2 (67), 2020.

тот момент явно господствовал либеральный вариант, сторонники которого имели свои организации, помимо США, практически во всех европейских странах.

В конце XIX в. феминизм окончательно утверждается на уровне официальных социальных институтов. Так в 1888 г. основывается международная феминистическая организация «Международный совет женщин», формально объединяющая всех представителей этого течения. Однако большинством в ней обладали именно сторонники либерального варианта. Под давлением этого объединения, организовавшего несколько значительных политических акций, английский парламент был вынужден предоставить юридическое право незамужним состоятельным женщинам поступать в высшие и средние образовательные учреждения, а также владеть и управлять собственностью. С 1894 года женщинам официально предоставляется право голоса на местных выборах.

Подытоживая краткое рассмотрение особенностей идеологии феминизма Первой волны, можно вполне солидаризироваться с характеристикой Дж. Шварцмантеля, считающего феминизм данной стадии развития неким «приложением» к классическим идеологиям. То есть дискурсивное поле феминизма выступало как частный вариант идеологического поля либерализма или социализма. Идеи этих классических политических концепций как бы расширялись, включая проблематику женской эмансипации.¹²⁷ К этому следует добавить, что концептуальное развитие феминизма прежде всего было обусловлено политическими и социально-экономическими условиями. Так, тенденции республиканизма и демократии, а также капиталистическое развитие предоставляли больше возможностей для возникновения женских организаций с определенными целями. Надо сказать, что наиболее успешным оказалось движение либерального феминизма – к середине XX века в странах Европы и Северной

¹²⁷ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – С. 194.

Америки женщины были полностью уравнены в избирательных, имущественных и всех иных юридических правах с мужчинами¹²⁸.

Вторая волна феминизма приписывается 60-80-м годам XX столетия. Дж. Шварцмантель полагает, что феминизм этого периода преодолел подчиненное положение, заявив о себе как о вполне самостоятельной мировоззренческой системе, критикующей традиционные идеологии лево-правого спектра за их пренебрежение проблемами патриархата и мужского доминирования¹²⁹. При определенной справедливости подобного тезиса, следует, однако, заметить, что феминизм Второй волны не терял тесной связи с триадой классических (традиционных) идеологий, в значительной степени завися от них, что будет показано далее.

Прежде всего, имеет смысл обозначить ряд существенных объективных сдвигов, которые следует принимать в расчет. Двадцатое столетие – это время развитого организованного капитализма, который приобрел устойчивый и даже социально-ориентированный смысл. Возникновение конвейерного капитализма (фордизм) явилось серьезной предпосылкой для определенного сглаживания антагонизмов в расширяющейся сфере индустриального производства¹³⁰. Классовые отношения небезуспешно регулировались рамками «кейнсианского консенсуса»,¹³¹ что не в последнюю очередь явилось результатом как Великой Депрессии 1930-х гг., так и существованием альтернативной социалистической системы, которой противопоставлялся феномен «государства всеобщего благосостояния». Технический прогресс вел не только к механизации труда, но и к увеличению офисного персонала, категории «белых воротничков». Одновременно растущая покупательская способность населения стимулировала расширение

¹²⁸ Строев С. Феминизм как социальное явление. Электронный ресурс: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011&Itemid=36

¹²⁹ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – С. 196.

¹³⁰ Тамбиянц Ю. Г., Гринь М. В., Кулинченко В.В. Современная общественная динамика: теория и практика. Краснодар, 2014. 448 с.

¹³¹ Крауч К. Постдемократия / К. Крауч. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010 – 192 с.

сферы услуг. Именно в эти трудовые сегменты увеличился приток все большего числа женщин.

Целесообразно упомянуть политические условия периода Второй волны. Это время активного и плодотворного диалога между государством и обществом. Неслучайно, что именно на этот период приходится расцвет описанной Ю. Хабермасом публичной сферы, являющейся едва ли не главным признаком гражданского общества. Ситуация диалога предполагала активное взаимовлияние и практически сопоставимую политическую субъектность государства и общества.

При этом нельзя не отметить, что вторая волна феминизма продолжала развивать заложенные мировоззренческие традиции Первой волной. Серьезным методологическим ориентиром для феминистских идей Второй волны стала работа Маргарет Мид «Пол и темперамент» (1935 г.), где центральным тезисом выступало утверждение о социальной, а не генетической обусловленности женственности и мужественности. В системном ключе идеология женского движения была значительно углублена и методологически расширена в объемном трактате Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949 г.). Все направления феминизма позиционировали себя по отношению к тезисам этой книги, которая может считаться стержневой для данного периода.

В своем трактате известная философ-экзистенциалист дает широкий исторический ракурс объяснения неравного положения женщины, даже несмотря на признаваемые смягчения данной проблемы. Ключевая позиция С. Бовуар – гендер – исключительно социальная категория, а вовсе не обусловленным биологически. В формировании типичных женских качеств совершенно не участвуют гормоны, это не заложено в клетках ее мозга, но «общество, общественное устройство, принуждает женщину вырабатывать в себе определенные качества и диктует ей формы поведения».¹³² Формируется определенный миф женственности, образ которой жестко навязывается женщине. Между тем «женственность» не более чем отвлеченная категория, которая

¹³² Бовуар С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб: Алетейа, 1997. – с. 674.

придумана мужчинами в контексте формирования и навязывания собственных правил игры в социуме. Женщине отводится в рамках подобных правил довольно пассивная роль, что подспудно предполагается всей формируемой исторической и культурной картиной мира. «Родители и воспитатели, книги и сказки, женщины и мужчины всячески расхваливают девочке прелести пассивности, ее учат наслаждаться ими с раннего детства», между тем «порывы ее трансцендентности наталкиваются на самое решительное сопротивление». Если перед мальчиком встает множественный выбор, то судьба девочки фактически предопределена изначально – выйти замуж, стать матерью, заниматься домашним хозяйством. С раннего возраста девочка «уже точно знает, что ей уготовано, она будет жить день за днем, но строить свою жизнь, ей не дано»¹³³.

Проявление активности, выходящей за пределы подобной модели рассматривается как посягательство на сложившийся исторически гендерный уклад, устойчивый в обыденном сознании. В последнем мужчина рассматривается как субъект, творец, а женщина – объект его власти. Ключевыми механизмами гендера выступают контроль за женским телом и контроль за сексуальностью.

Показательно, что женское тело понимается, как «иное», «другое», отличное от мужского нормативного образца, что имеет, в том числе, религиозную легитимацию. Женское тело в разных исторических культурах включалось в пространство дисциплинарных практик, им фактически манипулировали. Например, менструальные табу предполагали жесткие ограничения для женщины на этот период, ей навешивался временный ярлык «нечистая». Похожее отношение сложилось к женской сексуальности, которая также увязывается с различными предписаниями. Сюда относятся многочисленные практики, призванные создать образ «нормативной» женщины. «Девочка чувствует,- пишет С. Бовуар, – что тело выходит из-под ее власти, перестает быть простым отражением ее индивидуальности, становится чужим ей. ... на нее смотрят на улице, обсуждают ее телосложение, ей хотелось бы, чтобы ее не видели, ей страшно и превращаться

¹³³ Бовуар С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб: Алетея, 1997. – с. 339.

в плоть, и выставлять эту плоть на всеобщее обозрение».¹³⁴ В то же время женщина обычно жестко ограничена заданным ролевым набором в плане как материнства, так и сексуальности. Фактически она не может быть субъектом собственных сексуальных желаний. Например, «общество всегда терпимо относилось к любовной связи между хозяином и служанкой, однако состоятельная женщина, отдающаяся шоферу или садовнику, вызывает осуждение»¹³⁵.

Навязывая женщине установку о том, что ее главная социальная роль – воспроизводство, общество тем самым формирует устойчивую форму рабства и угнетения женщин. В этом названный автор видит способ деградации возможностей женщины, их ограничения фактически единственным социально признанным вариантом. Капиталистическая система при этом всячески предполагает систему контроля мужчин над женщинами, в том числе и в области трудовых отношений – женщин не допускают к высокооплачиваемым должностям, к производительным сферам труда. Все это подталкивает женщин к тому, что материальные проблемы легче и проще всего можно решить посредством брака. Волей-неволей, но общество само подталкивает некоторых женщин вести паразитический образ жизни, используя формируемый обществом сексуальный образ.

Признавая определенные достижения в области расширения женских возможностей и прав, С. Бовуар тем не менее считает, что гендерные отношения не поменяются пока сохраняется не только материальная зависимость женщины от мужчины, но и вообще капиталистический порядок. «Лишь в социалистическом обществе женщина, получая доступ к труду, обретает и свободу ...несмотря на изменения в положении женщины, социальная структура не претерпела глубоких перемен. Мир, хозяевами в котором всегда были мужчины, по-прежнему сохраняет тот облик, который они ему придали. ... Проклятие, тяготеющее над зависимой женщиной, заключается в том, что ей не дозволено делать что-либо самой»¹³⁶.

¹³⁴ Там же. С. 606.

¹³⁵ Бовуар С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб: Алетейа, 1997. – с. 413.

¹³⁶ Там же. С. 759-760.

Таким образом, С. Бовуар ставит под сомнение метафизическую обусловленность гендерных отношений, ранее представляющегося бесспорным. В то же время подобный подход испытал сильное влияние марксизма, поскольку фактически абсолютизирует методологию социального детерминизма, при одновременной недооценке психофизиологических, антропологических аспектов. Тем не менее, определенный радикализм и категоричность С. Бовуар нашли отражение в конкретных аспектах направлений как второй, так и последующей волн феминизма.

Социолог А. А. Темкина отмечает три основных направления Второй волны: либеральный феминизм, радикальный феминизм и марксистский (социалистический) феминизм¹³⁷.

Либеральный феминизм, укорененный еще в движении суфражизма и борьбы за образование женщин, в основном провозглашал равенство полов, которое должно лежать в основании гендерно нейтральной политики и законодательства. Предполагалось, что социум в целом благосклонен к мужчинам и, соответственно, не исключает дискриминирующих женщин законов и политики. При более нейтральных законах женщины получают возможность на равных конкурировать с мужчинами. Американка Б. Фридан в книге «Загадка женственности» развивала некоторые ключевые идеи С. Бовуар, доказывая, что роль женщины много шире, чем заниматься домашним хозяйством и воспитывать детей. Посредством мифа так называемой, «загадки женственности», созданной усилиями псевдонаучных теорий, женских журналов, рекламы и т. д., навязывается установка о том, что представительницам слабого пола, обладающим истинной женственностью, следует посвящать себя прежде всего поискам мужа, а не тратить усилия на высшее образование и реализацию с таким трудом завоеванных политических прав. В то же время Б. Фридан и ее последователи шли дальше, полагая, что для действительного, а не мнимого равенства возможностей

¹³⁷ Темкина А. А. Женское движение Второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Электронный ресурс: <http://www.eu.spb.ru/gender/movement.zip>

необходимо установить позитивную дискриминацию. Речь шла о том, чтобы предоставить изначальное преимущества женщинам, а именно гендерно-специфичные законы с тем, чтобы вдовы, одинокие матери, разведенные получили реальные социальные шансы.

Радикальный феминизм фактически выделился из левого движения, но на тот момент разорвал с ним связь, выступая самостоятельным направлением. В рамках дилеммы «сходство - различие полов» просматривается отличие этого варианта феминизма от либерального. Если последний делает ставку на сходство, равенство, то первый, наоборот, исходит из неизменных различий. В центр ставится биология, из которой выводятся психологические особенности. Женщина исторически подвергается угнетению со стороны мужчины, причем радикальные феминистки считают эту форму наиболее сильной и широко распространенной. Именно на угнетение направлены устоявшиеся модели гетеросексуальных отношений и принципы, лежащие в основе социальных институтов (религии, медицины, воспроизводства и т.д.). Подобное подавление носит зачастую скрытый и глубокий смысл, а самый распространенный способ мужской доминации осуществляется посредством контроля женской сексуальности. Как отмечает А.А. Темкина, радикальный феминизм не представлял собой единой теории, дифференцируясь по ходу динамики. Ядро движения составляли небольшие группы главным образом образованных белых женщин из среднего класса. Постепенно осмыслению подверглись не только практики последних, но и опыт цветных женщин из рабочего класса, что впоследствии отразилось на содержании интерпретации полов.

Социалистический (марксистский) феминизм был тесно связан с движением Новых левых, играющих ведущую идеологическую роль в политических протестах 60-х годов. Сторонники этого варианта феминизма возносили ответственность за дискриминацию женщин на капитализм, тем самым отличаясь от радикалов, считающих, что в этом виноваты мужчины.

Практика сексуальности в условиях капитализма делит общество на два класса. Гендерное неравенство исчезнет лишь с исчезновением капитализма и

порожденной им классовой структуры. Надо отметить, что марксистский подход отличался системностью изложения феминистских тезисов.

В этом плане показательна статья журналиста и социолога из ФРГ Ульрики Майнхоф, впоследствии зарекомендовавшей себя в качестве политического радикала левого толка. Она считает, что цель немецких социал-демократов – добиться равноправия мужчин и женщин, может быть только тактическим шагом более общих процессов эмансипации. Последняя интерпретируется, прежде всего, как освобождение посредством изменения социальных отношений, упразднения иерархической структуры в пользу горизонтальных демократических связей, ликвидации разделения на труд и капитал в ходе обобществления средств производства.¹³⁸

В то же время У. Майнхоф указывает на необходимость изменения женского сознания в целом, чего не стоит ждать при капиталистическом порядке. Социал-демократы как главные представители левых сил практически не ставят проблемы системных преобразований, ограничиваясь тактикой выбивания частичных уступок, хотя при этом и выступают с требованиями гендерного равноправия. Однако некоторые положительные сдвиги в этой сфере мало что дают демократии и эмансипации и «ничего не добавляют в дело изменения человеческого сознания либо даже структуры власти, которая нами правит».¹³⁹

С одной стороны, заработки женщин заметно отстают от мужских, чему имеется множество доказательств. Согласно У. Майнхоф, удешевление женского труда с помощью юридических и административных уловок приносит капиталистам сверхприбыли. С другой стороны, сохраняет силу традиционный миф общественного сознания, по которому предназначение женщины – исключительно материнство, в то время как женская занятость приводит к разводам, расширению детской безнадзорности, и пр. Однако У. Майнхоф доказывает противоречивость подобной критики. «Тот же самый круг общества,

¹³⁸ Майнхоф У. Ложное сознание Электронный ресурс: https://scepsis.net/library/id_1590.html

¹³⁹ Там же.

что так озабочен вопросом ухода за детьми, до сих пор ничего не сделал для создания достаточного количества мест в детских садах. Их детские дома являются пристанищами холода и одиночества; их школы недостаточно оснащены; детей из социально обделенных семей ни разу не собирали в детских садах, вместо этого их отправляют во вспомогательные школы, когда это уже поздно делать; не хватает детских площадок для игр; охрана материнства рассматривается как нечто, не заслуживающее внимания... Постоянные обвинения в нечистой совести, которую приписывают трудящимся женщинам, ... на самом деле должны быть переадресованы государству и обществу, партиям, церкви, парламентариям».¹⁴⁰

Все же трансляция упомянутой мифологии дает результат. Женские социальные представления отличаются консервативностью, слабый пол не особенно протестует против собственной участи. У. Майнхоф с горечью признает, «может быть, в том и проявляется их человеческое начало, что они позволяют себя вместе со своими детьми шантажировать, что они, само собой разумеется, признают главным важность пребывания с детьми».¹⁴¹

Рассуждения будущей революционерки У. Майнхоф хотя и тесно связаны методологически с концепцией С. Бовуар, все же частично ставят ее центральный тезис под сомнение – так ли уж следует абсолютизировать социальную обусловленность гендерных отношений? Может в нем все же существует элемент психофизиологического предназначения? Подобная проблематика по сути ключевая в работе Джульетт Митчелл «Женщина: самая долгая революция», которая считается классической в направлении психоаналитического феминизма. В ней автор использует марксизм и психоанализ для единого анализа материальных, биосоциальных и идеологических условий угнетения женщины. Здесь классовый подход расширяется за счет привлечения ортодоксального психоанализа, позволяющего затронуть более глубокие психические структуры.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

Дж. Митчелл приходит к выводу об устойчивости в патриархатном обществе психологии женщины, являющейся результатом стадий психосексуального развития. Либеральные реформы изменяют только внешние формы «женственности», но не саму женщину. Экономические реформы также не превратят мужчину и женщину в равноправных партнеров, так как неравенство скрыто в глубинных слоях человеческой психики. Патриархат - единственное известное человеческое общество, который содержит глубоко укоренившиеся традиции сексизма и гендерного неравенства. Изменить все это можно только со сменой привычных стереотипов и образов мыслей, причем обоих полов. Поэтому данный проект выглядит весьма и весьма затянувшимся¹⁴².

А.А. Темкина, характеризуя феминизм второй волны, отмечает, что следует различать его идеологию и женские движения, являющиеся субъектом политической практики. Подобные движения носили значительный отпечаток национальной политической и культурной среды, что во многом определяло их характер, возможности и цели. Так в США они выступали преимущественно как группы давления, проводя ограниченные протестные мероприятия. Одной из крупных в 70-х гг. акций явилось ралли «Женская забастовка за равенство». Здесь на общенациональном уровне объединились различные женские организации в свете задач решения проблем равных возможностей, аборт, образования и работы.

В Великобритании, где политическая система более централизована, женские движения имеют меньше возможностей влияния на политику - они страдают «от недостатка ресурсов, возможностей экспертизы, от отсутствия доступа в министерства и другие управленческие структуры». Ограниченных успехов феминистская политика добилась действуя внутри партий и крупных профсоюзов. В целом, констатирует А.А. Темкина, женское движение в Великобритании

¹⁴² Темкина А. А. Женское движение Второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Электронный ресурс: <http://www.eu.spb.ru/gender/movement.zip>

оказалось более успешным в своей повседневной деятельности по развитию сознания, чем на уровне политической системы.¹⁴³

В Швеции используется модель государственного феминизма в сочетании с отсутствием институтов женского движения. Для шведской политической системы характерен невысокий уровень конфликтов, а также высокая способность к консенсусам. Интересы отдельных, в том числе и женских групп широко представлены в различных государственных органах и комиссиях. В Италии женское движение столкнулось с противодействием правящей Христианско-Демократической партии и католической церкви, став движением «одной проблемы» - права на аборт¹⁴⁴.

Таким образом, при рассмотрении динамики феминизма первой-второй волны важно отметить ее диалектический смысл. Достижения определенных политических целей на предыдущем этапе заставляли идеологов феминизма формировать новые задачи, главным образом, более расширительного масштаба. Так, речь шла не только об изменении социального порядка, но и о переосмыслении самой женской сущности, избавления от патриархальных культурных стереотипов, что может произойти только посредством долгой революции. С другой стороны, несомненно влияние национального политического и культурного контекста, что задавало определенные рамки движениям, определяло их возможности и отражалось на теоретических разработках.

В то же время, несмотря на объективные предпосылки, изменения в гендерных отношениях носили ограниченный смысл. Классик современной социологии Энтони Гидденс на рубеже 80-90-х годов прошлого столетия не считал состоявшимся факт более справедливого отношения к женщинам в производственной сфере. Хотя перед женщинами и открылись новые перспективы там, где долгое время существовала трудовая монополия мужчин, число таких профессий весьма ограничено, а разрыв в средней заработной плате мужчин и

¹⁴³ Темкина А. А. Женское движение Второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Электронный ресурс: <http://www.eu.spb.ru/gender/movement.zip>.

¹⁴⁴ Там же.

женщин в целом практически не изменился (Таблица 1). Кроме того, женщина и мужчина имеют неодинаковые возможности карьерного роста, и наконец, никуда не делась «двойная дискриминация», смысл которой в сохраняющейся ответственности работающих женщин за домашнее хозяйство и за детей.

Таблица 1. Разрыв в средней заработной плате мужчин и женщин¹⁴⁵

Годы	Заработки женщин в процентном отношении к зарплатам мужчин
1961	59,4
1965	60,0
1969	60,5
1972	57,9
1982	59,2

Более свежие данные приводит И.С. Кон, указывая, что по ситуации на первое десятилетие XXI в. в максимально благополучном Евросоюзе женщины в среднем получают на 15% меньше мужчин, и они значительно реже встречаются на руководящих постах. Наконец, уровень занятости женщин почти на 15% ниже, чем у сильного пола. Тому способствуют как устойчивые принципы традиционного гендерного расклада – привилегии и система власти, так и нормы общественного сознания. Причем женские образы гендера изменились значительно больше мужских. «И дело тут не в ригидности, жесткости мужского сознания, а в том, что класс, который теряет господство, не торопится сдавать свои позиции и делает это только под нажимом, в силу необходимости¹⁴⁶.

Представляется, что ход развития феминизма, динамика его дискурсивного поля первой и второй волны, позволяют охарактеризовать его как вполне конструктивное явление. Ведь идеология феминизма с одной стороны выступала средством легитимации происходящих гендерных трансформаций в сторону их

¹⁴⁵ Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Социологические исследования, 1992, № 7 С.136.

¹⁴⁶ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 104.

смягчения и некоторого выравнивания; с другой стороны, требования феминизма выполняли функцию некоего идеологического стимула дальнейших назревающих изменений. Первая и вторая волны феминизма подходят под концепт просвещенного феминизма, предложенный современным немецким социологом Н.В. Больцем, который относит его «к славной истории европейского прогресса в осознании идеи свободы»¹⁴⁷.

Однако, начиная со второй половины XX столетия эволюция феминизма стала бросать принципиальный вызов гендерному укладу, а именно его глубинным сущностным свойствам. Делая все больший акцент на социальном происхождении гендера, феминизм стал подвергать сомнению его глубинные основы, тем самым приобретая характер социального радикализма. Следуя принципам научности, в целом благосклонный к феминизму И. С. Кон отмечает, что критика сторонниками этой идеологии биолого-эволюционного подхода (например, теории В.А. Геодакяна и др.) к объяснению поведения мужчин и женщин справедлива только отчасти. Хотя гендерное разделение труда и других социальных функций не следует из полового диморфизма, эти явления взаимосвязаны. Некоторые аспекты мужского и женского поведения, «уходят своими корнями в поведение наших животных предков и связаны с теми же самыми психофизиологическими автоматизмами. Человек, как биологический вид *homo sapiens*, не может полностью освободиться от своего животного наследия»¹⁴⁸, что вынуждены были признать и некоторые ученые, стремящиеся развенчать гендерные стереотипы (Э. Маккоби). В гендерных различиях несомненно соединяются культура и природа. Решительное отрицание данного тезиса обрекало концепцию феминизма на методологическую уязвимость, что наглядно проявилось в наиболее радикальных формах феминизма третьей волны.

¹⁴⁷ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 65.

¹⁴⁸ Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm>

Начало третьей волны феминизма приходится на 1990-е гг. Весьма показательным, что это было время, когда после краха социалистической альтернативы либерализм, по выражению философа А. Г. Дугина, превратился в «объективный» порядок вещей.¹⁴⁹ Упомянутый Н. В. Больц склонен разводить и противопоставлять друг другу просвещенный феминизм и феминизм фанатичный, видя в последнем психическую эпидемию, «психическое заболевание, распространившееся в массовом порядке в определенных медиа и учреждениях культуры, которые считают его новой формой интеллекта»¹⁵⁰. Можно полагать, что именно социокультурные аспекты общественной динамики, сыграли главную роль в радикализации феминизма. По мысли американского политолога и публициста П. Дж. Бьюкенена, последнее получило мощный толчок благодаря студенческой культурной революции 60-х гг., результаты которой не в пример значительнее большевистской революции в России¹⁵¹. Н. В. Больц усматривает определенные предпосылки подобной радикализации уже в рассуждениях С. Бовуар, а с другой стороны – этому был дан толчок объективными фактами, интерпретируемыми особым образом. Речь идет об изобретении противозачаточных таблеток в 1960 г., а также попытке врача Д. Мани сменить пол у годовалого мальчика Брюса Рейнера в 1970-80 гг.¹⁵² Несмотря на то, что эксперимент в итоге оказался провальным, скорее доказав устойчивость физиологических и психофизиологических половых различий, Д. Мани явно натянуто заявил о полной успешности проведенных исследований.¹⁵³ Это было подхвачено и использовано как определенной частью сторонников феминизма, так и заинтересованными политиками. Популяризация тезиса об исключительно социальном происхождении гендера осуществлялась на

¹⁴⁹ Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А. Дугин. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 15.

¹⁵⁰ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 65 (270 с.)

¹⁵¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 –С. 21, 23. (444 с.)

¹⁵² Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 70 (270 с.)

¹⁵³ Франсис Б. Гендер — социальный конструкт или биологический императив? // Гендерная психология: практикум / Под. ред. И. С. Клёциной. — СПб.: Питер, 2009. — С. 31—34. — 496 с.

уровне масштабных политических мероприятий, вроде Пекинской декларации 1995 г., где требования о расширении женских прав были представлены в свете глобальных проблем с претензией на общечеловеческий смысл¹⁵⁴.

Радикальный феминизм органично вписывается в транснациональный проект политкорректности. Содержательно политкорректность исходит из мировоззренческого и культурного релятивизма, что выражается формулой «истина относительна». Задача данного проекта, как пишет Л. Г. Ионин, заключается в обеспечении толерантности, или терпимости, даже в отношении того, что заведомо неистинно.¹⁵⁵ Соответственно, декларируется в качестве базового тезис о равенстве любых культур, религий и стилей жизни. В то же время политкорректность максимально жестко формирует социальное духовное пространство. Во-первых, в общественном мнении равномерно представлены все имеющиеся идеологии и позиции, вне зависимости от степени их разделяемости. Во-вторых, любая из подобных точек зрения не должна каким-либо образом дискриминироваться, без учета ее обоснованности, зрелости. В-третьих, политкорректность абсолютно нетерпима к любой иной, противоположной точке зрения, которая немедленно получает ярлык ксенофобии, расизма, гомофобии и т. п. Другими словами, налицо механизм идеологического исключения.

Природа источников политкорректности имеет ряд трактовок. Для нашего исследования удобнее социокультурное объяснение, предлагаемое Л. Г. Иониным в рамках его концепции общества меньшинств. Названный исследователь опирается на тезис одного из классиков социологии культуры Георга Зиммеля о нарастающей культурной дифференциации, благодаря которой, каждый индивидуальный стиль, а значит, и стиль вообще как таковой обретает черты объективности, становится независимым от конкретных людей с их привычками, особенностями, убеждениями¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Пекинская декларация 1995 г. / Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml

¹⁵⁵ Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма / Л. Г. Ионин – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010 – с. 40.

¹⁵⁶ Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2012. — С. 52-54 (237 с)

По мысли Л.Г. Ионина, политкорректность порождает новый тип социальной структуры, где разного рода социальные меньшинства выступают ключевыми групповыми идентификациями. Упомянутые меньшинства рассматриваются как депривированные и когда-то подвергавшиеся/сейчас подвергаемые эксклюзии со стороны некоего неопределенного господствующего большинства. Причем каждым из угнетаемых меньшинств господствующее большинство определяется по-разному. По отношению к женщинам это мужчины, по отношению к черным — белые, по отношению к инвалидам — здоровые, по отношению к гомосексуалистам — люди традиционной ориентации и т.д. и т.п. Н.В. Больц характеризуя современный феминизм, отмечает, что его сторонники говорят не о конкретных женщинах и признании их заслуг, но всегда исключительно о группе и ее «квотах» в виде целого, статистически измеримого числа¹⁵⁷.

В итоге современное общество интерпретируется как общество меньшинств, «в котором только меньшинства выглядят реально существующими и претендующими на универсальные права, тогда как это самое якобы господствующее большинство ведет как бы теневое существование и является лишь фоном, служащим демонстрации специфики любого рода меньшинств и обоснованию их претензий на высокий социальный статус и привилегированное место в системе распределения благ».¹⁵⁸ Как пишет Л.Г. Ионин, подобная ситуация имеет мощную политическую подпорку, так как политические институты, чтобы оставаться верными своей демократической конституции целиком и полностью выступают на стороне меньшинств. В то же время, результатом политкорректности становится деградация традиционной культуры и морали западной цивилизации, претендующей на мировое распространение. Но, претендуя на значение безгранично терпимого общества, общество меньшинств нетерпимо к традиционным ценностям Запада, ведущих свою биографию от деяний героев

¹⁵⁷ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — с. 67-68.

¹⁵⁸ Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. —С. 255-256 (304 с.)

Гомера: это величие и доблесть, красота и сила, истина и разум, благородство и свобода, мужественность и женственность и т.д. и т. п». Подобные ценности как раз соотносятся с тем самым смутно определяемым большинством, которое служит негативным ценностным полюсом в обществе меньшинств¹⁵⁹.

Данный тренд, как можно предположить, отразился на содержании феминистских текстов. Так, американская публицистка Наоми Вульф в своей известной работе «Миф о красоте» с одной стороны продолжает развивать тезис о женственности как сугубо социальном конструкте, в то же время стремится актуализировать свой анализ для реалий современности, исходя из факта потребительской культуры.

Идеалы красоты обязательно создаются искусственно с четкой конкретной целью. Такой целью, пишет Н. Вульф, «часто бывают деньги, а точнее — рост прибыли рекламодателей, которые платят деньги средствам массовой информации, а те, в свою очередь, создают нужные идеалы». Кроме того, здесь названный автор видит и политический смысл. «Чем более прочные позиции занимали женщины в политической жизни, тем сильнее давили на них идеалы красоты, главным образом для того, чтобы отвлечь их внимание и перенаправить их энергию в другое русло, остановив их движение вперед».¹⁶⁰

Миф о красоте представляет собой мощное средство социального контроля и фактор социального поведения, будучи постоянно транслируемым средствами масс-медиа, социальными сетями и мнением окружающих. Он заставляет женщин сосредотачиваться на своём теле, отодвигая все остальные вопросы (типа равенства прав, карьеры и т.д.) на задний план. Постоянно имея перед собой идеальный телесный тип, который преподносится как реально достижимый, женщины идут на огромные физические и финансовые потери, чтобы как-то приблизиться к данному стандарту. С подобными стратегиями связывается факт растущего числа случаев нервной анорексии – психического расстройства на почве навязчивой идеи о потере

¹⁵⁹ Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2012. — С. 230.

¹⁶⁰ Вульф. Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2020 с. 12. (445 с.)

веса. От подобной патологии страдает около 2,5 миллиона человек только американок, причем более 90 % из этого числа — молодые женщины.

То есть основная идея Н. Вульф – стремление к надуманным псевдо важным целям вроде заботы о своей внешности, отвлекает женщин от реальных проблем, закрепляя в обществе именно мужские правила игры. Тем не менее, признавая заслуги Н. Вульф в обосновании принудительности феномена красоты как социальной нормы, отметим два момента. Во-первых, стандарты идеального тела навязываются обоим полам, а почему же «миф о красоте» в гораздо большей степени отражается на поведении женщин, хотя в некотором роде затрагивает и мужские практики? С нашей точки зрения объяснение кроется не столько в патриархальных правилах общества, сколько в психофизиологических архетипических чертах, присущих женщинам. В данном случае можно принять во внимание наблюдения публициста В. Виталиса, автора нескольких книг по практической психологии для мужчин во взаимоотношениях с женщинами. Он фактически провел контент-анализ «женских» материалов (журналы, ориентированные на женскую аудиторию, блоги и форумы в сети) на предмет наиболее интересующих женщин проблематики. Им было выяснено, что общающихся друг с другом женщин интересуют в основном четыре вещи, по значимости следующие друг за другом: собственная внешность, отношения с мужчиной, материнство, домашнее хозяйство.¹⁶¹

Во-вторых, в логике Н. Вульф просматривается перспектива, которая ведет к девальвации не только эстетических, но и гигиенических норм. На подобную мысль наводит творчество современной российской феминистской художницы Ю. Цветковой.

Следует предположить, что выступая сегментом дискурсивного поля политкорректности, современные направления феминизма воспринимают его тоталитарный смысл, обусловленный маргинализацией истины (термин Л.Г. Ионина). В связи с этим, их ориентиром выступает априорная установка о

¹⁶¹ Виталис В. В. Женщина: бери и пользуйся. М.: Эксмо, 2008. С 85 (312 с.)

несправедливости общества по отношению к женщинам, при том, что обсуждение правильности любого феминистского тезиса определяется как сексизм. Как отмечают казанские ученые О.Ю. Порошенко и Т.А. Харисова, все факторы, за исключением «привилегий мужчин» и вариации автоматически игнорируются: различия между женщинами и мужчинами в физической силе и выносливости; беременность и уход за ребенком, которые вырывают женщин из рабочей среды; реальные различия между мужским и женским восприятием мира; эффекты мужских и женских гормонов, и т.д. Все эти онтологические различия должны быть приписаны мужскому вероломству и жадности¹⁶². В своих крайних требованиях феминистки доходят до требования фактической дискриминации в пользу женщин и установление полового апартеида. Здесь и доктрина разрушения семьи, и борьба с традиционными гетеросексуальными половыми отношениями, и пропаганда ненависти к мужчинам и биологического превосходства женщин, наконец, проскальзывает даже идея полного уничтожения мужчин¹⁶³.

По мысли Н.В. Больша, феминистская идеология характеризуется прогрессирующей необдуманностью. «Сначала были против асимметрии в различении мужчины и женщины; потом захотели, чтобы различия больше не делали различий; и, наконец, всех объединили в рамках неразличимости — андрогинного идеала, транссексуальности, мужчин, рожающих детей»¹⁶⁴. Современный радикальный вариант идеологии защиты прав женщин названный ученый обозначает как коллективную эпидемию, «психическое заболевание, распространившееся в массовом порядке в определенных медиа и учреждениях культуры, которые считают его новой формой интеллекта»¹⁶⁵.

¹⁶² Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользящая женственность или Eat your make-up: критика радикального феминизма. Электронный ресурс: <http://globkazan.narod.ru/a15.htm>

¹⁶³ Строев С. С. Феминизм как социальное явление. Электронный ресурс: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011&Itemid=36

¹⁶⁴ Больша Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 87.

¹⁶⁵ Больша Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 65

Противоречия радикального феминизма заключаются в том, что он не столько стремится разрушить устоявшиеся гендерные структуры, сколько поменяться позициями, оставив те же самые иерархии. Происходит деструкция традиционного образа женщины как нежного, прекрасного, дающего жизнь существу, тогда как новые женские образы наделяются агрессией и шоковой сексуальностью. С этой целью используется образ «новой амазонки», в рамках которого состояние внутренней гармонии подменяется у современной женщины состоянием «самодостаточности» и «воинственности» (понятия маскулинного культурного ряда), причем прямой перенос первого на феминный ряд влечет за собой значительное искажение всей системы феминных ценностей». ¹⁶⁶

Показательно, что антифеминизм, ставший заметным в последние десятилетия, оппонирует прежде всего положениям радикального феминизма, мало оспаривая тезисы первой и второй волн. Радикальный феминизм вызвал жесткую критическую реакцию, причем в поле антифеминистского дискурса оказываются не только ученые и публицисты, но и сторонники различных идеологий (либералы Н.В. Большц, А.П. Никонов, В. В. Ерофеев, левые С.А. Строев, Вис Виталис, консерваторы П. Дж. Бьюкенен, М. С. Калашников, Л.Я. Аверьянов). Биологически предопределенные константы половых различий утверждаются в научных исследованиях (В.А. Геодакян, О. Ю. Порошенко, отчасти И.С. Кон) и находят отражение в социальных практиках. Так, в опросе Гэллапа от 2013 г., касающегося американского общества, только 25% женщин заявили о своем желании, чтобы их начальником была женщина, тогда как 40% выступают за начальника-мужчину ¹⁶⁷. Во многих интервью проводится мысль о размытом понимании женщинами постфеминистского поколения гендерных ролей «Женщины 20-30 лет рассуждают о силе феминизма, но сексуально их привлекает

¹⁶⁶ Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользящая женственность или Eat your make-up: критика радикального феминизма. Электронный ресурс: <http://globkazan.narod.ru/a15.htm>

¹⁶⁷ Никонов А. Конец феминизма. Чем женщина отличается от обезьяны. СПб.: Питер, НЦ ЭНАС, 2010 – 368 с.

открытая демонстрация мужского напора и силы».¹⁶⁸ Наконец, Л. Готтлиб, исследуя последствия динамики распределения ролей в американских семьях, отмечает, что более равное распределение домашних обязанностей не идет на пользу сексуальным отношениям и увеличивает риск развода. Женщину тянет к мужчине в его традиционном облике, когда он занят в основном обеспечением финансовой стороны семейного существования. «Риск развода минимален, если мужчина выполняет 40% домашней работы, а женщина приносит в дом 40% семейного заработка»¹⁶⁹. Согласно выводу старейшего американского исследователя Ф. Зимбардо, современных женщин начинает тяготить собственное «освобождение», а критерии женской свободы весьма размыты. «Никто не может дать точного определения женской свободы, поэтому феминистки и разбежались по разным тусовкам, не в состоянии договориться, в чем же заключается их сексуальное раскрепощение»¹⁷⁰. Выходит, что отказ сторонников феминизма принимать в расчет любые природные обусловленности гендера, тем не менее не приводит к исключению биологического фактора – выставяемая за дверь природа все равно возвращается через форточку.

Обобщая материал данного раздела, уместно предложить следующие заключения.

Феминизм как идеология имеет три источника. Во-первых, мощный толчок был дан дискурсом Просвещения, послужившим духовным стимулом и легитимацией процессов модернизации, где ключевой составляющей выступала идея социальной эмансипации. Во-вторых, феминизм концептуально отражал реальную проблематику гендерных отношений и их иерархий. В-третьих, феминизм явился средством самовыражения некоторых наиболее пассионарных представителей «слабой половины». Идеология феминизма за два века своего существования проделала значительную содержательную эволюцию, в которой

¹⁶⁸ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблишер, 2017 – Электронный ресурс: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 12. 11.2023.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

нашли отражение социальные трансформации, связанные с индустриализацией и появлением глобального информационного общества, сопровождающегося усилением постмодернистских трендов. Феминистский дискурс первой и второй волны обычно выступал в роли сегмента либерального или социалистического дискурсионных полей, подвергаясь некоторой коррекции в тех или иных национально-культурных контекстах. Третья волна феминизма характеризуется большим разнообразием его форм, где на гегемонию претендуют радикальные течения феминизма, питаемые парадигмой политкорректности. Последняя нацелена на социальное дробление посредством производства все новых групповых идентичностей, что усиливает тенденции группового отчуждения, социальной фрагментации, а в перспективе и хаотизации.

Динамика феминизма как идеологии предполагает последовательно расширяющееся целеполагание: от постановки ограниченных правовых и социально-экономических задач до пересмотра принципов общественного порядка. Конструктивная сторона идеологии феминизма (прежде всего первой и второй волны) заключается в том, что феминизм выступает стимулом и средством легитимации происходящих гендерных трансформаций в сторону их выравнивания, что отражает общий тренд индустриально-постиндустриальной динамики. Деструктивный смысл особенно явно проявляется в современных радикальных формах феминизма, нацеленного на расшатывание исторически сложившихся устоев традиционной культуры, ставя под сомнение ее нравственные и эстетические аспекты, тем самым способствуя ее деградации. Эта разрушительность обусловлена, во-первых, методологически – абсолютизацией посыла об исключительно социальной природе гендера; во-вторых, идеологически – радикальный феминизм органически следует из проекта политкорректности, который выступает формой гипертрофированной эмансипации, ведущей к социальной хаотизации.

1.3. Гендерные отношения на этапе радикализации идеологии феминизма

Гендерные отношения как теоретический феномен характеризуются расплывчатостью не без влияния идеологической приверженности. Так либерально ориентированные исследователи под гендерным порядком понимают комплекс исторически заданных образцов властных отношений между мужчинами и женщинами, складывающихся в определенных обществах на институциональном, идеологическом, символическом и повседневном уровнях.¹⁷¹ Как видим, в приведенном содержании очевидный упор на властную составляющую, которая видится определяющей в формирующихся раскладах отношений мужчин и женщин, естественно в пользу первых. Более нейтральный акцент в определении, предложенном Г.Г. Силласте – гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению.¹⁷² В связи с популярностью различных содержательных трактовок гендерного порядка мы решили оперировать понятием «гендерные отношения», которые предполагают меньшую устойчивость и структурированность. «Гендерные отношения» в нашем понимании есть социальные практики, опирающиеся на статусно-ролевую дифференциацию мужчин и женщин, зачастую основывающуюся на исторических и культурных традициях.

В научном дискурсе довольно распространена точка зрения об исключительно конструктивистском обосновании гендера.¹⁷³ Тем не менее к этому следует добавить, что гендерные отношения обязательно имеют эссенциалистский источник, хотя по ходу социально-исторической динамики значение именно конструктивистских факторов возрастает, оставляя все меньше и меньше места

¹⁷¹ Темкина А. Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования 2002, №11, с. 6. (с. 4-15).

¹⁷² Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2019. № 2. С. 7.

¹⁷³ О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — 720 с.; Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. — М., 2011.— 168 с.

биологии и психофизиологии. Все же последние целиком никогда не будут вытеснены и всегда останутся серьезным обуславливающим гендерной проблематики обстоятельством. Именно подобное видение характеризует позицию И. С. Кона, о чем упоминалось в предыдущем параграфе, а также многих иных видных ученых – Н. В. Больца, Д. Шваница и пр.¹⁷⁴

Содержательное наполнение категории гендерного порядка связывается с работами австралийского социолога Р. Коннел, где предложено фундаментальное рассмотрение основ гендерных отношений, методология которого значительно выходит за рамки социологии, затрагивая области истории, психологии, а также в определенной степени политэкономии. В целом в работе Р. Коннелл очевидна опора на традиции, заложенные теорией структуризации Э. Гидденса, а также работами П. Бурдьё. В то же время австралийский ученый отдает должное имеющимся подходам к проблематике гендера (марксизму, теории половых ролей, теории гендерных категорий), выявляя их сильные и слабые стороны, подводя их к определенному методологическому синтезу.

Изначальный методологический посыл Р. Коннелл – гендерные отношения первичны по отношению к тому или иному способу производства, что явно суживает объяснительные возможности марксистского подхода. Хотя австралийский социолог признает гендерное разделение «фундаментальной и существенной характеристикой капиталистической системы, такой же фундаментальной, как и классовое разделение». Однако капитализм воспользовался теми возможностями извлечения прибыли и власти, которые были созданы гендерными отношениями.¹⁷⁵ Фундаментом существующего гендерного уклада выступает так называемая гегемонная маскулинность, интерпретируемая в традициях А. Грамши – опора гегемонии заключается не столько в грубой силе, сколько в легитимация ее социальным большинством, поддержание которой есть составляющая социальных институтов и повседневных практик. Следует признать,

¹⁷⁴ Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm>

¹⁷⁵ Коннелл Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 –С. 138.

что концепт гегемонной маскулинности является ключевым тезисом работ Р. Коннел в отношении гендерных отношений.

В полемике с упомянутой в предыдущем разделе Дж. Митчелл, которая предлагала четыре “структуры” гендерных различий: производство, воспроизводство, социализацию и сексуальность, Р. Коннел полагает реально действенными три структуры, составляющие фундамент современного гендера, это труд, власть и катексис¹⁷⁶.

Трудовая структура предполагает соответствующие принципы при создании “мужских” и “женских” рабочих мест, что обычно сопровождается неравными зарплатами, сегрегацию трудовых рынков и устойчивые нормы при организации домашней работы и заботы о детях, наконец дискриминацию при профессиональной подготовке и карьерном продвижении. Информационная революция не привела к ликвидации сегрегации трудовых рынков, если женщин нанимают в качестве операторов, то мужчин – как программистов, менеджеров, системных аналитиков. Именно они составляют тот пресловутый новый средний класс, за которым Р. Райх видит благоприятствующее будущее¹⁷⁷. Ссылаясь на опыт Австралии Р. Коннелл констатирует, что несмотря на много лет официально существующую “равную оплату”, реальный средний доход женщин до сих пор не достигает и половины дохода мужчин. Весьма устойчивым являются принципы распределения домашних обязанностей, где, несмотря на индустриализацию, продолжают сохраняться традиционные нормы, как, например, что воспитание детей – есть немужское занятие. Причем, даже факт безработицы отнюдь не всегда побуждает мужчин больше вовлекаться в домашние обязанности. В то же время практика трудовых процессов свидетельствует о разнообразной деятельности, поддерживающей гендерное неравенство. В этом плане Р. Коннел, ссылаясь на многочисленные исследования, отмечает концентрацию управления в руках

¹⁷⁶ Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 – (121- 155) 432 с.

¹⁷⁷ Райх Р. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века. Интернет-ресурс – http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcev/page_1506.html

мужчин, которые заинтересованы в поддержании подобных иерархий. И все же нельзя не признать к чести австралийского социолога, что он не склонен редуцировать проблему трудового разделения исключительно к гендерным дискриминационным моментам. В таких случаях как стюардесса, секретарь или работница регистратуры следует говорить о комбинации «определенных технических навыков с выраженной женственностью», а вот некоторые виды индустрии, прежде всего театр и моделирование одежды, ассоциируются уже с «гомосексуальной маскулинностью»¹⁷⁸.

Властная структура предполагает контроль и принуждение, происходящие через государственные и бизнес-иерархии, институциональное и личное насилие, регулирование сексуальности и полицейский надзор, а также, распределение внутрисемейной власти. По мнению Р. Коннел, тезис о сосредоточении мужчинами властных ресурсов, включающих средства организованного насилия, слишком очевиден. Хотя в чистом виде сила встречается редко, гораздо чаще будучи встроенной в комплекс, включающий и элементы, напрямую с насилием не связанные.

При этом самодовлеющее значение имеет культурная установка определения женщин в качестве «слабого пола», против чего также направлена феминистская критика. Как считает австралийский ученый, обычно являющееся индивидуальной девиацией изнасилование выступает выражением идеологии мужского превосходства, будучи глубоко связанным с тем же неравномерным властным распределением. «Это далеко не отклонение от существующего социального порядка, а в значительной степени средство его укрепления».

Исследования государства благосостояния в Австралии показывают, что социальная политика исходит из зависимости женщин от мужчин и усиливает ее в ходе практической реализации. СМИ в основной массе являются «однородно сексистскими и гомофобскими». При этом, как пишет Р. Коннел, люди, на практике

¹⁷⁸ Коннел Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 –С. 136-137.

реализующие эту культурную и материальную “политику”, не столько стремятся к какой-либо личной выгоде, сколько участвуют в коллективном проекте, поддерживающем власть мужчин и подчинение женщин¹⁷⁹. Тем самым акцент делается на то, что идея гегемонии мужчин является вполне типичной, пронизывая основные социальные институты и практики.

Структура катексиса предполагает уже более социально-психологические аспекты обоснования иерархического гендерного уклада, затрагивая эмоциональные связи в повседневных отношениях. Тут могут проявляться различного рода гендерные антагонизмы, солидарность и ревность в отношениях, а также эмоции, связанные с воспитанием детей, наконец паттерны сексуальной жизни. Но в целом структуры катексиса Р. Коннел характеризует как теньевые и во многом скрытые, смысл которых зачастую амбивалентен.

Все три структуры тесно связаны между собой, взаимно влияя друг на друга. Например, катексис (удержание, укоренение) в определенных моментах отражает властные аспекты гендерного неравенства; разделение труда есть в некотором роде отражение паттернов катексиса и прочее. Р. Коннел не склонна считать ту или иную структуру неким базисом и «порождающим ядром», все они где-то равноправны. Признавая определенное единство названных структур, австралийский ученый избегает обозначать его в качестве системы, предпочитая термин «композиция». Это объясняется тем, что единство структур всегда находится в стадии становления, предполагая незаконченный смысл, и представляя собой результат реальных исторических процессов, связанных с групповым взаимодействием и формированием. Как отмечает австралийский социолог, идея композиции показывает, что «структура далека от своего завершения» и достаточно постоянно проявляет колебания за счет многообразия человеческих практик, отнюдь не все из которых отражают принципы гендерного порядка¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Коннел Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 –С. 145.

¹⁸⁰ Коннел Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 –С. 154.

Вместе с тем, стоит отметить макросоциальный характер гегемонной маскулинности, тогда как на уровне микросоциальных отношений верховенство мужчин отнюдь не обязательно. Ведущий отечественный эксперт в области гендера, а также социализации Игорь Семенович Кон отмечает, что межполовая конкуренция существовала всегда, но до сего времени «война полов» шла на индивидуальном уровне, в семье и постели, тогда как на макросоциальный уровень подобное соперничество выходило редко¹⁸¹. Тем не менее, несмотря на нередкое доминирование женщины в семейно-бытовой и любовно-сексуальной сферах, подобные «локальные победы не ниспровергли патриархат». Следует отличать, считает Р. Коннелл, те принципы организации всего общества, определяющие на этом уровне гегемонию мужчин, от ситуаций в конкретных семьях, на конкретных рабочих местах. Локальный паттерн может отличаться от глобального и даже противоречить ему.

Для нас очень важно замечание Р. Коннелл о том, что степень незавершенности или системности структуры гендерных отношений может варьироваться. Так, высокий уровень систематизации, скорее будет отражать доминирование группы, чьи интересы обслуживаются данным конкретным гендерным укладом. Однако отнюдь не исключена ситуация, свидетельствующая о низком уровне систематичности, что характеризуется высокой степенью противоречий и противостояний. Формирующиеся в рамках проблематики гендерных отношений движения за его изменение свидетельствуют о его кризисных тенденциях, что с учетом открытости, незавершенности гендерных структур, может выступать фактором к сдвигам гендера в сторону его демократизации, за что ратует австралийский ученый. Тем не менее Р. Коннелл фактически исключает возможность реального образования «гегемонной» феминности, так как формы женственности определяются только по отношению к подчинению¹⁸².

¹⁸¹ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 98 (496 с.)

¹⁸² Здравомыслова О. «Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №3 – с. 219. (213-222.)

Какие полезные для нашего исследования заключения мы можем сделать из концепции Р. Коннелл:

Во-первых, основательное исследование Р. Коннелл, опирающееся на мощный методологический пласт, подчеркивает историчность и традиционность патриархата, на котором основаны гендерные отношения. Но, как нам представляется, доказанная фундаментальность патриархата в некотором роде подкрепляет мнение о его ретроспективной устойчивости и в связи с этим ставит под вопрос степень адекватности направлений радикального феминизма, которые предполагают уже не столько равенство, сколько женскую гегемонию и мужскую дискриминацию. Имеются влиятельные научные теории (В. А. Геодакян), доказывающие наличие кросскультурных и кроссвидовых особенностей поведения и устройства мужских и женских организмов, указывающих на имманентное мужское лидерство¹⁸³.

Во-вторых, акцент Р. Коннелл на многообразии и гибкости гендерных отношений, чему доказательство употребление концепта «композиция». Как можно судить из предложенной автором концепции гегемонной маскулинности, последняя проявляет себя в различных национально-культурных вариациях, при том, что постоянно оспаривается как теоретически, так и практически. Тем самым отнюдь не исключаются изменения гендерных структур, при том, что австралийский исследователь, по всей видимости, допускает только ограниченные сдвиги – например, некоторая демократизация гендера или, наоборот, большее закрепление мужского доминирования. Однако фундамент патриархата не будет нарушен. И все же, как сам(а) Р. Коннелл, так и ее российские комментаторы уповают на социальную практику, из которой постоянно исходят ситуации, «в которых прежние модели отношений прекращают свое существование и открываются новые возможности для изменений»¹⁸⁴.

¹⁸³ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С.32- 36.

¹⁸⁴ Здравомыслова О. «Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №3 – с. 218.

Но современный мир характеризуется как раз ускорением социальной динамики, а значительная часть общества охвачена модернизационными процессами, которые выступают серьезным фактором изменений в области гендера. По мысли И.С. Кона, в настоящий же момент «впервые сложилась ситуация, когда мужчины и женщины начали открыто и жестко конкурировать друг с другом ... в открытом спектре общественных отношений и деятельностей».

Упомянутый И. С. Кон характеризуя проблематику изучения отечественного гендера предлагает исходить из логики глобальных процессов, без которых нельзя понять происходящее в России. В XX в. возникла глобальная цивилизация, с общей технологией, проблемами и базовыми ценностями, затрагивающими и гендерный уклад. Новые черты взаимоотношений мужчин и женщин возникли, созрели и были осознаны на Западе значительно раньше, чем в России, а, следовательно, надо изучать их прежде всего на материале западных стран, а затем пытаться прилагать выявленные закономерности к отечественным реалиям.¹⁸⁵ При этом следует принимать в расчет, что внутренние процессы западного социума диффузно распространяются на иные социокультурные системы, в том числе и российскую. Сам И.С. Кон предлагает принимать во внимание следующие глобальные и долгосрочные тенденции¹⁸⁶, которые подкрепляются данными западных исследователей.

Во-первых, разрушение традиционной системы гендерного разделения труда в производственных отношениях. Женщины не только все больше вовлекаются в трудовой процесс, но и быстро осваивают мужские профессии. Соответственно улучшается их социально-экономическое положение, в рамках которого представительницы слабого пола не только сравниваются, но и обгоняют мужчин. Так, если в 1987 году в США насчитывался 23% женщин, зарабатывающих больше своих мужей, то в 2000-м – уже 29%. По данным на 2010 г. в этой же стране среди

¹⁸⁵ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 98 (496 с.)

¹⁸⁶ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 99-103.

одиноких и бездетных работающих горожан в возрасте от 22 до 30 лет женщины зарабатывают на 8% больше, чем мужчины.¹⁸⁷

Во-вторых, меняются гендерные отношения власти в политической сфере. Монополия мужчин на власть устойчиво сходит на нет, а номинальное и реальное представительство женщин во властных структурах увеличивается. Все чаще политическими лидерами, причем на национальном уровне, становятся женщины, и не только в странах Запада – М. Тэтчер, А. Меркель, И. Ганди и т.д.

В-третьих, в пользу женщин меняется ситуация в сфере образования, получение которого принципиально улучшает социальные перспективы. По данным И. С. Кона среди окончивших университеты в 2008 г. женщин 59%.¹⁸⁸ В монографии Ф. Зимбардо, Н. Коломбе, отмечается, что по данным проекта National Longitudinal Survey of Youth, проведенного с 1997-м и по 2012 г., к 27 годам 30% женщин уже успевают получить диплом бакалавра, в то время как среди мужчин эта доля составляет 25%. В Канаде и Австралии 60% выпускников университетов — именно женщины. В Англии соотношение подающих документы на поступление в высшее учебное заведение составляет менее трех юношей против четырех девушек¹⁸⁹.

В-четвертых, эволюция брачно-семейных отношений. В современном браке гораздо больше равенства, понятие отцовской власти заменяется понятием родительского авторитета, а справедливое распределение домашних обязанностей становится одним из важнейших признаков семейного благополучия.

В-пятых, существенно изменяется характер гендерной социализации детей. Более раннее и всеобщее школьное обучение по большей части является

¹⁸⁷ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблицер, 2017 - Электронный ресурс: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 12. 11.2023.

¹⁸⁸ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 99.

¹⁸⁹ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблицер, 2017 - Электронный ресурс: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 12. 11.2023.

совместным, что уменьшает половую сегрегацию и облегчает взаимопонимание мальчиков и девочек, создавая предпосылки для относительно равной кооперации между взрослыми мужчинами и женщинами.

В-шестых, изменения в гендерной структуре преломляются в социокультурной сфере. Перестал являться безраздельно господствующим принцип противопоставления мужских (маскулинности) и женских (феминности) свойств. Многие социально-значимые черты личности считаются гендерно-нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации. Идеальный тип «настоящего мужчины» сейчас утратил свою монолитность.

В-седьмых, происходит усложнение мужских взаимоотношений, сохраняющих иерархический и соревновательный смысл. Усиливается воздействие социокультурного фактора в сравнении с биологическим в плане обеспечения выживания наиболее приспособленных. В современном обществе множатся принципы выстраивания мужских иерархических систем, при том, что они могут не совпадать друг с другом.

В-восьмых, меняется характер мужской сексуальности. Общий принцип социального равенства предполагает идею равенства прав и обязанностей полов в интимной жизни. В результате понятие секса как завоевания и достижения сменяется ценностями партнерского секса, основанного на взаимном согласии.¹⁹⁰

Перечисленные тенденции изменений гендерных аспектов социального порядка заставляют предположить не столько их модификацию, сколько трансформацию, причем с неопределенным результатом. Л.Н. Надолинская, констатируя историческую изменчивость гендера, считает, что на современном этапе просматриваются социокультурные конструкты, в рамках которых происходят как смешение стереотипов и гендерных идентификационных сценариев, что ведет к формированию негативного эклектического стереотипа в отношениях между полами, так и формирование позитивного партнерского

¹⁹⁰ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 103.

стереотипа. Подобным конструктам соответствуют различные виды маскулинности и феминности: доминантная, подчиненная и несостоявшаяся, реализованные в разной последовательности и одновременно с разной степенью влияния. Все это, как считает Л.Н. Надолинская, способствует становлению современной гендерной дисгармонии¹⁹¹.

Представляется, что Л.Н. Надолинская справедливо усматривает эклектизацию современного гендера, что следует рассмотреть в более конкретизированном и возможно расширенном социокультурном контексте.

С момента публикации работы Р. Коннелл (1987 г.) прошло более тридцати лет, в течение которых социальная действительность характеризовалась все ускоряющейся социокультурной динамикой, отражающей логику постмодерна, общества мобильностей (Дж. Урри) или «текучего общества» (З. Бауман). Но в результате стали проявляться неоднозначные последствия данной динамики, которые можно характеризовать как своего рода «болезнь цивилизации».

Сам И.С. Кон заостряет внимание на усиливающихся противоречиях, связанных с феноменом маскулинности, которые вполне уместно считать одним из серьезных факторов наметившихся деформаций гендерных структур. Здесь следует уточнить, что маскулинность интерпретируется, прежде всего, как социокультурный конструкт, определяющий совокупность «мужских» признаков: от телесной презентации до поведенческих стратегий.

Как считает известный эксперт антрополог Д. Гилмор, маскулинность есть символический текст, бесконечно вариабельный культурный конструкт.¹⁹² Исходя из подобного определения, а также опираясь на исследования своих зарубежных коллег Дж. Плека, Д. Леванта, Р. Брэннона, И.С. Кон отмечает, что современная общественная динамика в целом работает на более гибкие представления о маскулинности. Если в условиях традиционного социума гендерная социализация

¹⁹¹ Надолинская Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России): автореф. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2008. С. 18–19.

¹⁹² Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М. Росспэн, 2005 – С. 236.

основывалась на стандартных инвариантных механизмах, формируя и утверждая в сознании типичные для данного пола личностные черты; то теперь этот процесс значительно усложнился, так как на него стали более усиленно влиять гендерные идеологии, видоизменяющиеся в зависимости от социокультурного контекста.

Вместе с тем господствующие идеологии «направлены на поддержание существующих властных структур, которые большей частью, хотя и с вариациями, являются патриархатными и воспроизводят гендерное неравенство».¹⁹³ Четыре основных стандарта или нормы традиционной маскулинности – мужчина должен избегать всего женского; мужчина должен ориентироваться на успех в конкуренции с другими мужчинами; мужчина должен быть сильным и не проявлять слабость; мужчина должен не опасаться насилия – выступают неким претендующим на универсальность ориентиром для маскулинных идеологий, определяющих поведение представителей «сильного пола». Однако поведенческая реализация подобных установок встречает массовые трудности, что отражается в распространенных в современных социально-психологических исследованиях категориях гендерно-ролевого конфликта, поло-ролевого напряжения и пр. Усваиваемые нормы традиционной маскулинности для многих мужчин становятся условием «дисфункционального напряжения» – вызывают внутренний диссонанс, толкают к нездоровому поведению: пьянство, неоправданный риск и т.п. «В то же время те мужчины, которые отклоняются от норм маскулинной идеологии, – как пишет И. С. Кон, – часто подвергаются остракизму и испытывают чувство стыда или «травматическое напряжение». Хотя большинство мужчин гендерно-ролевые ожидания так или иначе нарушают, им приходится расплачиваться за это чувством своего несоответствия, самозванства»¹⁹⁴. Исследования упомянутых зарубежных ученых продемонстрировали корреляцию традиционной маскулинности с полом/гендером, расой, этничностью и классовым положением. Такую идеологию естественно больше поддерживают мужчины, представители низших классов в

¹⁹³ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 75.

¹⁹⁴ Там же. С. 76.

сравнении с более благополучными слоями, а также незападные народы в сравнении с белым населением западных стран.

Общий вывод исследователей процессов маскулинности, на которых ссылается И.С. Кон, сводится к тому, что корни мужских проблем имеют больше идеологический смысл. Их следует видеть в противоречиях нормативного канона маскулинности, а не в мужской психофизиологии и особенностях индивидуального развития.¹⁹⁵ Подобное видение органично вписывается в парадигму политкорректности, выдвигающей на первый план нарратив свободного выбора.

Куда более критичен П. Бьюкенен, который выступая с позиции экстремального патриотизма (термин А. В. Столярова¹⁹⁶) американоцентристского наполнения, считает традиционный гендерный уклад залогом сохранения западных наций. Происходящее изменения он склонен описывать в логике деформации и упадка, поскольку основной удар принимает на себя институт семьи. Основным объектом его критики выступает неомарксистская Франкфуртская школа, послужившая идеологическим обоснованием культурной революции 60—70-х гг. и поставившая под сомнение ценности великой западной цивилизации. «Освобождая мужей, жен и детей от семейных обязанностей, европейские социалисты устранили общественную потребность в семье. Как следствие, институт семьи начал отмирать. А с этим институтом начала отмирать и Европа». По данным Патрика Джозефа Бьюкенена уровень рождаемости в Европе снизился до 1,4, в то время, как только для сохранения численности требуется уровень 2,1.¹⁹⁷ Высоком уровне медицинского обслуживания происходит старение западных обществ. С одновременным увеличением населения в странах третьего мира, западным странам для восполнения естественной убыли населения придется принять до 1,4 миллиарда иммигрантов из стран Африки и Среднего Востока¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 78.

¹⁹⁶ Столяров А.В. Сумерки богов / Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 – С. 417. (410-443)

¹⁹⁷ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 – с. 27-28.

¹⁹⁸ Там же. С. 40.

П. Бьюкенен обоснованно видит в радикальном феминизме третьей волны фактор, откровенно враждебный традиционной семье, который еще и привлекает на свою сторону миллионы женщин. «С точки зрения воинствующей феминистки, – пишет названный автор, – брак есть форма проституции, а семья есть отживший свое общественный институт (в лучшем случае), если не тюрьма или каторга».¹⁹⁹ В то же время П. Бьюкенен допускает редукционизм, сводя теоретический источник феминизма исключительно к марксизму. Кроме того, А. В. Столяров, критически осмысляя теоретические рассуждения П. Бьюкенена, указывает на необходимость более широкого рассмотрения – «дело не в мифическом заговоре горстки марксистов против честных американцев, дело в законах истории, которые разворачиваются сейчас с неумолимой определенностью»²⁰⁰.

Все же рассуждения П. Бьюкенена относятся к области политической публицистики, тогда как Н.В. Больц рассуждает с более научных позиций. Деформационные сдвиги в гендерных отношениях он рассматривает как результат вызова, который политкорректность в лице одного из своих сегментов – фанатичного феминизма (термин Н.В. Больца) бросает прежде всего эволюционной биологии²⁰¹. Рассуждения Н.В. Больца можно условно свести к следующим заключениям.

Во-первых, искусственное нивелирование половых различий сопровождается феминизацией мужчин и маскулинизацией женщин, которое на современном этапе зашло столь далеко, что их результатом становится взаимное отчуждение и даже ожесточение мужчин и женщин. Это наносит удар по институту брака, который основан на естественных, само собой разумеющихся, взаимоприемлемых и взаимодополняемых половых различиях. «Раньше мужчины и женщины жили вместе, соблюдая при этом разные правила. Сегодня для мужчин и женщин правила одинаковые, но живут они рядом друг с другом, как

¹⁹⁹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 – с. 66-67.

²⁰⁰ Столяров А. В. Сумерки богов / Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 – С. 420.

²⁰¹ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 65-93.

параллельные прямые, которые никогда не пересекутся»²⁰². Между тем вместо декларируемых феминизмом и политкорректностью партнерских отношений между мужчиной и женщиной усиливается – беспощадная половая конкуренция.

Н.В. Больц убежден в необходимости сохранения разделения труда по половому признаку. «Если женщина лучше умеет обходиться с детьми, а мужчина вольготнее чувствует себя в конкурентной борьбе, имеет смысл, чтобы оба развивали свои умения для того, чтобы с выгодой использовать собственные способности в браке». Именно на этом зиждется солидарность супружеской пары, где мужчина берет на себя инструментальное руководство, а женщина – эмоциональное.²⁰³ Одновременно Н.В. Больц касается и культурно-эстетического аспекта, отмечая проблему выхолащивания любовных отношений, здоровую иррациональность которых он противопоставляет предельной рационализации партнерства.

Во-вторых, Н.В. Больц считает результатом полового уравнивания извращенные сдвиги в макросоциальных нормативах. Гетеросексуальность все менее и менее воспринимается в качестве естественного стандарта, а гомосексуальность становится продуктом «производства женских черт нашего общества: сочувствия, чуткости, нежности, любезности». Гомосексуализм есть своего рода выход для тех мужчин, кто хочет избежать половой конкуренции, а также направленного на них ресентимента со стороны прежде всего сторонников политкорректного феминизма. Отсюда уклады геев, одиноких женщин и холостяков лучше вписываются в современный мир, приспособляются к новым кооперативным, постиндустриальным структурам. Для них существует своего рода социальное премирование, в отличие от мужчин с традиционной ориентацией и классических семей.²⁰⁴

²⁰² Там же. С. 74., 93.

²⁰³ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 91.

²⁰⁴ Там же. С. 78, 75-76.

Наконец, в-третьих Н.В. Больц в своих, не лишенных некоторой эмоциональности, рассуждениях затрагивает категорию мужественности, которую обоснованно не отождествляет с маскулинностью. Если последняя выступает социокультурным феноменом, то мужественность – это, скорее, поведенческое явление. «Мужественность всегда действие: нельзя просто «быть». Мужественные мужчины не приспособливаются, не прогибаются и не зависят от обстоятельств»²⁰⁵. Выступая не столь давно эталоном воспитания сильной половины, мужественность в настоящий момент переживает делегитимацию. Н.В. Больц пишет о демаскулинности, превращении мужчины в ухоженное домашнее животное, унижая в конечном счете его гордость и честолюбие.²⁰⁶ Кроме того, здесь кроется дополнительный фактор предпочтения альтернативной ориентации – гомосексуалистам не нужно жить по стандартам мужественности, которая предполагает борьбу, соответственно они избавлены «от того, чтобы в своих желаниях идти на компромисс с женскими ожиданиями. Современное общество уже давно сделало это нормой»²⁰⁷.

Общий вывод немецкого мыслителя мало оптимистичен. «Когда-то мужчины конкурировали между собой за женщин, теперь же с женщинами» (выделено Н.В. Больцем). Но с каждой новой победой над традиционным половым разделением с одной стороны слабеет система преимуществ для общества, которая существовала благодаря половой асимметрии. С другой стороны, представления о половых ролях мужчины и женщины допускают различные толкования, тем самым происходит нечто вроде анонимизации гендера²⁰⁸.

Отдавая должное весомости и обоснованности подхода немецкого социолога, тем не менее, считаем целесообразным развить его далее. Справедливо констатируя процессы демаскулинности и размывания гендерных ролей,

²⁰⁵ Там же. С. 78, 79.

²⁰⁶ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 81.

²⁰⁷ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 77.

²⁰⁸ Там же. С. 92.

порождающие аномизацию и кризис института семьи, Н.В. Больц, тем не менее, делает слишком явный акцент на политкорректность. Между тем, на наш взгляд, проект политкорректности насаждался параллельно с объективными процессами, которые заложили основу вышеупомянутых трендов. Мужественность в качестве социального ресурса действительно приходит в упадок, однако данный факт – следствие влияния круга обстоятельств, среди которых мы намерены выделить социально-исторические факторы, а также социокультурные факторы.

Что касается первых, то здесь мы имеем возможность обратиться к некоторым работам последних лет, где упомянутые факторы представлены в комплексном виде.²⁰⁹ Если рассматривать мужественность в качестве социального феномена и ресурса, то в этом случае она сближается с категорией пассионарности, популяризированной во многом благодаря трудам Л. Н. Гумилева. Хотя при таком ракурсе рассмотрения мужественность не имеет четкой половой прописки (есть мужественные женщины, при этом не теряющие женственности). Тем не менее, особенно в историческом контексте, мужественность закономерно ассоциируется с представителями сильного пола. Как пронципально отметил Н.В. Больц, «Мужественность в гораздо большей степени определяет себя через отрицание женственности, чем наоборот»²¹⁰.

Мужчины не только представляли собой наполнение тех сфер общественной жизни, которые были связаны с насилием и войной, но и брали на себя инструментальную функцию в рамках института семьи, что предполагало частую актуализацию способности противостоять жизненным обстоятельствам. В то же время болезнью мировой цивилизации, лидером и двигателем которой выступает Западный мир, является как раз снижение востребованности социального ресурса

²⁰⁹ Тамбиянц Ю.Г., Руденко М.В. Ресурс мужественности в цивилизационной конкуренции: проблематика Запада и шансы России // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар, 2022 – С. 285-293 (388с.). Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулунц Г. А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 28–41.

²¹⁰ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 78.

мужественности, что для гендерных отношений выступает в качестве деформирующего обстоятельства.

В одной из современных работ предлагается комплексное видение аспектов цивилизационного развития, делающих ресурс мужественности все менее востребованным, причем как в личностных, так и в групповых масштабах²¹¹. Во-первых, указывается, что эволюция производственных и особенно военных технологий требует параллельного развития средств культурной регуляции (закон техно-гуманитарного баланса²¹²). То есть, ввиду стремительно возрастающей динамики средств и возможностей людского уничтожения актуализируется значение идей мирного сосуществования, а силовые методы одновременно подвержены все большей критике и дискредитации. Во-вторых, общая военная эволюция предполагает средства, применение которых снижает фактор личного риска, в силу чего война для стороны, обладающей технико-технологическим преимуществом, превращается в охоту.²¹³ В-третьих, развитие институциональных структур государства неизбежно берет под тесный контроль конгломерат обстоятельств, связанных с проявлениями насилия. Это вполне закономерно в свете популярного тезиса Макса Вебера о том, что именно государство рассматривается как «единственный источник правомерного применения насилия».²¹⁴ Наконец, в-четвертых, авторы упомянутой работы указывают на динамику оппозиционных друг другу торговой и бойцовской ментальностей, проявляемых в социокультурном пространстве. Баланс торгового и бойцовского духа неуклонно сдвигается в сторону первого, что особенно заметным стало в эпоху индустриального капитализма.²¹⁵

²¹¹ Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулунц Г. А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 32-39.

²¹² Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., 2007. 256 с

²¹³ Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках М.: Кучково поле, 2018. — С. 180 (384 с.)

²¹⁴ Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 – С. 111.

²¹⁵ Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулунц Г. А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 35-37.

Вышеприведенное рассмотрение дает основание заключить, что цивилизационная динамика последовательно снижает востребованность в тех проявлениях мужественности, которые прежде всего связаны с насилием. По сути, реализация такого рода проявлений, становится все более фрагментарной, концентрируясь в сферах спортивных боевых искусств, а также в некоторых воинских и правоохранительных подразделениях²¹⁶.

Складывающееся положение дел вызывает неоднозначные оценки среди западной же научной общественности. Известный либеральный мыслитель Эрнест Геллнер всячески приветствует смягчение нравов, в чем ему видится подлинная гуманизация общественных отношений в условиях западного гражданского общества²¹⁷. Однако существуют и противоположные позиции. Так, израильский военный теоретик и историк А. Гат не считает особо благополучным «мягкий культурный климат капиталистических демократий». Здесь скрываются собственные опасности, выражающиеся в «эрозии патриархата» – падение рождаемости, старение населения. Богатство и материальное изобилие вызывают все более острое неприятие не только нужды, но и дисциплины, а «безрассудная горячность ... исчезает в богатых, потребительски-гедонистических, либерально-демократических обществах, сложившихся после Второй мировой войны». Однако ослабление воинственности Запада ставит вопрос о его попечительской власти. Нужна разработка нового образа войны, отвечающего социальным запросам современности, дабы вдохнуть воинскую энергию в западное общество²¹⁸. Подход А. Гата близок рассуждениям Жоржа Сореля, который столетие назад также желал толики здорового насилия, дабы встряхнуть дряхлеющее буржуазное общество²¹⁹.

Социокультурные факторы связаны с распространением информатизации и компьютеризации, а также тесно связанной с ними культуры потребительства.

²¹⁶ Оссовская М. О некоторых изменениях в этике борьбы / Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. - с. 508-509.

²¹⁷ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004 – с. 90-91

²¹⁸ Балакришнан Г. Роль насилия в истории // Прогнозис. 2008. № 1(13). – С. 120.

²¹⁹ Сорель Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. – М.: КРАСАНД, 2011. – 160 с.

Скрытый вызов мужской сущности, подобно перечисленным выше четырем историческим источникам, являются собой компьютерные игры, а также продукты порноиндустрии, получающие массовое распространение. Глубокий анализ воздействия этих феноменов на мужскую психику, а также описание определенных социальных последствий содержится в книге мэтра американской социальной психологии Ф. Зимбардо и его коллеги Н. Коломбе «Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности»²²⁰.

Показательно, что последствия компьютерных игр и порно намного сильнее проявляются именно в мужских поведенческих феноменах и захватывают в большей степени подростковую и молодежную среду. Например, девушки в среднем играют пять часов, тогда как парни – тринадцать. Стремительно распространяется такое явление как геймерство (игромания), предполагающее серьезные психофизиологические последствия во многом от недосыпа. Согласно данным отдела по исследованию и разработке игр при Институте будущего (США) каждую неделю по всему миру на компьютерные игры тратится 3 млрд человеко-часов. Среднестатистический юноша к 21-летнему возрасту уже будет иметь за плечами 10 000 часов, потраченных на компьютерные игры, в то время как для того, чтобы получить степень бакалавра, среднестатистическому студенту нужно потратить вдвое меньше – отучиться 4 800 часов.

Геймерство намного сильнее распространено именно в мужской среде - в семейных парах в каждой 349-й семейной паре один из супругов является геймером, и в 84% случаев это муж, а не жена. Если в паре каждый увлекается компьютерными играми, то в 73% случаев более заядлые геймеры — опять же мужья.²²¹ В качестве основной причины, предопределяющей большую погруженность в игры и порно именно мужчин, мы полагаем архетипическую

²²⁰ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблицер, 2017 - Электронный ресурс: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 12. 11.2023.

²²¹ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблицер, 2017 - Электронный ресурс: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 12. 11.2023.

составляющую мужской сущности, связанную с образами победителя и героя. Игра как раз и предоставляет возможность почувствовать себя в роли победителя, при этом ничем не рискуя.

Погружаясь в порно, парни чувствуют себя шейхами виртуальных гаремов, а в компьютерных играх можно стать героем или антигероем, ни за что не отвечая и без риска оказаться убитым или раненым буквально.²²²

Продукция порноиндустрии ориентирована фактически на секс в чистом виде, без участия романтической составляющей, столь важной для женской сущности. Учитывая, расхожий тезис о полигамности мужчины и моногамности женщины, вполне логично, что в просмотре картинок и фильмов соответствующего содержания мужчины выигрывают у женщин со счетом 6:1. Аудитория таких популярных платных сайтов, как Brazzers и Bang Bros, на 75% состоит из мужчин²²³.

Важно учитывать, что потребительская культура навязывает принцип «наименьшего сопротивления» тем самым во многом оскопляя достижительские стремления. Социальный психолог Рой Баумейстер, в книге «Есть ли в мужчинах хоть что-то хорошее?» отмечает присущее современному мужчине экзистенциальное ощущение ненадежности этого мира, усиленное социальными обстоятельствами. «Мужчина живет и действует, сталкиваясь с угрозой того, что не сможет соответствовать»²²⁴. Поэтому, когда на пути молодых мужчин возникают все новые сложности в быстро меняющейся среде, многие из них находят популярную нишу, где желаемый результат получается без малейшего риска быть отвергнутым. Таковой нишей чаще всего оказываются компьютерные игры и порно.

Проведенное в 2011 г. исследование-опрос 20 тыс. респондентов показало, что в качестве основных причин привлекательности компьютерных игр и порносайтов для молодых людей лидируют следующие пункты: «приносит

²²² Там же.

²²³ Там же

²²⁴ Там же.

моментальное удовольствие» (85%); «отсутствие риска быть отвергнутым, возможность выбора своего сценария событий» (73%); «это весело и всегда доступно» (72%); «чувствуешь себя асом и все под контролем» (67%)²²⁵

Порно и компьютерные игры представляют собой среду, которая вполне отвечает одному из главных трендов постмодернизма – стремлению к постоянной новизне. Пребывая в рамках одного и того же визуального ландшафта, человек теряет к нему интерес, нацеливаясь на новые образы чтобы испытать возбуждение во всей его полноте. Обе индустрии – компьютерные игры и порно – предполагают разнообразие, поэтому неслучайно срастаются. «Сочетание порнографии и секса в компьютерной игре способно привести к взрывному росту популярности игр»²²⁶.

Факт погружения молодых мужчин в компьютерные игры и порно, Ф. Зимбардо и Н. Коломбе рассматривают как одновременную причину и симптом их деградации. «Существует взаимная связь между злоупотреблением порно или играми и усугублением проблем социального, сексуального и мотивационного характера. Одно вытекает из другого, и наоборот. Так замыкается порочный круг самоизоляции»²²⁷. К этому следует добавить, что современный гедонизм все же имеет исторические корни и подготовлен общим развитием западной цивилизации, ориентированной на технический и технологический рост, сокращение физических усилий и максимальную реализацию желания.

Большая погруженность мужчин в подобные инструменты общества потребления, которыми являются компьютерные игры и порно приводит к соответствующим результатам, отмечаемым в работах многих современных западных и отечественных ученых. Эти следствия можно разделить на социальные и социально-психологические. К первым безусловно следует отнести данные о доходах, получении образования, уровня безработицы.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблицер, 2017 - Электронный ресурс: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 12. 11.2023.

В плане первых, уместно сперва напомнить, что за последние несколько десятилетий резко выросли доходы женщин, увеличилось число женщин в экономике, политике, науке, о чем подробно писалось в начале раздела. Одновременно тенденции в обратном направлении констатируются у сильного пола. В монографии Ф. Зимбардо и Н. Коломбе в главе с показательным названием «Мужчины не хотят работать», говорится о снижающейся социальной активности мужчин в профессионально-трудовом плане. В период с 2000 по 2010 г.г. число работающих американцев 20-24 лет сократилось на 17%. По сравнению с 1970 г., в США безработица среди мужчин 25-34 лет увеличилась более чем вдвое. В других странах, таких как Италия, Франция, Испания, Швеция и Япония, произошло пятикратное увеличение безработицы в этой же категории.

При этом Ф. Зимбардо, Н. Коломбе отмечают своего рода механизм психологической защиты у подобных представителей «сильной половины», в чем видят массовую напасть – это уверенность мужчины в своей особенности: «Некоторые мужчины считают, что уж коль они родились мужчинами, то никому ничего не должны. Многие пригрелись под крылышком у своих мам и пап, жен или подруг. ... сколько их развелось таких — не желающих устроиться на работу, чтобы приносить в дом деньги, не желающих хотя бы помогать по дому и содержать в чистоте свое жизненное пространство».²²⁸ Из молодых людей, предпочитающих жить с родителями, тем самым откладывая процесс взросления, мужчин на 25% больше чем женщин. Вероятно, подобная черта укоренена в архетипической сущности мужчины, о чем упоминает И. Кон²²⁹. Однако с позиции социологического ракурса такое мужское поведение является паразитическим, работающим на деформацию гендера.

Еще Р. Коннелл в 80-е годы отмечала изменения в рамках внутрисемейных отношений. Если в 70-х гг. теория феминизма видела в семье главный рычаг

²²⁸ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблишер, 2017 - Электронный ресурс: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 12. 11.2023.

²²⁹ Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm>, дата обращения: 12. 12. 2023.

угнетения женщин, то теперь «маятник качнулся далеко в другую сторону. Стало ясно, что домохозяйство и родственные отношения отнюдь не являются клинически чистым образцом подлинного патриархата. Зафиксирован недавний исторический сдвиг, заключающийся в том, что мужьям стало значительно труднее утверждать дома открыто патриархатный режим»²³⁰. Однако австралийский социолог рассматривает это не более как локальные проявления, в общем и целом сильно не раскачивающие крепость мужского доминирования.

В настоящее время Ф. Зимбардо и Н. Коломбе констатируют еще более значительные чем Р. Коннел сдвиги в распределении гендерных ролей. Женщина в целом занимает более твердые уверенные социальные позиции, чем ее ровесник-мужчина, и ей закономерно все труднее найти достойного для нее в социальном плане партнера. «Многие успешные молодые дамы, сделав себе карьеру и став финансово независимыми, значительно расширили список требований к потенциальному партнеру, почти не оставив лазейки для тех, на кого не стоит тратить свое драгоценное время»²³¹. Между тем новые предполагающиеся для мужчин социальные роли противоположны распространенным представлениям о традиционной маскулинности. Многие мужчины не только теряют уважение своих братьев, но и многих женщин, сокращая их возможности нормальной социализации, предполагающей отношения с представительницами прекрасного пола. Отсюда происходит рост числа самодостаточных женщин, обходящихся без мужской второй половины, что предполагает соответственно разрастание количества неполных семей и «одиночек».

Таким образом, используя концептуализацию Р. Коннел и его последователей можно вполне утверждать расширение и разнообразие социальных практик, противоречащих традиционно сложившимся принципам гендерных отношений, основанных на гегемонной маскулинности. Формально существующие

²³⁰ Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 – С. 147.

²³¹ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблишер, 2017 – с. 91.

институциональные структуры основаны на модели гендерных отношений, предполагающей мужское доминирование, в котором, однако, многие ведущие типично мужские места занимаются женщинами. Тенденции маскулинизации женщин и феминизации мужчин в итоге приводят не столько к трансформации, сколько к деформации гендерных отношений, во многом ставящей в тупик западное общество и цивилизацию в целом.

Итак, в качестве вывода по параграфу отметим следующее.

Динамика гендерных отношений органично связана с общественными трансформациями, предполагающими смену макросоциальных типов: традиционный - индустриальный – постиндустриальный. С традиционного общества гендерный уклад имеет характер мужского доминирования, выраженного в социокультурном конструкте – гегемонная маскулинность. Однако по ходу социальных трансформаций и смены общественных типов гендерные структуры проявляли тенденции к смягчению и отказу от жестких патриархальных форм, что рефлексировалось обществом в форме идеологических течений феминизма первой и второй волн.

На современном этапе происходит подрыв и размывание сущностных устоев гендерных отношений, имеющих как социально-конструктивистскую, так и природную обусловленность. Признаками деформации гендера следует считать кризис института традиционной семьи, расширение феномена одиноких самодостаточных женщин, наконец, рост групп нетрадиционной ориентации (ЛГБТ и пр.), некоторые из которых инициируют появление искаженных семейных форм (однополое браки). Подобные тенденции в передовых западных обществах выступают следствием ряда ключевых факторов.

1). Общий ход социальной, а, говоря шире, цивилизационной эволюции, в результате которой с одной стороны технологический прогресс способствует снятию и ослаблению барьеров между многими женскими и мужскими ролями и функциями; с другой стороны, снижается запрос на социальный ресурс мужественности, составляющем с женственностью диалектическое единство; с третьей стороны насаждается культура потребления и гедонизма, которая

захватывает в большей степени мужчин, ослабляя их витальный потенциал, а также содействуя разнообразию гендерно-ролевых конфликтов и маргинализации сознания.

2). Радикальный феминизм третьей волны, который выступает сегментом более широкого дискурсионного поля политкорректности, жестко насаждающей практическую логику «общества меньшинств» и способствующей разложению и деградации социокультурных основ западного социума. Деформация гендера отражается не только аномизацией норм маскулинности и феминности, но в социетальных масштабах работает на снижение витального (пассионарного) уровня западного общества. Обозначенный тренд в современных глобальных условиях имеет диффузный смысл, накладывая определенный отпечаток и на незападные общества.

На основании проведенных теоретико-методологических разработок напрашивается следующая логика дальнейшего исследования идеологии феминизма и ее влияния на гендерные отношения применительно уже к российскому обществу.

Прежде всего имеет смысл затронуть объективный контекст отечественной социальной реальности, а именно проанализировать сегмент гендерных отношений, их динамики. Представляется уместным начать с советского периода, что диктуется следующими обстоятельствами. Во-первых, социальная революция нацеливалась на принципиальное изменение положения женщины и переформатирование гендерных отношений. Во-вторых, соответствующие аспекты советской действительности весьма неоднозначно трактуются признанными специалистами гендерной социологии. В-третьих, в современной реальности сохраняется определенная инерция характеристик гендерных отношений, сложившихся в СССР.

Далее представляется целесообразным заняться основательным изучением отечественного феминистского дискурса в современном его состоянии. Для этого мы намерены прибегнуть к помощи метода контент-анализа, а также привлечь элементы дискурс-анализа, основные процедуры которого предложены в работах

М. Фуко. Предполагается не только выявить ключевые положения, на которые делает ставку российский феминизм, но также определить характер корреляции этих положений с российской реальностью. Естественно это не даст полной картины роли идеологии феминизма для гендерной составляющей российских социальных процессов, но позволит сформировать для этого некоторые основания.

Более или менее целостное представление о феминизме как факторе социокультурной динамики гендерных отношений в России предполагается получить по итогам анкетного опроса в сочетании с данными анализа дискурса. Анкетный опрос будет касаться тех сегментов сознания россиян, которые связаны с установками по поводу гендерных отношений и происходящих в них изменений, преломленных через представления об идеологии феминизма и ее оценки.

Глава 2. Особенности социокультурного влияния идеологии феминизма на трансформацию гендерных отношений в российском обществе

2.1. Анализ гендерных отношений советской-постсоветской России в пространстве влияния идеологии феминизма

Анализ сущности изменений ситуации с гендерными отношениями в России целесообразно начать с рассмотрения характеристик советского времени.

Во-первых, советское общество вполне резонно рассматривать именно как общество модерна, которое, как известно, дало важный толчок гендерной динамике.

Во-вторых, советский период явился во многом базовой предпосылкой нынешних отношений между представителями разных полов в России, во многом определяя их специфику.

Следует отметить, что основные представители отечественной гендерной социологии (И.С. Кон, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, Е. Ю. Мещеркина и др.) склонны рассматривать советский период с либеральных позиций, что не может не усиливать идеологической составляющей их рассуждений. Сразу следует отметить, что либеральная парадигма анализа склоняется к жесткой критике советской эпохи, придавая ей своего рода девиантный смысл в сопоставлении с магистральными процессами социальной эволюции. СССР с его тоталитаризмом, малоэффективными мобилизационными механизмами в экономике и политике был явным отклонением, химерой, чему доказательство – его бесславный конец. Подобный подход разделяется многими экономистами (Е. Г. Ясин, В.А. Мау, Е.Т. Гайдар и др.), историками (Б. Н. Миронов, Н.В. Петров и др.), культурологами (А.С. Ахиезер, И.Г. Яковенко и др.). Пик популярности данного подхода приходится на 1990-е первую половину 2000-х годов, после чего в его отношении последовательно усиливается скептицизм. Мы намерены исходить из парадигмы, рассматривающей СССР как особый путь модернизационного развития, во многом опирающийся на традиционные социокультурные основания – это работы А.А.

Зиновьева, В.Э. Шляпентоха, В.В. Кожина, С.А. Нефедова, С.Г. Кара-Мурза, В.Л. Цымбурского и др.

Известный исследователь Л.Г. Ионин предлагает для советской культуры определение «моностилистическая». В его трактовке элементы моностилистической культуры (убеждения, оценки, образы мира, идеологии и т.д.) обладают внутренней связностью и активно разделяются либо пассивно принимаются всеми членами общества.²³² Такая культура обладает рядом характерных черт. Во-первых, наличие специализированной группы создателей культуры, или культурных экспертов из высших социальных страт. Во-вторых, «строго определенный порядок реализации культурных явлений в пространстве и времени согласно нормам доминирующего мировоззрения». В-третьих, тенденция канонизации жанров и стилей культурной деятельности.²³³ Либеральный подход склонен подходить к осмыслению моностилистической культуры с позиции жесткой критики. Однако сейчас по прошествии 30 лет после краха СССР и в ходе сравнения с сегодняшней ситуацией, в советской культуре просматриваются ряд черт, которые куда лучше были способны к обеспечению социальной и духовной целостности.

Все же именно либерально ориентированным исследователям мы обязаны попытками глубокого анализа особенностей советского гендера, а потому никак нельзя отрицать наличие ценного материала в их работах, одновременно видя в них повод для дискуссии.

Показательно, что представители отечественной гендерной социологии признают «кризис маскулинности» как на Западе, так и в СССР. Однако последний, по их мнению, был погружен в значительно более глубокий кризис, поскольку не исходил из адекватного понимания психофизиологической сути женщины и мужчины. Как пишет И.С. Кон, объявленное большевиками «гендерное, как и все прочее равенство, понималось механистически – как одинаковость и как

²³² Ионин Л.Г. Социология культуры М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – С. 233 (427 с.)

²³³ Там же. С. 234-235.

возможность уничтожения всех и всяческих социально-групповых и даже природных различий».²³⁴ В советской версии марксизма идея женской эмансипации и гендерного равенства была выражена достаточно четко. Отсюда официальный гендерный уклад придавал не меньшее значение женщины в сравнении с мужчиной. Как предлагают считать А.А. Темкина и Анна Роткирх, такой порядок был представлен в виде совокупности трех различных контрактов, сосуществующих и дополняющих друг друга: официального, повседневного и нелегитимного контракта. Официальный гендерный контракт – работающая мать, поддерживался политикой государства, его идеологией и институтами. Контракт этот включал мобилизованный государством труд женщин и материнство как гражданские обязанности и распространялся на подавляющее большинство советских гражданок. Он предполагал серьезную государственную помощь в воспитании детей: предоставлении декретных и послеродовых отпусков, отпусков по уходу за ребенком, льготы работающим матерям, бесплатном здравоохранении и системе детских учреждений. Вместе с тем, официальный контракт не был монолитным, так как состоящие в браке женщины и имеющие детей, имели законное право не работать, в отличие от мужчин. Тем самым официальный контракт все же допускал традиционное женское поведение, поддерживаемое идеологией женского предназначения²³⁵.

Повседневный контракт находился за рамками государственного регулирования и во многом включал практики и нормы, складывающиеся в качестве реакции на ригидность государственных институтов. В первую очередь такой контракт выполнял функцию приспособления к повседневности. На женщину возлагалась ответственность за воспитание детей, уход за пожилыми, бытовое обслуживание семьи, компенсирующее недостатки социального сервиса и дефицита. В качестве агентов контракта выступали социальные сети, друзья, родственники. Во-вторых, правила повседневного контракта складывались как

²³⁴ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 130.

²³⁵ Темкина А. Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования 2002, №11, с. 9. (с. 4-15).

непреднамеренные последствия официального контракта, например, распространение практик одинокого и внебрачного материнства. В-третьих, существовали практики, не регулируемые официальной политикой – например, добрая сексуальность совершеннолетних.²³⁶ Наконец, под нелегитимным (альтернативным) контрактом имеются в виду те гендерные нормы и практики, которые подвергались репрессиям, были скрытыми или криминальными²³⁷. Наиболее яркими формами советского нелегитимного контракта были гомосексуализм и проституция.

Как пишут Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, самокритика советского общества могла затрагивать только определенные аспекты советской реальности, считающиеся «второстепенными и несущественными, — отношение к труду, положение семьи, некоторые аспекты образа жизни (например, потребительство)». Под разрешенную для критики проблематику попали также отношения между мужчинами и женщинами, касающиеся их социальных ролей.

Одним из ключевых тезисов критики советского периода являлось общеразделяемое утверждение о глубоком кризисе маскулинности. Известный отечественный социолог Ю. Левада, констатирует, что «сделка с дьяволом» – тоталитарным государством привела мужчин к глубокому нравственному кризису. Подобная сделка совершалась с целью прежде всего самосохранения, а также карьерного продвижения, однако результатом стало саморазрушение советской мужественности, разрушение самой личностной структуры, что выражалось в формах пьянства и алкоголизма. Особенно заметно личностное саморазрушение проявлялось на «поколенческих разломах». Как писал Ю.А. Левада, «нравственные сделки всегда и неизменно губительны для несформировавшейся личности»²³⁸.

И.С. Кон старается избегать чрезмерной эмоциональности. Его анализ кризиса советской маскулинности упирает не столько на необходимость

²³⁶ Там же. С. 7.

²³⁷ Там же. С. 10.

²³⁸ Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 1990-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др.; под общ. ред. Ю. А. Левады. - М.: Мировой океан, 1993. – с. 31-32. (300 с)

«нравственных сделок», сколько на фактор политического деспотизма и бюрократизации общественной жизни, которые в сочетании с экономической неэффективностью «оставляли мало места для индивидуальной инициативы и независимости... С раннего детства и до самой смерти советский мужчина чувствовал себя социально и сексуально зависимым и ущемленным»²³⁹. Все это усугублялось глобальной феминизацией институтов социализации, чему имелся ряд причин – распространение безотцовщины, доминирование женских кадров в воспитательных учреждениях, да и в руководящих структурах пионерских и комсомольских организаций. Подобный стиль социализации был несовместим ни с индивидуальным человеческим достоинством, ни с нормами традиционной маскулинности, порождая противоречивые психологические реакции. Так, на уровне идеологии, дефицит мужского начала способствовал поддержке мифологизированных образов тоталитарных Вождей, Учителей и пр. На семейно-бытовом уровне И.С. Кон отмечает несколько распространенных вариантов психологической компенсации:

а) идентификация с традиционным образом сильного мужчины, утверждающего себя через пьянство, драки, жестокость, насилие, связи с агрессивными компаниями;

б) компенсация социальной покорности путем жестокой тирании дома, в семье;

в) компенсация социальной пассивности через бегство от личной ответственности «в беззаботный игровой мир вечного мальчишества» или социальный инфантилизм, передоверяя жене семейную ответственность, а начальству – социальную²⁴⁰.

Попытку предложить системную картину кризиса советской маскулинности предпринял на рубеже 1960-70-х годов отечественный демограф и экономист Б.Ц. Урланис. Он выдвигал демографический, биологический и модернизационный

²³⁹ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 135

²⁴⁰ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 135-137.

аргументы. Демографический аргумент заключался в констатации мужского количественного меньшинства по сравнению с женщинами. Подобный дисбаланс есть результат войн, репрессий, а также в целом более низкой продолжительности жизни и высокой смертности мужчин. Биологический аргумент опирался на тезис о большей жизнестойкости женского организма, из чего следовало, что мужчины как биологический вид менее жизнеспособны, чем женщины. Реально именно мужчин следует называть «слабым полом». Модернизационные аргументы строились на утверждении, что модернизация и развитие технологии больше угрожают именно мужчинам, что обусловлено большей мужской вовлеченностью в публичную сферу. Кризис маскулинности есть следствие гендерного разрыва в пользу мужчин в публичной сфере. Все индустриальные страны имеют продолжительность жизни мужчин меньше, чем женщин²⁴¹.

Продолжая осмысление феномена кризиса советской маскулинности, А. Г. Харчев в конце 1970-х годов делал акцент на проблему мужского пьянства. Именно последнее «вышло на первое место среди мотивов разводов, возбуждаемых по инициативе женщины... алкоголизм стимулирует, с одной стороны, адюльтер, с другой — импотенцию»²⁴². При этом, выдвигался тезис, поддерживаемый советскими и западными учеными, о том, что массовая безотцовщина стимулирует формирование специфических образцов мужественности. Речь идет о брутальной маскулинности, склонности к насилию, в чем виделось следствие воспитания мальчиков в подростковых компаниях, где отсутствует воздействие старших мужчин и происходит развитие мужской личности по компенсаторному пути. Как писали Д. Н. Исаев и В. Е. Каган, воспитывающиеся без отца мальчики зачастую формируют «вульгаризированное представление о мужском поведении как агрессивном, грубом, резком и жестоком... в сугубо кулачном смысле»²⁴³.

²⁴¹ Цит. по: Здравомыслова Е.А., Темкина А. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 436.

²⁴² Харчев А. Брак и семья в СССР. М: Мысль, 1979 – с. 230 (367 с.).

²⁴³ Исаев Д.Н, Каган В.Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л.: Медицина, 1979. С- 29 (160 с.)

Пожалуй, пьянство и алкоголизм – довольно типичные черты, которыми наделялись советские мужчины для либеральной аргументации не только глубины нравственного упадка советского мужчины, но и симптомов кризиса советской идентичности, которая дополнялась зачастую немотивированной агрессией, насилием, кулачным правом.

Не оспаривая распространение порока пьянства в СССР, мы не видим оснований считать его производной именно советской системы. Во-первых, указанный феномен (как и кулачное право) был известен задолго до советского периода, на что неоднократно указывают произведения русской классики. При этом пьянству могли предаваться как отдельные представители дворян, чиновников (Ф. М. Достоевский) так и купечества, мещан, и рабочих (М. Горький). С другой стороны, исторически отношение к пьянству официальной власти было скорее амбивалентным, что в общем и целом не было прервано в советский период. При декларативном осуждении пьянства на неформальном уровне «умение пить» выступало групповой нормой партийных и номенклатурных кругов.²⁴⁴ В связи с этим феномен советского пьянства следует считать проявлением национальной традиции в новых социокультурных и политических условиях.

Что касается утверждения о компенсации через кулачное право и абсолютизации брутальной маскулинности, то, данные явления были присущи отнюдь не только отечественной среде, поскольку весьма привязаны и к социокультурному, и к возрастному фактору. Вряд ли стоит делать основную ставку на феномен безотцовщины в ходе объяснений попыток компенсации через кулачное право, хотя в отдельных случаях он мог выступать ключевым обстоятельством. Однако физическое самоутверждение – неотъемлемая стадия мужской социализации на ранних этапах, что типично происходит через доказательство силового превосходства в зависимости как от возраста, так и от социокультурной среды. Так, согласно правилу этологического баланса, чем

²⁴⁴ Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия: коллективная монография. М.: Новое издательство, 2005. – С. 556-558.

сильнее субъект от природы, тем ему более присущи инстинкты торможения.²⁴⁵ Отсюда объясняется факт уменьшения количества школьных драк по мере взросления учеников, хотя их физические возможности возрастают.

Естественно, немаловажную роль играет факт погружения в определенную субкультуру. В автобиографическом романе Э. В. Лимонова «Подросток Савенко» иллюстрируются нормативные стандарты подростково-молодежных групп харьковских окраин 1950-х годов, где физическая сила, умение и готовность драться выступали едва ли не главным залогом внутригруппового личностного авторитета.²⁴⁶ Показательно, что брутальная маскулинность имеет распространение и в западных странах, что подтверждают художественные произведения западных же авторов (Стивен Кинг и др.).

Тезис И.С. Кона о масштабной феминизации институтов социализации нет смысла опровергать, однако стоит обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, указанная тенденция вряд ли возникла в советский период – традиционно больше воспитанием детей занимались женщины, идет ли речь о крестьянских или дворянских семьях. Причем, в последних социализирующие функции часто принадлежали прислуге, по большей части, состоявшей из женщин (няня А.С. Пушкина Арина Родионовна).

Во-вторых, помимо феминизации существовала противоположная тенденция своего рода милитаризации институтов социализации, которая выступала частью официальной государственной политики. Сюда относятся обязательные сдачи норм ГТО, военно-патриотическая тематика в школьной литературной программе, уроки НВП (начальной военной подготовки). О культуре Гражданской, Отечественной, Афганской войн пишут и представители либеральной социологии.²⁴⁷ Милитаризационный аспект социализации был тесно связан с

²⁴⁵ Назаретян А.(П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — С. 41. (256 с.)

²⁴⁶ Лимонов Э.В. Подросток Савенко. М.: Вагриус. 1998 С. 153-378

²⁴⁷ Ушакин С. Видимость мужественности. / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 496-497.

формированием чувства патриотизма. В мирное время предполагалось несколько иное его наполнение. «Образ мужественности отождествляется с закаленным в боях зрелым бойцом, который, не боясь трудностей, едет в Казахстан, распахивает земли, прокладывает пути. Подъем патриотизма сопровождается культурно-массовой работой: призывами «Всем классом на БАМ!», «Даешь Магнитку!» - пишут И. А. Федосеева и Е. В. Соломатин²⁴⁸.

Можно полагать, что тенденции феминизации и милитаризации институтов социализации где-то нивелировали, а где-то дополняли друг друга, хотя бы в рамках образа Родины-Матери.

Е.А. Здравомыслова и А. А. Темкина представляют в комплексном виде ряд образцов маскулинности в отношении которых советский мужчина ощущал собственную неполноценность и депривацию. В качестве гегемонной маскулинности видится модель некоего идеализированного отца. Образец настоящего мужчины представлял обязательно участника индустриализации страны и Великой Отечественной войны. Подобный образ транслировался литературой, кинематографом, искусством. Ключевой характеристикой здесь выступала соответствующая ценностная ориентация государственно-патерналистского смысла. «Героизм отца проявляется в борьбе с очевидным врагом, в готовности пожертвовать своей жизнью, отказаться от частной жизни, в создании могучей военизированной супердержавы».²⁴⁹ Тем самым мужским призванием считалось служение Родине. Дополнительным качеством выступал, по выражению Ю.А. Левады, иерархический эгалитаризм – сочетание готовности к подчинению со способностью к мужской дружбе²⁵⁰. Подобный герой нуждается в подруге жизни, которую надо защищать, поскольку она есть представительница «слабого пола». С точки зрения Е.Ю. Мещеркиной, крепость тоталитаризма

²⁴⁸ Федосеева И.А., Соломатин Е. В. Трансформация мужественности в российском обществе // Научно-практический журнал «Гуманизация образования» № 2/2015 – С. 83 (80-85)

²⁴⁹ Здравомыслова Е.А Темкина А. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 442.

²⁵⁰ Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 1990-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др.; под общ. ред. Ю. А. Левады. - М.: Мировой океан, 1993. – с.

выросла в том числе из подобного образа гегемонной маскулинности, который был жестко привязан к государственному служению²⁵¹.

Помимо гегемонной маскулинности, очевидно производной от советской идеологии, А.А. Темкина и Е. А. Здравомыслова констатируют наличие двух образов традиционной русской маскулинности. Образ первый — фигура привлекательного российского мужика, земледельца-труженника, общинника и философа жизни, нашла художественное воплощение в прозе писателей-деревенщиков 1970-х гг. (В.И. Белова, В.Г. Распутина, Ф.А. Абрамова и др.). Второй образ представлен фигурой дворянина-аристократа, руководствующегося в собственных действиях принципами сословной чести. Подобный герой (В. Дубровский, А. Болконский и др.) был представлен в классической российской литературе, с которой советских школьников знакомили в рамках обязательной образовательной программы средней школы. Научный анализ подобных образов был предложен российским культурологом Ю.М. Лотманом²⁵² и польским социологом М. П. Оссовской.²⁵³

Дворянский статус предполагал определенный комплекс правил, составляющих кодекс чести данного сословия. Дворянин-мужчина выступал гарантом и защитником чести женщины, как «слабого создания». За образец утраченной мужественности выдавалась фигура декабриста, не только являющего пример точного следования дворянскому кодексу, но и ориентированного на поведенческую активность. Помимо безупречного поведения на полях боя или дуэли это предполагало весьма заметные элементы «разгула» и дебоширства, выражающиеся в попойках, разгульной жизни и т.п., что выступало неким антитезисом службы. В то же время, как пишет Ю. М. Лотман, подобная этика гедонизма одновременно увязывалась с проявлением свободолобия. «Страсть

²⁵¹ Мещеркина Е.Ю. Институциональный сексизм и стереотипы маскулинности // Гендерные аспекты социальной трансформации / под ред. М. Малышевой. – М.: ИСЭПН, 1996 - С. 196-206.

²⁵² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) – М.: АСТ, 2020 -640 с.

²⁵³ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали - М.: Прогресс, 1987 – 528 с.

воспринималась как выражение порыва к вольности. Человек, полный страстей ... не может быть рабом». Проявлением свободолобивого идеала являлся гражданин, полный ненависти к деспотизму. Тем самым декабристы представлялись «в первую очередь людьми действия», стремясь изменить политическое бытие России²⁵⁴. Естественно, что в советскую эпоху актуализация образа декабриста в рамках критического либерального дискурса подспудно превращала их в символ протеста против советской тоталитарной тирании и самодержавного государства. Как считают Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина подобный идеал настоящего мужчины, противостоящего деспотизму и тирании, был недостижим в советском обществе, будучи воспеваем в лучших образцах советского литературного творчества, как, например, в авторской песне.²⁵⁵

Как констатируют те же исследователи, в советском обществе не были забыты образцы западной гегемонной маскулинности.²⁵⁶ Здесь в качестве фундамента служил образ сильного одиночки, предпочитающего индивидуальную свободу и полную приключений и опасностей жизнь, в то же время не чуждого кодекса чести, способного к защите слабого и противостоящего социальной несправедливости (Джеймс Бонд).

Либеральные исследователи гендера считают, что в силу предоставляемых советской системой ничтожных шансов для реализации вышеупомянутых моделей маскулинности, многие более пассионарные представители мужской половины советского общества ориентировались на компенсаторные практики для поддержания патриархатной маскулинности. К подобным практикам относилась деятельность в теневой экономике, диссидентском движении, криминале. Весьма распространенным каналом являлась лагерная субкультура, по всем признакам – контркультура. В год смерти И. В. Сталина в СССР насчитывалось более 5

²⁵⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) – М.: АСТ, 2020 С. 568-569, 526.

²⁵⁵ Здравомыслова Е. Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 445.

²⁵⁶ Там же. С. 445-446.

миллионов заключенных и ссыльнопоселенцев. Как констатирует И.С. Кон, в хрущевские и брежневские времена «настоящая и поддельная уголовная лирика стала любимым песенным жанром не только молодежи, но и самой рафинированной интеллигенции».²⁵⁷

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина указывают на отсутствие стиля как символическое измерение вырождения советских мужчин. Коллективным протестом против упомянутого отсутствия стиля стал феномен стилинг, нашедших выражение в определенных образцах мужской моды. В этом названные исследовательницы видят экспрессивность форм протеста против стандартизации внешнего облика, претензии на свободу самореализации мужского.²⁵⁸ Как отмечает И.С. Кон множество неуголовных молодежных субкультур, возникавших на почве романтизма (турпоходы, альпинизм, авторская песня), «не будучи антисоветскими, все они были несоветскими, именно в этом была их притягательность, и за это их преследовали».²⁵⁹

В ходе аргументации тезиса о глубоком кризисе советской маскулинности Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина отсылают к литературным произведениям авторов, известных своей жесткой либеральной ориентацией (А.Г. Битов, В.В. Ерофеев). Нередко именно к текстам В.В. Ерофеева обращается также И.С. Кон. С нашей точки зрения, проза В.В. Ерофеева характеризуется чрезмерной экспрессивностью с сексуальным натуралистическим уклоном, что вызывает определенный скептицизм в определении ее как базового источника понимания советской действительности.

Тем не менее методологически убедительнее позиция либеральных социологов выглядела бы при комплексном рассмотрении советской художественной продукции, не ограничиваясь только литературными произведениями авторов, определенного идеологического ангажа.

²⁵⁷ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 168-169.

²⁵⁸ Здравомыслова Е. Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 439-440.

²⁵⁹ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 142.

Исследовательница советского искусства Г.П. Сидорова справедливо подчеркивает, что искусство выступает кодом определенного исторического типа культуры, «обладает способностью целостного отражения действительности, постижения ее сути, глубинного обобщения, выраженного в художественных образах»²⁶⁰. Имеет смысл затронуть весьма популярные в СССР области художественного искусства как литературу, поэзию, кинематограф.

В произведениях авторов, рисующих целостные картины советского социума с его недостатками и достоинствами (Ю. М. Поляков, А.А. Проханов, Л.И. Бородин, Э.В. Лимонов) имеется повод поставить под сомнение тезис гендерной социологии о том, что приведенные модели мужественности, наличествующие в коллективном сознании, не имели шансов реализоваться в советской действительности.

В прозе А. А. Проханова нередко рассматривается афганская тема, затрагивающая проблематику советской армии. И среди его героев находятся фигуры, представляющие собой некий собственный образец мужественности. В образе советского офицера (Гассанов из романа «Дворец» или Кудрявцев из романа «Чеченский блюз») просматривается некое сочетание образа отца и аристократа, отличающегося с одной стороны бесшабашностью и молодечеством, а с другой – отвагой и героизмом в ходе выполнения государственного задания. Герой мирного времени, научный сотрудник НИИ А. Каракозин (роман Ю.М. Полякова «Замыслил я побег») вполне вписывается в описанный Ю.М. Лотманом образ аристократа-дворянина, в котором дополнительно просматриваются черты западного «ковбоя». Он весельчак-заводи́ла, прекрасный гитарист, любитель кутежей и любимец женщин, в то же время, откровенный вольнодумец, критично настроенный к советской действительности.

Вряд ли следует говорить о полной утопичности модели отца, предлагаемой в основе гегемонной советской маскулинности. Якобы данная модель являлась

²⁶⁰ Сидорова Г.П. «Ожиданием своим ты спасла меня»: гендерные особенности взаимоподдержки в русской военной лирике (1930–2000-е гг.) // Ярославский педагогический вестник – 2018 -№2 –С. 201 (200 -205).

идеологическим продуктом, но не реальности. Корни подобного образа кроются, на наш взгляд, в национальной культурной традиции, отраженной известной постсоветской песней «Батяня-комбат». Нередко к такого рода модели приближались советские руководители различного уровня - от цехового мастера до крупного регионального руководителя. Примером последнего, как можно судить, является белорусский руководитель Петр Машеров. Это были в первую очередь не столько карьеристы, сколько крепкие хозяйственники, «болеющие душой» за порученное дело, отдавая себя ему без остатка. Именно такой образ встречается в фигурах председателей колхозов, выведенных в очерках деревенской жизни Е.Я. Дороша²⁶¹. В повестях и романах Ю.М. Полякова имеется немало героев, вписывающихся в подобный образ.

Интересные наблюдения предлагаются в исследовании Г.П. Сидоровой, касающихся содержательной направленности советской военной лирики. Официально советская власть уравнила мужчину и женщину в правах, в том числе по поводу того, что «Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР» (статья 133 Конституции 1936 г.), а Закон о всеобщей воинской обязанности (1939 г.) подразумевал призыв в военное время женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку, что отражало логику модернизированного общества. Тем не менее в военной лирике конца 1930-х и начала 1940-х гг. доминируют не идеологические установки, не установки модернизированного общества, а традиционные гендерные установки, когда виды деятельности строго разделяются по признаку пола на мужские и женские. Традиционная гендерная установка «мужчина – на фронте, женщина – в тылу» также воплощается в образах популярных песен 1942–1945 гг. («Синий платочек», «В лесу прифронтовом», «В землянке» и др.) Сохранение тех же тенденций Г. П.

²⁶¹ Дорош Е.Я. Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990 - С. 312-313 с.

Сидорова констатирует при анализе мужской военной лирики более позднего периода 1960–2000-х гг.²⁶²

Что касается советского кинематографа, то сталинский период 1930–1950-х гг. видится как попытка через него «создать новый героический эпос, отражавший тенденции советского бытия и советской культуры», что, по мнению В.А. Тираховой, удалось достичь и по форме и по содержанию²⁶³. Здесь активно транслировались патриотические идеи посредством обращения к былинной традиции (фильм «Илья Муромец» реж. А. Птушко) или к фактам исторического прошлого со знаковыми фигурами («Александр Невский» реж. С. Эйзенштейн). Помимо этого, следует отметить широко представленные фильмы на революционную тематику – «Мы из Кронштадта», «Коммунист», «Большая жизнь» и др. А вот более поздние советские фильмы делали акцент на иных образах положительных героев, которые скорее сродни маленькому человеку отечественной литературы XIX в. Образы вроде Новосельцева («Служебный роман»), Лукашина («Ирония судьбы или С легким паром!») из фильмов Э. Рязанова, Шурик из фильмов Л. Гайдая и многие другие обладают невысоким социальным статусом, остро ощущают личностный кризис и подавленность социальной системой. «Движет ими не идеал достижения блага всего народа, а стремление к личному идеальному счастью; простодушные, чуткие, мягкие и добрые»²⁶⁴. Опросы женской аудитории 1950-70-х гг. рождения показали, что названные образы не вызывают у респонденток восхищения / влюбленности, и не создают представления о лучшем / желанном мужчине, или, по-другому, секс-символе²⁶⁵.

²⁶² Сидорова Г.П. «Ожиданием своим ты спасла меня»: гендерные особенности взаимоподдержки в русской военной лирике (1930–2000-е гг.) // Ярославский педагогический вестник – 2018 -№2 –С. 202, 203.

²⁶³ Тирахова В. А. Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 205, 210 (203–212)

²⁶⁴ Сидорова Г.П. Мужские образы советского кино как культурные герои и «настоящие мужчины» // Вестник культурологии, 2021, №2 С. 113-130. С. 116 (113-130)

²⁶⁵ Там же. С. 119.

Тем самым следует предположить, что роль советского кинематографа целесообразно дифференцировать – в ранний период советской эпохи он выступал серьезным фактором усиления традиционной мужской идентичности через трансляцию героических установок в фильмах на историческую, революционную и былинную тематику. Иное положение дел сложилось в поздний советский период, когда превалировать стала тематика социалистического реализма, нередко демонстрируемая в юмористическом ключе (фильмы Рязанова, Гайдая, Трегубовича и др.), тогда как демонстрирование героического кино стало более фрагментарным. Голод на героические образы в позднесоветский период отчасти подтверждается огромной популярностью в конце 80 и нач. 90-х гг. боевиков западного, японского и китайского производства с обязательным центральным героем, олицетворяющим добрую силу.

Мы полагаем, что советское общество не столько блокировало возможности реализации гегемонной маскулинности, как склонны считать либеральные исследователи гендера, сколько предоставляло для этого особые каналы, которые в сравнении с Западными странами могли иметь в аксиологическом плане как отрицательные, так и положительные вариации. Фраза И. Кона о том, что чтобы добиться в СССР экономического и социального успеха «нужно было быть не смелым, а хитрым, не гордым, а сервильным, не самостоятельным, а конформным»²⁶⁶ представляется весьма натянутой. Советский строй имел перед Западным капитализмом бесспорное преимущество – бесплатное образование, которое облегчало реализацию возможности не только партийно-идеологической карьеры. Масштабные задачи, стоявшие перед обществом, требовали ученых, инженеров, конструкторов, военных и т.д.

В плане путей вариантов решения «мужского вопроса» предлагались институциональные меры вроде создания мужских оздоровительных центров, а также, семейно-приватную стратегию, осуществляемую на уровне семьи и отношений с близкими людьми без прямого действия государства. Показательно,

²⁶⁶ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 135.

что в качестве главного ответственного агента заявлялись женщины, долг которых состоял в том, чтобы оберегать мужчин от дурных привычек, беря на себя роль «любящих женщин» и «хороших домашних хозяек».²⁶⁷ Тем самым мы видим, что женщина в советском обществе при всех своих юридических привилегиях, наделялась и дополнительными обязанностями в области социально-терапевтических функций. В тех нередких случаях деградации представителей сильной половины в качестве решения проблемы советский официальный дискурс предполагал скорее ставку на действия ближайшего окружения (любящие жены), чем на поиск внутренних ресурсов мужчин, заставив их попросту «взять себя в руки».

Феномен советской женственности был во многом производным от существующей реальности и маскулинности. Значительным фактором выступала советская правовая система, предоставляющая женщине ряд преимуществ перед мужчиной. С точки зрения Е.А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, мужчины оказывались в проигрышном положении в сравнении «с эмансипированной, социально защищенной женщиной, обладающей сильными позициями в приватной сфере, в первую очередь в качестве матери».²⁶⁸ Советская действительность противоречила патриархатному дискурсу, в рамках которого женщина интерпретировалась исключительно как слабая половина, зависимая от своего кормильца, защитника и семейного главы. Государство официально поддерживало независимость женщины от мужчины. В результате «рядом с советской Женщиной советский мужчина оказывался зависимым, подавленным и манипулируемым, т.е. депривированным». Это находило определенное отражение в достижительских практиках. Так, известный советский социолог А. Г. Харчев отмечал во второй половине 70-х годов прошлого века, что женская эмансипация сопровождается

²⁶⁷ Здравомыслова Е. Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — С. 437-438.

²⁶⁸ Здравомыслова Е. Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 446.

интенсивным духовным развитием женской молодежи, вследствие чего «ровесники современных невест не всегда оказываются способными выполнять по отношению к ним функции «сильного пола» в сфере знаний, интеллекта, вкуса».²⁶⁹ Отсюда в советском обществе слабость женщины обернулась силой. А Здравомысловой и Темкиной доминирование женщины в советской семье признается как факт²⁷⁰.

То же самое констатирует И.С. Кон, при этом справедливо оговаривая, что могли иметь место этнические, религиозные, региональные различия. Тем не менее часто именно женщины несли ответственность за бюджет и другие вопросы домашней жизни. Здесь названный исследователь видит скорее сохранение традиционного российского «синдрома сильной женщины» и женской власти в семье.²⁷¹ Тому имелись исторические предпосылки – при имеющихся условиях сохранения и воспроизводства человеческих ресурсов той же Российской империи, случаи, когда женщина оставалась на хозяйстве одна, без мужской поддержки были вполне типичными. Образ «сильной женщины» был достаточно распространен в русской художественной литературе имперского периода – поэмы Н.А. Некрасова «Мороз Красный нос», «Русские женщины», толстовские героини Анна Каренина, Наталья Ростова и пр.

Вместе с тем, так ли уж следует факт доминирования женщины в семье интерпретировать как ее доминирование в целом? Большая функциональность советской женщины в рамках насущных семейных и домашних дел является реализацией типичного традиционного расклада, имеющего архетипические основания – женщина хранительница домашнего очага, мужчина – добытчик?

В то же время И.С. Кон ставит вопрос вполне в феминистском духе – большая семейно-бытовая нагрузка женщины является привилегией или дополнительным бременем? Отмечая кризис маскулинности деформацию мужских ролей, этот

²⁶⁹ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М: Мысль, 1979 – с. 209 (367 с.).

²⁷⁰ Здравомыслова Е. Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. С.450.

²⁷¹ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 132-133

известный специалист по проблемам гендера констатирует в СССР явления, которые выступали объектом для феминистской критики в Западных странах. В частности, то же самое сохранение стеклянного потолка – в трудовой деятельности не столько сравнивались возможности, сколько произошла «феминизация низших уровней профессиональной иерархии». То есть женщинам доставалась менее престижная и хуже оплачиваемая работа, а отсюда их средний заработок был на треть ниже, чем у мужчин. Женский пол был слабо представлен в руководящих структурах. Так в конце 1980-х гг. каждый второй мужчина с высшим образованием занимал определенную административную должность, тогда как среди женщин таковых насчитывалось 7%. Среди общего числа научных работников женщины составляли 48%, при этом среди кандидатов наук их было 28%, среди докторов наук – 13%, а среди членов Академии наук – 0,6%.²⁷²

Обобщая изложенный материал, касающийся гендерных отношений советского периода, мы склонны считать, что советский гендерный уклад проявляя тенденции к смягчению, в целом продолжал ориентироваться на традиционные принципы организации собственной структуры. Тезис о глубинной эрозии и деформации, выдвинутый либеральными исследователями гендера, представляется нам поспешным. Факты, приводимые этими учеными в качестве аргументации, имели место, но, во-первых, их значение в масштабах всего советского общества следует характеризовать в понятиях девиации, а не нормы, что прямо указывает на ограниченные рамки их распространения; во-вторых, источником подобных фактов выступает не столько «порочный» советский строй, сколько культурная и историческая традиция; в-третьих, существовали иные обстоятельства, оставленные без внимания либеральными исследователями, но, тем не менее, играющие заметную роль для гендерного сегмента. Феминизация социальных институтов нивелировалась определенной культурно-идеологической милитаризацией, транслированием здорового, спортивного образа жизни, нормативов ГТО. Как представляется, ставка на физическую активность через

²⁷² Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 131-132.

спорт стала одной из главных предпосылок, что в первое постсоветское десятилетие получил распространение социальный тип «воинственного человека», ставший основой феномена силового предпринимательства. Как пишет исследовавший это явление В.В. Волков, Россия 1990-х гг. дала возможность изучения социального типа воинственного человека, который казалось бы, давно ушел с исторической сцены, уступив место человеку экономическому.²⁷³

Наконец, моностилистический характер советской социокультурной среды следует оценивать неоднозначно, особенно сейчас по прошествии времени. С одной стороны, социокультурные процессы контролировались и догматизировались, с другой стороны такая культура обеспечивала все же жесткие нормативные рамки, которые оказывали определенное дисциплинирующее воздействие на поведение, установки и потребности людей. Один из столпов гендерных отношений – институт брака поддерживался экономически государством, а также предполагал легитимацию общественным сознанием, осуждающим альтернативные формы, вроде гражданского брака²⁷⁴. Принадлежность к сексуальным меньшинствам жестко определялась как девиация и, кроме того, официально преследовалась.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в советском обществе имели место определенные предпосылки, которые впоследствии отразились гендерными деформациями. Мы намерены предложить следующий их перечень.

Цивилизационные предпосылки – индустриализация и сопровождающая ее урбанизация, которая ослабляет традиционные устои, расчищая путь для погружения населения в потребительство; технический прогресс обратно пропорциональный масштабам применения физических усилий, что так или иначе несколько снижало запрос на мужественность как социальный ресурс.

²⁷³ Волков В. В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012 – С. 121 (352 с.)

²⁷⁴Ковалева А.В. Гражданский брак как дестабилизатор института семьи // Власть и управление на Востоке России. 2009. №1 (46) – С. 144; Рачипа А.В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2016 № 9-10.

Социальные предпосылки. Советский проект, будучи социально ориентированным, действительно решал ряд жизненных вопросов — трудоустройство, получение образования, а также необходимых социальных благ (жилье, здравоохранение и т. д.). Однако освобождающаяся в результате энергия и время людей могли использоваться как в конструктивном (самообразование, карьера, воспитание детей), так и деструктивном (пьянство, социальный паразитизм) ключе.

Идеологические предпосылки, имеющие внутреннее и внешнее выражение. Советская идеология с течением времени все сильнее обнаруживала расхождение теории и практики, что отражалось не только тенденциями ценностного кризиса, но и большей лояльностью социального сознания к западным влияниям в рамках сетевых войн, через которые транслировались прокапиталистические установки стремления к материальному благополучию, что в ответ клеймилось советской пропагандой как вещизм и мещанство.

Культурные предпосылки, которые формировались главным образом посредством поступления подпольным путем из-за рубежа эротическо-порнографической продукции, затрагивающей непосредственно вопросы интима, гендера, и подспудно навязывающей установки сексуальной свободы, гомосексуализма как нормы и пр.

Закономерно, что именно в рыночных трансформациях либеральные критики советского гендера видели шанс утверждения некоей настоящей мужественности, которая не имела возможностей реализоваться в СССР. В качестве средств формирования новых мужественностей могут послужить профессионализм образ западного «ковбоя», «мужская профессия» защитника Родины, либеральные взгляды, честь, достоинство дворянина. При этом главная черта новой мужской идентичности — ее наступательный характер. На смену конфигурации жертвы — виктимизации советского мужчины в позднесоветском критическом дискурсе — приходит мужчина, претендующий на гегемонию, т.е. на монополию власти, не

приемлющего зависимости от государства в публичной сфере и утверждающего свою наступательную сексуальность.²⁷⁵

Подобный подход представляется нам своего рода идеальным типом маскулинности, который формируется в рамках либеральной логики. Однако социальная реальность оказалась сложнее. Для ее целостного осмысления необходимо принимать в расчет феномен постмодернизма, который провозглашается на Западе уже во второй половине 1970-х гг. (Ж-Ф Лиотар, Ж. Липовецки), заявив отказ от целостных мировоззренческих систем. Под такого рода системы попадали как мировые религии, так и классические идеологии, вроде советского коммунизма, которые объявлялись всего лишь ограниченными политическими дискурсами, своего рода, «языковыми играми», которые не могут претендовать на истину в последней инстанции. Истины нет, имеются лишь ее различные интерпретации, равновесные по значимости. Как пишут А.А. Остапенко, Т.А. Хагуров, общий урок постмодернизма миру заключается в проповеди «гедонистического сомнения». Сбросив «иго» «текстуальных традиций» культуры, а также всякого рода политических проектов, человек остается с фрейдовским «принципом удовольствия», как единственной настоящей и естественно-природной реальностью. Освобождение Желания от нормативных предписаний и запретов, абсолютизация удовольствия были поддержаны в лице экономики гиперпотребления, так как перенасыщенный рынок требовал сбыта. «Развлечения и комфорт – самая, пожалуй, доходная сфера в обществе, где «гедонистическое сомнение» становится культурным стержнем».²⁷⁶ Естественно, что крах советской идеологии, породивший ценностный идеологический вакуум, способствовал вбиранию отечественным социумом подобного рода установок, которые в обобщенном виде определяются через категорию политкорректности.

²⁷⁵ Здравомыслова Е. А. Темкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 450-451.

²⁷⁶ Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2012 – С. 49-50 (196)

Несколько под более социологизирующим углом рассматривает подобные процессы Л.Г. Ионин. Обращая внимание прежде всего на культурную динамику, Л.Г. Ионин предлагает категорию полистилистической культуры как антипода моностилистической советской культуры. Основные характеристики первой следующие. Во-первых, деиерархизация, предполагающая отсутствие сакрального доктринального ядра, через которое определяются описания и оценки любых социокультурных фактов и явлений; отсутствие группы «культурных экспертов», а по сути бюрократов – доктринеров. Во-вторых, детотализация, исключая какое-либо единство многообразных культурных феноменов. Формируются новые культурные инстанции (союзы, объединения, творческие коммерческие организации), на базе которых возникают «новые конstellляции культурных действий, совершенно не зависимые от культурной бюрократии». В-третьих, возникающие новые культурные формы обычно сопровождаются «отказом признавать какую-либо цель развития культуры, общества, цель жизни, человеческого существования вообще»²⁷⁷. Как отмечает Л.Г. Ионин, отечественная ситуация характеризуется переходом от моностилистической культуры к полистилистической. Феномены старой советской культуры живут, однако «лишены монополии на репрезентацию социокультурного целого и входят в нынешнюю реальность на правах одного из многих возможных стилей культуры», сосуществуя с множеством «новых или просто забытых традиций, жизненных форм, жизненных и культурных стилей».²⁷⁸

Л.Г. Ионин развивает предложенные столетие назад тезисы Георга Зиммеля о прогрессирующей стилевой дифференциации культуры. Как пишет российский ученый: «каждый индивидуальный стиль, а значит, и стиль как таковой обретает черты объективности, становится независимым от конкретных людей с их привычками, особенностями, убеждениями». Происходит разрыв стили жизни и жизненной определенности индивидуального существования или, иначе говоря,

²⁷⁷ Ионин Л.Г. Социология культуры М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – С. 245-247.

²⁷⁸ Там же. С. 247.

отрыв стиля жизни от его жизненного субстрата. Но подобное разнообразие все новых стилей инициирует новые мотивационные механизмы. Так на стадии развитого модерна было распространено желание непохожести на других, что удовлетворялось в том числе модой, а также могло реализовываться в контркультурных стилях хиппи (западное общество); стилиаги, «блатная среда» (советское общество). Новый тип желания заключается в том, «что я хочу быть не таким, каков я есть», что, по мысли Л.Г. Ионина, есть в некотором роде «высшая степень рефлексивного индивидуализма». Объективация жизненных стилей их отчужденность от жизненного субстрата и создает возможность желать желания в отрыве от индивидуальной жизненной определенности.²⁷⁹

Такого рода процессы выводят на первый план демонстрационный в первую очередь механизм идентификации, что Л.Г. Ионин предпочитает обозначать как «инсценировку». Мы постоянно инсценируем себя, и если другие люди реагируют так, как мы ожидаем, то есть отвечают нам именно теми действиями, которые мы и хотим побудить своей инсценировкой, наша идентификация подтверждается и укрепляется. Современное социокультурное пространство предоставляет возможность для проявления самых различных индивидуализаций-инсценировок. Моделью подобной реальности выступает интернет, который максимально демократичен и одновременно – индивидуалистичен.

В преддверии социологического анализа постсоветских гендерных отношений целесообразно обратить внимание на фактор советского периода, особенно ошутимого в первые «рыночные» десятилетия. Здесь в работах ряда социологов отмечается устойчивость «патриархальной гендерной модели», что реализовывалось как на уровне дискурса, так и на уровне практик.²⁸⁰ Нижегородский социолог Е.С. Балабанова, исследуя гендерные аспекты преодоления жизненных трудностей, отмечает со стороны мужской половины более конструктивное и инструментальное отношение к жизни. Так, данные

²⁷⁹ Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2012. — С. 52, 53-54.

²⁸⁰ Тартаковская И.Н. «Ну, вот, мораль поменялась ...»: медийный гендерный дискурс // Социс, 2003 -№2 – С. 95. (С. 87-97).

опроса, охватившего 4 тысячи домохозяйств в 4 городах России в 1998 г., показало, что мужчины подрабатывают почти вдвое чаще, чем женщины (21 и 13% соответственно), данные другого опроса, проведенного на депрессивных предприятиях, где актуальность приработков намного выше, продемонстрировало близкое соотношение – 55 % и 34%. Представители «сильного пола» значительно чаще выражали готовность «браться за любую работу» (53% мужчин и 40% женщин), при этом демонстрируя более реалистичную и конструктивную трактовку ситуации, подчеркивая целесообразность активного налаживания связи с нужными людьми (43% против 29% женщин). У мужчин-респондентов доля в общем семейном бюджете составляет в среднем 61%, тогда как женщин - 44%.²⁸¹

Как полагает Е.С. Балабанова, «более конструктивное и ответственное поведение мужчин в трудной ситуации обусловлено влиянием советской гендерной системы, где общественное положение мужчины определялось работой, а позиция в частной сфере - ролью основного кормильца семьи».²⁸² Что касается представительниц слабой половины, то данные Е.С. Балабановой показывают их доминирующие ориентиры на ценности, которые связаны с "личностными" сторонами жизни (квартира, подруги, интересная работа), а также семейными ролями, в то время как большинство довольно равнодушно к карьерным стремлениям. Для женщин более значимыми выступают такие моменты, как близость работы от дома, приятная атмосфера в коллективе, удобный график работы. В отличие от мужчин, стремящихся решить жизненные трудности поиском более доходной работы, женщины стремятся выкрутиться из подобных трудностей, используя альтернативные источники – экономию ресурсов, расширением сети обмена между родственниками, а то и обращением за государственной помощью.

К близким выводам приходит Н.В. Гончарова. Приведенные в ее работе данные опроса показывают, что у девушек-респонденток распространены довольно четкие образы успешного мужчины и успешной женщины. Если первый

²⁸¹ Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002, №11 – С. 29, 30 (с. 26-36).

²⁸² Там же. С. 30.

ассоциируется с успешной карьерой, то вторая – с достижениями в личной жизни, а также в семье. Работа же если упоминалась, то в контексте с первыми двумя позициями.²⁸³

Как пишет Е.С. Балабанова, вторичность положения женщин обусловлена не дискриминационными патриархатными стереотипами, но их субъективным согласием с подчиненностью своей экономической деятельности, исторически сложившейся нормативной зависимостью, а также инерционным воздействием еще советской идеи о государственной ответственности за материальное обеспечение, охрану здоровья и образование детей. Тип «государственной матери», согласно которому материнство есть обязанность перед государством не стал достоянием истории. Подобное обстоятельство трактуется ученым с позиции теории структуризации Э. Гидденса – социализированные в культуре патриархата, сами же и создают основания для своей дискриминации! Это объясняет медленный рост женской общественно-политической активности, малую популярность курсов гендерной социологии в вузах.²⁸⁴ Общий вывод социолога из Нижнего Новгорода – женщины придерживаются скорее тактики приспособления к трудной ситуации, чем преодоления ее. Мужчины же настроены более конструктивно и решительно на то, чтобы справиться с жизненными трудностями. Все же имеются случаи, когда подобные ориентиры превращаются для женщин в преимущества, выводя их на лидирующие роли в семье. Если мужчина терпит неудачи, то «чувствуя свою несостоятельность и как профессионалов, и как кормильцев семьи, они опускаются на социальное дно. Женские же стратегии, ориентированные на выживание, снижают риск асоциальных проявлений бедности, хотя и консервируют ситуацию экономической депривации»²⁸⁵.

Как видим, в целом данная картина далеко не во всем согласуется с либеральными оценками. Исследования Е.С. Балабановой, Н.А. Гончаровой

²⁸³ Гончарова Н. В. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования – 2003. – № 1. – с. 85. (С. 83-90)

²⁸⁴ Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002, №11 – С. 34.

²⁸⁵ Там же. С. 34.

заставляют предположить, что в рамках советской гендерной системы мужчина в целом оставался кормильцем семьи, а женщине отводилась роль подчинения, что вполне проявлялось в их поведенческих установках 90-х годов. А это куда более соответствует традиционному гендерному раскладу, чем свидетельствует о женском доминировании ввиду кризиса советской маскулинности, что предполагают либеральные исследователи.

Между тем социальная динамика так или иначе отражается на гендерных раскладах, в чем следует видеть как объективную, так и идеологическую обусловленность. Проявление женщинами активности в плане достижительских стремлений отражено в методологии новосибирского социолога С.А. Ильиных, которая предлагает развернутую типологию фемининности. Полярные категории здесь отражают нормативная фемининность и инверсионная фемининность. Первая предполагает ориентации на традиционные женские ценности, закрепившиеся в общественном сознании – ценности семьи и материнства. Модели поведения носительниц такой фемининности выстраиваются в соответствии с названными ценностями, что отражается и на чертах характера – здесь доминирует заботливость, доброта, конформизм. Обладательницы нормативной фемининности чаще всего не стремятся к лидерству в профессиональной сфере. Женщины со вторым типом фемининности представляют собой полную противоположность первому типу и обладают чрезмерной маскулинизацией. Здесь фактически происходит переворачивание стереотипов, касающихся «женщин» и «женского». Как пишет С.А. Ильиных, «инверсионная фемининность – это жизнь, в соответствии с хабитусом независимости, целеустремленности, неконформности, уверенности в себе, деловитости, трудоголизма, профессионализма, гордости, амбициозности, агрессивности, соревновательности, в том числе с мужчинами и детьми»²⁸⁶.

²⁸⁶ Ильиных С.А. Типология фемининности с позиции гендерной социологии: аспекты власти и потребления // Вестник НГУЭУ, 2013, № 2 - С. 46, 47. (45-57)

Следует признать, большая гендерная гибкость в постсоветское время действительно расширила социальные возможности для наиболее амбициозных и энергичных представительниц «слабого пола». Игорь Семенович Кон приводит данные в сфере академической науки – уже в 2000 г. женщин докторов наук насчитывалось 20%, член-корреспондентов РАН 15%, академиков – 1,3%. По всем академическим институтам среди заведующих научными лабораториями насчитывалось 20% женщин.²⁸⁷

Тем не менее амбиции более пассионарных представительниц женской половины сталкиваются с не всегда благосклонным отношением окружающих. Зачастую ситуация с женщиной-руководителем воспринимается как противоестественная. Поэтому женщина, по выражению Н.В. Гончаровой, занимает как бы «выжидательную позицию», понимая, что для реализации собственных притязаний от нее потребуются намного больше усилий, чем от мужчины.²⁸⁸ Кроме того, И.О. Тюрина, констатируя постоянное, хотя бы латентное присутствие «стеклянного потолка», пишет еще и о субъективном факторе – имеющихся у многих женщин психологических «внутренних барьерах», суть которых обычно сводится к тому, что представительницы прекрасного пола боятся преуспеть в бизнесе или политике, так как предчувствуют негативную оценку со стороны мужчин. Отсюда чувство неуверенности в себе, низкая самооценка и т. д. и т. п.²⁸⁹ Очевидно, что определенная устойчивость представлений о не совсем привычном образе деловой женщины или женщины-босса, говорит о культурной инерции советских времен, когда в целом распределение социальных позиций скорее демонстрировало устойчивость традиционных канонов, нежели испытывало деформационные тенденции.

В то же время данные социологических исследований 1990-2000-х гг. как в России, так и за рубежом показывают все возрастающую активность женщин в

²⁸⁷ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 132.

²⁸⁸ Гончарова Н. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования – 2003. – № 1. – с. 86.

²⁸⁹ Тюрина И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования, 2002, №11, с.138, 140.

деловой и профессиональной сфере. Так в основательном, проводимом поэтапно социологическом исследовании О.А. Хасбулатовой и Л.С. Егоровой констатируется, что в 2000-х годах значительно большее число женщин стало ориентироваться на стратегии развития, причем в сопоставлении с 90-ми выросло более чем в два раза стремление представительниц слабого пола к профессиональному совершенствованию²⁹⁰.

Сразу несколько экспертов в гендерной проблематике отмечают у женщин больше гибкости, склонности к разнообразию стилей управления.²⁹¹ Как отмечает Н.В. Гончарова, женщина, "вторгаясь" в традиционно "мужское" пространство, реализует различные поведенческие стратегии, принимая мужские правила или вырабатывая собственные. Причем в ходе опросов-интервью респондентки, при сохранении традиционного стереотипа «Мужчина должен зарабатывать больше», также высказывали установки на достижение самостоятельности и независимости от мужа: «Никто ни у кого не должен сидеть на шее». «Я в жизни больше рассчитываю на себя, чем на мужа».²⁹² По всей видимости с одной стороны в этом можно признать влияние архетипа, ассоциирующего мужчину с большей силой (в условиях современности это предполагает отчетливый монетаристский налет). С другой стороны, социальная динамика зачастую ввергает многие семьи в такие условия, когда женщина так или иначе, но вынуждена брать на себя роль дополнительного источника заработка. Н.В. Гончарова констатирует продемонстрированную молодыми женщинами - респондентками новую дополнительную стратегию поведения в области гендерных отношений. «Независимо от ориентации на карьеру или на семью, они требовательны не только к себе, но и к своему партнеру. В случае, если последний их не удовлетворяет в плане заработка, они готовы от него отказаться «Я так и одна проживу, зачем еще

²⁹⁰ Хасбулатова О.А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие мужчин и женщин в средних городах России // Социс, 2002, №11 – с. 51, 52. (С. 48-54).

²⁹¹ Штейнберг А.Г. Мужской характер женского менеджмента // Социс, 2002, №11, С. 77-81

²⁹² Гончарова Н.В. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования – 2003. – № 1. – с 88-89.

обузу себе вешать?"²⁹³ Это можно расценивать как неявное указание на то, что случаи «сидящих на шее» мужчин в современной России имеют место, а что целесообразно рассматривать как предпосылку для расширения феномена одиноких и самодостаточных женщин.

Интересен взгляд экспертов относительно складывающихся в постсоветское время гендерных контрактов. Е.Ю. Мещеркина склонна отмечать противоречивость гендерного контракта как некоего культурного договора между полами в российском социуме. Складывающийся гендерный контракт «закрепляет мужскую роль кормильца, но женская роль размыта и проблематизирована за счет отвоеванных не только идеологически, дискурсивно, но и на жизненной практике, свобод».²⁹⁴ Конкретизация данного тезиса прослеживается в теоретических выкладках А.А. Темкиной и Анны Роткирх, которые прослеживают динамику гендерных контрактов, сложившихся в советское время уже в контексте рыночной трансформации.

Ими предлагается следующая картина. По их мнению, доминирующим постсоветским контрактом остается работающая мать, которая стремится обеспечить семью. Причем в некоторых случаях наполняется подобный образ женщиной-профессионалом, а то и женщиной-руководителем. В других же случаях могут сохраняться и более пассивные стратегии приспособления к новым условиям. Так при наличии работающего мужа неработающая жена становится домохозяйкой. Наконец, получает распространение вариант спонсорского контракта, «в котором артикулируются идеалы теневого и альтернативного контрактов. Женщина находится на содержании мужчины («спонсируется»), исполняет только сексуальную роль, имеет сексуальный образ и ориентируется на ценности потребления. Этот образ во многом является противоположностью

²⁹³ Там же. С. 89.

²⁹⁴ Мещеркина Е.Ю. Концептуализация маскулинности // Социс, 2002, №11. С- 19 (15-25).

советскому идеалу: для женской идентичности здесь не значимы ни работа, ни материнство». ²⁹⁵

Как представляется А.А. Темкина и А. Роткирх во многом верно выявляют происходящие изменения в гендерных отношениях, хотя наверняка они этим не исчерпываются. Представляется целесообразным несколько связать гендерные отношения со стратификационными процессами, на что совершенно справедливо указывает И.С. Кон.²⁹⁶ Фактор расслоения, в постсоветское время рассматриваемый в терминах социальной поляризации, игнорировать вряд ли оправдано.

Если обратиться к нижестоящим стратам, то здесь наблюдаются те тенденции, констатируемые либеральными исследователями гендера в рамках их рассуждений о кризисе советской маскулинности. Безусловно, что резкое ослабление государственного патернализма, касающегося прежде всего поддержки материнства, вынудило женщин перейти к более интенсивному использованию собственных сетевых ресурсов (родственников, друзей) для обслуживания домохозяйства и, нередко, банального выживания. Особенно это касается отечественного аграрного социума, социально-экономическое состояние которого едва ли не самое тяжелое.²⁹⁷ «Контракт работающей матери остается контрактом, заключенным внутри расширенной семьи и социальных сетей. Мужчина в таких контрактах часто маргинализируется».²⁹⁸ Подобное видение, предложенное А.А. Темкиной и А. Роткирх, во многом отражает гендерную ситуацию, сложившуюся в отечественном селе.

В рамках исследования С.С. Ярошенко сельских жителей с низким уровнем дохода выводится центральная тенденция, которая заключается в том, что при сохранении патриархатных представлений, касающихся функциональной

²⁹⁵ Темкина А. Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования 2002, №11, с. 12 (с. 4-15).

²⁹⁶ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 159.

²⁹⁷ Устойчивое развитие сельских территорий Ч.1 Стабильная социально-экономическая структура села как

предпосылка устойчивого развития сельских территорий. Москва-Краснодар, 2019 – 208 с.

²⁹⁸ Темкина А. Роткирх А. Советские гендерные контракты ... с. 10.

структуры семьи, наблюдается гендерная диспропорция: растет число неполных семей и семей, возглавляемых женщинами.²⁹⁹ Исследовательница склонна объяснять данные диспропорции гипертрофированностью советской модели разделения труда по половым признакам – «советская модель взаимной ответственности за содержание семьи и женской ответственности за содержание домашнего хозяйства трансформировалась таким образом, что ответственность женщины распространилась и на содержание семьи».³⁰⁰ Одновременно значительная часть селян мужского пола, столкнувшись с жесткими социальными трудностями, сочли их безысходными, погрузившись в пьянство. Констатируемая ненадежность «сильного пола», вынуждает женщин надеяться только на себя, проявляя весьма гибкие жизненные тактики, которые в целом сводятся к тому, чтобы максимально возможно мобилизовать все имеющиеся ресурсы для выживания и ведения хозяйства. В то же время если старшее поколение селян считает наличие «пьющего мужчины» наименьшим злом по сравнению с одинокой жизнью, то молодое поколение придерживается противоположных установок, предпочитая одинокую жизнь совместному проживанию с экономически несостоятельным, ненадежным мужчиной.³⁰¹ Интересно, что опрошенные сельские жители-мужчины заявляли, что «нормальный мужик» это не естественная, а конструируемая женщинами категория, поскольку «Где ты найдешь нормального мужика?»³⁰² Подобная ситуация отражается на социокультурных представлениях. Несмотря на то, что село считается хранителем традиционных устоев, многие установки явно либерализируются. Селяне в принципе все меньше осуждают добрачные и внебрачные связи, терпимо относятся к разводам и т.п.

²⁹⁹ Ярошенко С. С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни / В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002 – С. 180.

³⁰⁰ Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни / В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002 – С. 173.

³⁰¹ Там же С. 181, 189.

³⁰² Там же. С. 191.

В качестве промежуточного вывода хотелось бы отметить следующее. При том что возможности для социальной самореализации наиболее энергичных пассионарных представительниц «прекрасного пола» выросли, можно предположить, что большинство женщин берут на себя функциональную роль мужчины скорее вынуждено, нежели в силу достижительских амбиций. Как показывают данные исследований, женские ориентиры обычно не выходят за рамки типичных традиционных, свойственных именно женщине ориентиров – в первую очередь любимая, а не денежная работа, личная жизнь, приятный коллектив и т.п.

Что касается преуспевающих (средних, верхних) слоев, то по мысли Е.Ю. Мещеркиной, в рамках и этого социального сегмента проявляется неуверенность современных мужчин из-за проблематизации роли добытчика-кормильца, что во многом подпитывается возросшими гендерными ожиданиями со стороны женщины.³⁰³ Но в целом здесь констатируется распространение западной модели гегемонной маскулинности, основанной на установках независимого собственника, где женщинам отводится подчиненные места. Неслучайно сфера бизнеса получила своего рода ярлык «мужской экономики»³⁰⁴.

В исследованиях Ж.В. Черновой, С.А. Ушакина делается небезуспешная, на наш взгляд, попытка выявить социокультурные аспекты маскулинности средних и верхних слоев, дав им своеобразное философское обоснование. Интересный подход предлагает С.А. Ушакин в статье с характерным названием «Видимость мужественности». Он проводит ряд аналогий между процессами в области гендера, маскулинности западного и российского общества, выявляя здесь много общего.

Он пишет об определенной цивилизационной обработке, которой подверглись архетипические черты, ассоциируемые с образом «настоящего мужчины». В итоге, пишет он, «мужская» независимость стала пониматься как

³⁰³ Мещеркина Е. Концептуализация маскулинности // Социс, 2002, №11. С- 20.

³⁰⁴ Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь»./ О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 245-267

независимость профессионала, эксперта, а мужская «агрессивность» оказалась «сублимированной» посредством героизации потребительства»³⁰⁵.

С другой стороны, отечественный социум испытывает похожие с Западом проблемы с дефицитом воинственности. Ушел в историю культ героев Гражданской, Великой Отечественной и афганской войн, снизилась, если вообще не была утрачена актуальность идеи жертвенности во имя социальных идеалов. С другой стороны, «рутинность капиталистической трансформации» весьма сложно представить в символически привлекательных формах. Это и вызвало, по мнению С.А. Ушакина, актуализацию концепции профессионализма во второй половине 1990-х гг.³⁰⁶ Однако она оказалась не в силах полностью решить проблему новой мужественности, сопоставимой по значимости со старыми моделями. Дело в том, что концепция профессионализма «достаточно бедна как образ», и это неизбежно ведет к поискам феномена, способного на заполнение символических пустот идентичности, приобретенной на вырост. Таким феноменом стала «идея агрессивного и в то же время профессионального потребительства». Схожая проблематика и ее решение были присущи западным странам уже с середины прошлого XX в., когда стал нарастать шквал рекламных компаний, стремящихся увлечь «нового мужчину» в пучину нарциссического и «гедонистического потребительства».³⁰⁷

Ж.В. Чернова анализирует сложившийся постсоветский «корпоративный стандарт» маскулинности, отмечая, что данный стандарт формируется именно вокруг сферы потребления. При этом стандартная предметная атрибутика символически выражает упомянутый в статье С.А. Ушакина феномен «милитаризации обыденности». К мужским «доспехам» причислены портсигар, мобильный телефон, авторучка, зонт и прочие аксессуары. «Объединение этих вещей в единый «корпоративный стандарт» призвано создать фантом гегемонной

³⁰⁵ Ушакин С. Видимость мужественности. / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 486. (с. 479-503)

³⁰⁶ Там же. С. 496-497.

³⁰⁷ Там же. С. 500.

маскулинности, однозначно интерпретируемый как олицетворение социального престижа, успеха, могущества, власти, гендерной нормы».³⁰⁸ Главной и обязательной чертой предметов, из которых складывается идентификационная система нормативной маскулинности, – это «престижная марка и высокая цена». Бренд каждого элемента подобной идентификационной системы «выполняет две функции: «утилитарную, означая качество («надежность») и идентификационную, определяя статус владельца»³⁰⁹.

С.А. Ушакин тонко подмечает, что вместо обсуждения «сущности» мужественности, дискуссии ведутся о характере мужских «доспехов», а трактаты по воспитанию чувств — справочниками по основам этикета, в том числе и полового. На основании этого им делается вывод о доминировании формы над содержанием. Ввиду отсутствия содержательных элементов, или их фантомного характера «форма начинает выполнять не столько репрезентативную, представительскую, отображающую, сколько конституирующую функцию».³¹⁰ Рассуждения С.А. Ушакина хорошо дополняются материалами из сети, в которых отмечается что современные молодые мужчины в ходе занятий спортом предпочитают фитнес вместо единоборств. Ведь первый как раз ориентирован на внешнюю форму, создание именно впечатления силы, которая в реальности может оказаться мишурой, в то время как поклонники второго – внешне обычно ничем не выделяются.³¹¹

Анализ С.А. Ушакина, Ж. В. Черновой затрагивает вполне респектабельный сегмент российского общества, который стал претендовать на ведущие общественные позиции в первое постсоветское десятилетие. В то же время за кадром рассмотрения остался феномен криминализации, весьма характерный для

³⁰⁸ Чернова Ж. В. «Корпоративный стандарт» современной мужественности // Социс, 2003, №2 - С. 100. (с. 97-103)

³⁰⁹ Там же. С. 98-99.

³¹⁰ Ушакин С. Видимость мужественности. / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 483-484.

³¹¹ «Почему выбирают качалочку, а не ударочку?» URL: https://zen.yandex.ru/media/karate_do_i_posle/pochemu-mnogie-parni-hotiat-nakachat-myshcy-a-ne-zanimatsia-edinoborstvami-5e62930db07e74752b7938bc?&utm_campaign=dbr

того времени – по официальным данным уголовная преступность в России возростала на порядок и больше в течении первых постперестроечных 10-15 лет.³¹² Это дало толчок распространению феномена «силового предпринимательства», основательно рассмотренного в исследовании В.В. Волкова и имеющего в том числе и социокультурные последствия. Российский бандит 90-х стал в анонимизированном российском обществе «любимым героем городского фольклора, популярных романов и телесериалов».³¹³ Однако данное обстоятельство рассматривается либеральной социологией как «агрессивная маскулинность» и не может приниматься ею иначе как «в штыки», поскольку «распространение подобных нравов и ценностей угрожает самим устоям цивилизованного бытия и правового общества».³¹⁴ Между тем подобная оценка все же видится нам несколько односторонней. При безусловных социальных издержках силовое предпринимательство несомненно в значительной степени повышало градус напряжения в обществе, не только популяризируя наиболее жесткие формы маскулинности, но и стимулируя реальный запрос на ресурс мужественности, в котором западное общество, напротив, нуждалось все меньше. Закономерно, что подпитывающим западную русофобию в 1990-2000 годы фактором выступал образ «русской мафии».

На массовом уровне иницирующие ценностный релятивизм и «гедонистическое сомнение» постмодерн и полистилистическая культура с одной стороны однозначно усиливают потребительские ориентиры, особенно заметные в городской среде; с другой стороны, разрушительно действуют на внутреннюю нравственную дисциплину, понижая планку индивидуальной саморефлексии и требований к себе. Стилевая дифференциация отечественного социума проявляется в множественности образов, транслируемых теми же СМИ. Так, традиционный канон гегемонной маскулинности активно рекрутируется

³¹² Россия в 90-е: скачок преступности вдвое. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20096985>

³¹³ Волков В. В. силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012 – С. 158 (352 с.)

³¹⁴ Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm>, дата обращения: 12. 12. 2023.

политиками, а также некоторыми «мужскими» изданиями, типа журналов «Андрей», «Махаон». В сфере популярной музыки И.С. Кон отмечает наличие трех ключевых образов, следующих по популярности друг за другом – более или менее андрогинный тип (Шура, «На-на», «Иванушки», А. Губин и др.); сентиментальные молодые сердцееды (Ф. Киркоров, Л. Агутин, В. Меладзе); мачо («Любэ»). Несколько на периферии располагаются весьма дифференцированные рок-исполнители.³¹⁵ Здесь уместно дополнить, что специфический культурный стиль нередко имеет собственное художественное, в том числе и музыкальное выражение, как, например, казачья тематика (певица Пелагея), субкультура средневековой реконструкции (группа «Канцлер Ги»).

Несмотря на сырьевую экономическую ориентацию, российское общество продолжает весьма успешно осваивать культуру потребления. Компьютеризация сопровождается массовым доступом к компьютерным играм и другим развлекательным интернет-сайтам. Статистические данные показывают усиливающуюся с каждым годом степень погруженности в компьютерные игры и распространение феномена геймерства.³¹⁶ Уже имеется среднестатистический портрет российского геймера. Это мужчина с высшим образованием и средним доходом, женатый и с детьми. Он играет уже более пяти лет, и его основной мотив – снять эмоциональное напряжение. Играм уделяется до 50 часов в неделю, как правило, это вечернее или ночное время. В то же время у молодых людей в возрасте от 14 до 24 лет на игры уходит времени значительно больше. При этом шестая часть признает негативные последствия увлечения – проблемы со сном и ухудшение общего состояния здоровья. У четвертой части возникали конфликты с близкими людьми на почве игр, как правило, из-за того, что игры препятствуют другим времяпрепровождениям.³¹⁷

³¹⁵ Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm>, дата обращения: 12. 12. 2023.

³¹⁶ Компьютерные и видеоигры (российский рынок) URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>

³¹⁷ Исследование – среднестатистический геймер в России URL: <https://dtf.ru/life/1843290-issledovanie-srednestatisticheskii-geimer-v-rossii-eto-muzhchina-s-vysshim-obrazovaniem-srednim-dohodom-pk-i-smartfonom>

Социальная динамика гендера объективно носит нисходящий характер. Согласно приводимым И.С. Коном эмпирическим данным, каждый пятый ребенок в советской семье воспитывался без отца или хотя бы отчима.³¹⁸ Однако по показателям за 2020 год уже примерно каждый третий несовершеннолетний ребенок в России воспитывается в неполной семье. При этом ситуация продолжает усугубляться – в совокупности количество неполных семей с детьми до 18 лет выросло в 1,2 раза – с 32,7% от всего числа семей с детьми до 18 лет в 2010 году до 38,5% в 2020 году.³¹⁹

Одним из столпов гендерных отношений, как известно, выступает институт брака. Норма гендерных отношений – то, что ведет к социальному воспроизводству, а для этого требуется устойчивая семья. Применительно к постсоветской России необходимо признать тенденции размывания его социокультурных оснований. Прежде всего речь идет о «нормализации» института гражданского брака, который в советский период имел отчетливый девиантный смысл. Уже всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала, что в гражданском браке проживает около четырех миллионов людей, а незарегистрированным является каждый десятый союз мужчины и женщины.³²⁰ При этом по данным этой же переписи вне законного брака с 1989 по 2002 гг. было рождено 30% от общего числа детей, около половины из которых были зарегистрированы по совместному заявлению родителей. С 2002 по 2010 гг. количество гражданских браков выросло почти на миллион – и на миллион же сократилось число зарегистрированных супружеских пар. Причем незарегистрированные союзы больше присущи представителям молодежи. Как пишут ростовские авторы А.В. Рачипа, С. И. Самыгин, А.В. Верещагина, для молодых людей регистрация брака утрачивает значение стартовой позиции. Уже в 2004 г. половина россиян в возрасте до 25 лет состояла в неформальных союзах.

³¹⁸ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 135.

³¹⁹ Смирнов В.М. Селиванова О.М. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. – 2023. – Том 10. – № 5. – С. 698 (695–714).

³²⁰ Ковалева А.В. Гражданский брак как дестабилизатор института семьи // Власть и управление на Востоке России. 2009. №1 (46) – С. 144

Распространение неформальных союзов в поколении родившихся после 1960 г. приобрело взрывной характер»³²¹

Данное явление вызывает неоднозначное отношение. Нейтральные оценки (А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, А.В. Верещагина) перемежаются видением здесь деструктивных последствий (А.В. Ковалева). Безусловно, что гражданский брак вызван комплексом объективных и субъективных причин, среди которых имеются прагматические (необходимо проверить отношения, чтобы избежать развода), экономические (ограниченные финансовые возможности) и культурно-психологические (больше свободы) соображения.³²² Несомненно, что данный феномен вписывается в логику «текущего общества» (З. Бауман), «общества мобильностей» (Дж. Урри), «общества риска» (У. Бек), в рамках которых ослабевают устойчивые структуры и растет значение индивидуальных выборов. Все же для нашей темы исследования стоит принимать в расчет, что сообщества, где сохраняется традиционная семья, оказываются в значительном выигрыше по отношению к социумам, где происходит либерализация семейных институтов и разнообразятся альтернативные варианты – гражданский брак, однополый брак и т.п. Это иллюстрируется хотя бы характером отношений в европейских странах коренного населения с мигрантами.

Ключевой аргумент авторов, осуждающих гражданский брак – с распространением гражданских браков общество теряет способность к воспроизводству населения с каждым последующим поколением. Ведь сам по себе гражданский брак характеризуется более низкой ответственностью партнеров, четко не определяя ни супружеские, ни родительские права и обязанности. Это ставит родившихся вне брака детей в весьма неустойчивое и неопределенное положение, что сказывается на желании партнеров, живущих в гражданском браке,

³²¹ Рачипа А.В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2016, №8-9 с. 4

³²² Там же. с. 4

обзаводиться собственными детьми.³²³ Как отмечает А.В. Ковалева, ежегодные показатели депрессии среди сожителей пар более чем в 3 раза выше, чем среди женатых. прочные партнерства благоприятно влияют на психику: у людей, которые вступают в брак, больше продолжительность жизни, меньше смертность.³²⁴

Подытоживая, мы намерены предложить следующие заключения.

Динамика гендера в российском обществе с одной стороны отражает общецивилизационный смысл, с другой – имеет собственные особенности, обусловленные ментальными, историческими и политическими факторами. Очевидно прослеживается размягчение гендерных структур, что сопровождается большей гибкостью нормативов маскулинной идеологии (гегемонной маскулинности). Вместе с тем советский гендерный уклад в целом сохранял традиционные принципы формирования базовых основ, несмотря на распространенность некоторых девиантных феноменов, вроде алкоголизма. В определенной степени это доказывается реальностью 90-х годов, когда основная часть мужского и женского населения (согласно вторичным данным социологических исследований) демонстрировала именно типично мужские и женские установки и поведенческие практики.

Специфика отечественной постсоветской социальной динамики, имеющей в том числе гендерное отражение, во многом обусловлена фактором социально-экономической поляризации, в связи с которым обозначился мужской сегмент склонный к маргинализации собственных поведенческих стратегий, а также другой, более социально активный сегмент, зачастую придерживающийся в 90-е годы криминальных практик. Женщины в своем поведении по большей части адаптируются к меняющейся ситуации, а те нередкие случаи выполнения женщинами мужских функций носят обычно вынужденный характер. При всем при этом расширяются возможности профессиональной самореализации наиболее

³²³ Ковалева А.В. Гражданский брак как дестабилизатор института семьи // Власть и управление на Востоке России. 2009. №1 (46) – С. 147, 148.

³²⁴ Там же. С. 147.

пассионарных и активных представительниц «слабого пола». Между тем российский социум полностью не обошли процессы, работающие на деформацию гендерного уклада. Речь идет о кризисе института брака, расширяющихся феноменах неполных семей и самодостаточных женщин. Одним из основных источников подобных тенденций нам видится в диффузных трендах западной цивилизации. Начиная с перестройки, в отечественной среде происходит размывание жестких стандартов советской культуры, усиление многообразия социокультурных стилей (полистилистическая культура), некоторые из которых оспаривают и стремятся делегитимизировать гендерный уклад, отражением которого является гегемонная маскулинность. Вместе с тем отечественный социум в отличие от западного более-менее подвержен тенденциям гендерной деформации, что объясняется в первую очередь противодействием традиционных культурных ценностей, во-вторую – политическими барьерами, которые мешают России полностью оказаться в сфере проекта политкорректности, претендующего на глобальность.

2.2. Анализ дискурсивного поля российского феминизма: ключевые идеологемы

В предыдущем параграфе рассматривались объективные сдвиги в гендерных структурах, которые связывались с общим контекстом социальной динамики. На данном этапе настало время перейти к отечественным вариантам феминизма, который, с одной стороны, располагает некоторыми базовыми опорами в отечественной социальной реальности, а с другой – имел некоторые идеологические предпосылки с советских времен, когда декларировалось абстрактное равенство мужчин и женщин.

В отечественном социуме феминизм имел собственные особенности, исторически и политически обусловленные. Некоторое запаздывание российского феминизма по всей видимости связано с более поздними сроками промышленного развития. Отчетливые проявления феминизма как идеологии отмечаются с середины XIX в. в контексте подъема общественного движения и реформ Александра Второго³²⁵. Идеи равноправия женщин и мужчин прослеживаются в романе Г. Чернышевского «Что делать?». Тем не менее первая значимая акция женского движения произошла только в 1908 г. – Всероссийский женский съезд, в котором приняли участие более тысячи человек.³²⁶

В советскую эпоху отечественный феминизм переживал периоды подъема и отката. Так, в первое послереволюционное десятилетие отмечается наивысший подъем эмансипации женщины как политической идеи, что воплощалось прежде всего в деятельности Александры Коллонтай. С целью обеспечения экономической независимости женщины на законодательном уровне гарантировалась равная оплата мужчины и женщины за равный труд, реализовывались меры социального обеспечения. Но в 30-е годы ознаменованные определенной реанимацией

³²⁵ Юкина И. Русский феминизм как вызов современности СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

³²⁶ Пушкарева И.Л. Феминизм в России / Энциклопедия Кругосвет. URL: https://web.archive.org/web/20141222063200/http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/FEMINIZM_V_R_OSSII.html?page=0,2

традиционных ценностей, политике женской эмансипации были поставлены некоторые рамки. Государство вернуло себе роль верховного регулятора в области гендерных отношений, восстановив нормы традиционной гендерной идеологии и сексуального поведения. Тем не менее некоторые тенденции либерализации сохранились (институт женсоветов). В последние десятилетия СССР развитие феминистской идеологии было тесно связано с диссидентским движением. В конце 1970-х гг. в самиздате вышел альманах «Женщина и Россия», а также выпускался журнал «Мария».³²⁷ Названные издания, соответствовали парадигме диссидентской направленности, главным образом, содержали обсуждения проблем, связанными с гендерными отношениями, но замалчиваемыми в советском обществе.

Перестроечное и постперестроечное время ознаменовались культурной и политической либерализацией, что отразилось на потенциале женских движений. По итогам выборов 1993 года в Государственной Думе была сформирована фракция «Женщины России». Первые 10-15 постсоветских лет в идейно дифференцированном отечественном политическом истеблишменте было несколько известных фигур женщин-политиков: С. Умалатова, Н. Андреева (левый спектр), И. Хакамада (либеральный спектр), Н. Нарочницкая (консервативный сектор). А вот в современной России женские представители встречаются в основном только из Администрации Президента (М. Захарова, В. Матвиенко). С утверждением у власти второго Президента РФ в официальном дискурсе вновь стали доминировать традиционные гендерные ценности, а в целом политика российских властей скорее препятствует, чем способствует распространению в России популярных на Западе политкорректных трендов, связанных с культурой «меньшинств», к которым относятся сторонники феминизма. Тем самым ситуация скорее способствует конфронтации, чем альянсу феминизма с официальной властью.

³²⁷ Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986). Случай Ленинграда // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научных статей. СПб.: ЦНСИ, 1996.

Закономерно, что представители наиболее распространенного в России интерсекционального феминизма оппозиционны нынешней официальной власти. С февраля 2022 года и началом СВО его представители организовали движение Феминистское антивоенное сопротивление, протестующее против военных действий с Украиной, что повлекло ответ со стороны верховных властей – весной 2023 г. был разработан законопроект о признании феминизма экстремистской идеологией.

Исследование дискурса феминизма расширит представление о его сущностных свойствах в российском варианте. Следует напомнить, что категория дискурса и дискурсивного поля в трактовке В. Ильина (параграф 1.1.) предполагает постоянное конструирование мировоззренческих установок в ходе взаимодействия с социальными практиками.³²⁸ В данной части работы мы намерены заняться основательным анализом интеллектуальной стороны дискурсивного поля феминизма, а затем, в следующем параграфе предпримем попытку выявления характеристик социальной составляющей данного поля.

Итак, чтобы выяснить и оценить ключевые идеологемы российского феминистского дискурса, мы намерены сделать акцент на исследование блогосферы, при этом привлекая метод дискурс-анализа, предложенный в работах М. Фуко.³²⁹ Блогосфера представляет ту часть виртуальной реальности, в которой создаются и функционируют блоги, “сообщество блогов”.³³⁰ Блогосфера представляет собой мощный медиаресурс. Естественно, трансляция положений идеологии феминизма может выступать через различные формы информационного воздействия – печатные средства, сеть Интернет, художественные произведения и пр. Наше основное внимание именно к блогосфере диктуется следующими причинами.

³²⁸ Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008 – С. 62, 64.

³²⁹ Фуко М.. Порядок дискурса / Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996.— С. 47-96.

³³⁰ Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). С. 3.

Во-первых, присущий современному социальному сознанию феномен клипового мышления - восприятие информации через яркое короткое послание. Такое мышление способно быстро переключаться между информационными фрагментами, однако не способно целостно воспринимать окружающий мир³³¹. По мысли Е.А. Гришаевой, интернет-пространство построено как гипертекст, предполагающий рассеянное и фрагментарное восприятие. Блогеры принимают в расчет особенности современного мышления, а отнюдь не долгую концентрацию пользователя на чтении. Информация в интернет-пространстве обычно излагается в сжатой и лаконичной форме, чтобы читатель даже при беглом невнимательном прочтении мог уловить основную мысль сообщения³³².

Во-вторых, объективные данные позволяют выносить заключение о том, что, будучи продуктом глобального-информационного общества (термин М.Г. Делягина), блог в настоящее время стал одним из наиболее популярных электронных средств массовой информации³³³. Прежде всего это касается молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Трудно спорить с точкой зрения, что в современном цифровом медиaprостранстве ведение блогов можно рассматривать как коммуникативный мейнстрим. Сегодня в мире на различных платформах существует более 600 миллионов блогов, при этом каждый день создается в среднем 120 000 новых блогов.³³⁴

Принципы анализа дискурса предложены в работах французского исследователя М. Фуко, которые целесообразно использовать в качестве исследовательских методик. Он исходил из того, что «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции,

³³¹ Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний, 2019, №3 –С. 67, 69 (66 – 70)

³³² Гришаева Е.А. Социология в блогосфере с. 48-54. // Общественные науки. Прикладные исследования Вестник ТГУ, Общественные науки. Прикладные исследования, выпуск 1 (5), 2016. – С. 48-49 (48-54)

³³³ Давыдов А.А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования, № 11, Ноябрь 2008, С. 92(92-101).

³³⁴ Лядова Образ здоровья в блогосфере: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 2023. Т. 29. №3 – С. 33, 35. (28-49)

организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности».³³⁵ Одной из ключевых процедур, участвующих в формировании дискурса и его воспроизводстве М. Фуко называет исключение, которое сводится к различным формам. Это простой запрет, фактическое табуирование отдельных тем и ракурсов рассмотрения, а также разделение и отбрасывание. Последнее М. Фуко иллюстрирует противопоставлением разума и безумия³³⁶. Дискурс человека, признанного сумасшедшим, не может циркулировать как другие дискурсы, «нормальных» людей. Не менее весомым механизмом формирования дискурса выступает разделение и противопоставление истинного и ложного. Причем, вышеупомянутые процедуры исключения, разделения редуцируются собственно к истине, ее выпячиванию³³⁷. Наконец, кроме процедур, ответственных за содержательную часть, М. Фуко предлагает также внутренние механизмы, работающие на организацию и закрепление дискурса. Здесь речь идет о «прореживании говорящих субъектов», их обязательной фильтрации³³⁸. Кроме того, французский социолог придает значение некоей практике, играющей закрепляющую роль – содержание тестов соотносится с личным жизненным опытом говорящего субъекта, последний как бы воплощает на деле декларируемые идеи³³⁹. Наконец, «дискурсивные сообщества» способствуют сохранению и воспроизводству дискурса, имея определенную закрытость³⁴⁰.

Дискурс феминизма в России представлен работами немалого числа авторов. В связи с многообразием направлений феминизма (левый, радикальный, либеральный и пр.) имеет смысл остановиться на обобщенных его формах, а это

³³⁵ Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996.— С. 51 (448 с.)

³³⁶ Там же. С. 52.

³³⁷ Там же. С. 55.

³³⁸ Там же. С. 69

³³⁹ Там же. С. 63

³⁴⁰ Там же. С. 71

именно интерсекциональный феминизм, заявляющий о системном осмыслении общественного порядка, из которого вытекают гендерные и другие иерархии. Для анализа мы отобрали тексты правозащитницы Алены Поповой³⁴¹, поэтессы Дарьи Серенко, художницы Юлии Цветковой³⁴² и блогерши Ники Водвуд, опубликованные в сети «Интернет» в период с 2018 по 2021 годы. Целевой характер выборки объясняется следующим. Во-первых, эти личности позиционируют себя как интерсекциональных феминисток, подтверждая это личными жизненными практиками. Во-вторых, названные апологеты феминизма обладают достаточным медийным весом. Ника Водвуд имеет собственный ютуб-канал, а Юлия Цветкова и Дарья Серенко выступали на весьма «раскрученных» каналах, таких как «Радио Свобода»³⁴³ (3,79 млн. подписчиков), «Популярная политика» (2,18 млн. подписчиков), «А поговорить?» (2.73 млн. подписчиков), «Продолжение следует» (688 тыс. подписчиков). В-третьих, указанные фигуры заняты в различных сегментах отечественной социокультурной сферы – право, художественное творчество, блогинг. Конечную цель феминизма презентует философ Ольгерта Харитоновна, автор «Манифеста феминистского движения России». Исходя из абсолютного приоритета женских ценностей над мужскими, она считает необходимым в перспективе преобразование патриархатного общества в матриархатное.³⁴⁴

В ходе последующего анализа мы намерены использовать категорию идеологемы, которая в общем виде трактуется как экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии (М. Бахтин)³⁴⁵. В то же время, для исследования содержания дискурса феминизма нам подходит определение Е.Г. Малышевой, которая видит здесь «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически

³⁴¹ Внесена Минюстом России в реестр иноагентов

³⁴² Внесена Минюстом России в реестр иноагентов

³⁴³ Внесено Минюстом России в список нежелательных организаций.

³⁴⁴ Харитоновна О. Манифест феминистского движения России. Екатеринбург: Издательские решения. 2015.

³⁴⁵ Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика, 4(30) 2009. С- 32 (32-40)

маркированные концептуальные признаки»³⁴⁶. Этот автор предлагает классификацию идеологем – идеологемы общего плана, трактуемые в различном ключе в зависимости от политических взглядов; а также идеологемы, используемые «только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию».

Л.Г. Ионин, исходя из модели современного общества меньшинств, констатирует, что идеология любого такого меньшинства строится на жестком противопоставлении с тем или иным большинством, которое стремится данное меньшинство подвергнуть депривации и эксклюзии. Закономерно, что феминизм, выступая такой идеологией меньшинства, формирует обобщенный образ врага в лице представителей сильной половины³⁴⁷. Суть политкорректности заключается в запрете на обсуждение определенных тем и вопросов. Причем «не важно, какую именно позицию вы занимаете в процессе обсуждения, недопустимой становится сама постановка вопроса»³⁴⁸. Подменяя политические вопросы культурными, политкорректность не столько создает возможности их решения, сколько занимается ритуализированным воспроизведением дискурсивных практик.

Подобная априорная установка определяет во многом характер общего контекста феминистского дискурса и через нее несложно определить суть процедуры исключения, упомянутой в работах М. Фуко. По сути в содержании текстов отсутствует тематика, которая бы выставляла в социально благоприятном, конструктивном свете представителей сильного пола (табуирование). В плане оппозиции истинное-ложное авторы феминистских текстов жестко к «ложному» относят любые, утверждения, допускающие психофизиологические и биологические основания гендера в какой угодно, даже самой минимальной степени. В то же время в феминистских текстах тезис о биологической

³⁴⁶ Там же. С. 35.

³⁴⁷ Ионин Л.Г. Восстание меньшинств М.; СПб.: Университетская книга, 2012. — С. 228 (237 с.)

³⁴⁸ Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2017 - С. 54.

обусловленности гендера упоминается постоянно, чем предполагается двойная аргументация. С одной стороны, подчеркивается его очевидная ошибочность, на основании которой выстраивается «уродливый» патриархальный социальный порядок, с другой стороны этот ложный тезис необходим для идеологической легитимации данного порядка. Именно на нем строится системная дискриминация мужчинами женщин, пронизывающая все аспекты социальных отношений. Виды подобной дискриминации исходят из якобы искаженных установок, перечень которых выходит за рамки гендерной проблематики. Это сексизм – представление о превосходстве мужчины над женщиной; гомофобия – установка на превосходство гетеросексуалов над гомосексуалами; эйблизм – превосходство полностью трудоспособных людей над частично трудоспособными (инвалидами); трансфобия – негативное отношение к людям с трансгендерной и транссексуальной ориентацией. Эти установки – суть объекты непримиримой борьбы феминизма.

Одним из важнейших объектов обсуждения феминистского дискурса является политико-правовой сегмент общественных отношений, в рамках которого ведется спор с государственной политикой. Как считает Д. Серенко, в России наличествует вопиющий индекс гендерного неравенства, согласно которому по уровню доступа женщин к общечеловеческим (мужским) правам наша страна оказывается между Угандой и Бурунди³⁴⁹. Подобное неравенство устранимо лишь посредством системных изменений.

Наиболее часто упоминаемыми темами являются протесты в отношении гомофобного запрещения однополых браков (прежде всего лесбиянок) и репродуктивной политики. В отношении первого высказывается аргумент о праве любой женщины на собственную культурную принадлежность, праве любить и не быть исключенной из окружающего мира. В плане второго идет речь о феномене репродуктивного насилия, заключающегося в навязывании роли матери и попытках запретить аборты, санкционируемые Православной церковью

³⁴⁹ Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 22.03.2022)

(моратории в рамках проводимых акций «Подари мне жизнь»). Тому способствует сотрудничество государственных структур с Русской Православной церковью, представители которой предлагают признать субъектами права нерожденных детей, приравнивая тем самым аборт к убийствам. Аргумент феминизма – государство предоставляет недостаточную социально-экономическую поддержку матерям и вместо «счастья материнства» зачастую получают матери, живущие на границе бедности и нищеты³⁵⁰.

Пожалуй, что основным объектом непримиримой критики феминисток служит сексизм, явление, по их мнению, пронизывающее все значимые сферы социальной жизни, постоянно создающее неблагоприятные для женщин социальные, политические и культурные констелляции. Как утверждает Ника Водвуд, сексизм формирует гендерные стереотипы – настоящего мужчины и настоящей женщины, что никаким образом не связано с изначальными природными предрасположенностями – мужчины от природы не насильники, а женщины от природы не жертвы³⁵¹.

Одной из наиболее распространенных тем, характеризующих сексизм, причем как в социальном, так и правовом ракурсе, является домашнее насилие. По сведениям феминистской правозащитницы Алены Поповой, в России вербальному насилию подвергались 38% (25 млн. женщин), физическому насилию — 20% (13 млн. женщин), сексуальному насилию — 4% (3 млн. женщин).³⁵² Причины домашнего насилия в идеологии феминизма видятся весьма разнообразными. В культурном плане это поговорка «Бьет – значит любит», то есть общественное мнение считает нормой, когда муж бьет жену. С точки зрения финансовой зависимости, женщины, не располагающие собственными источниками дохода, зачастую вынуждены терпеть насилие, поскольку им некуда деваться. Причем

³⁵⁰ Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 22.03. 2022)

³⁵¹ Водвуд Ника что такое феминизм. Все, что вы хотели узнать. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=9PxDMoeZ6gs> (дата обращения: 22.03. 2022)

³⁵² Попова А. Семья без насилия. Электронный ресурс: <http://alenapopova.ru/initiative/semiya-bez-nasiliya> (дата обращения: 24.03. 2022).

масштабы насилия обратно пропорциональны степени занятости женщины и величине ее заработка. Не случайно дамы с высшим образованием в 2 раза меньше страдают от домашнего насилия, поскольку более востребованы на рынке труда, а значит – финансово независимы. Зачастую причинами семейных конфликтов в России являются экономические проблемы. Неспособность обеспечить семье удовлетворение базовых потребностей нередко приводит мужей к употреблению алкоголя. Согласно Росстату, ежедневное распитие спиртных напитков мужчиной приравнивается к 19% вероятности, что в течение года им будет применено к жене физическое или сексуальное насилие. Эта же вероятность снижается в 10 раз (2%), когда мужья пьют редко.³⁵³

Наконец, мощным фактором домашнего насилия феминизм считает правовой аспект и работу полиции. На самом высшем уровне неоднократно объявлялось о приватизации проблемы домашнего насилия, навешивая на него ярлык «частного дела». По сведениям Алены Поповой, закон против домашнего насилия принят в 127 странах. Относительно Европы и Центральной Азии таких законов не существует лишь в России, Узбекистане и Армении. Наша страна – в числе 18 стран, законы которых хуже всего защищают женщин от насилия³⁵⁴. В России побои в рамках семьи фактически декриминализованы, то есть домашний агрессор законодательно несет ответственность административными штрафами и только в случае, если характер насилия вписывается в рамки уголовной статьи получает «реальное наказание». С другой стороны, отечественная полиция по минимуму вмешивается во внутрисемейное насилие, видя здесь культурную норму, и интересуясь только смертельными случаями или случаями нанесения тяжких телесных повреждений. Отсюда домашние агрессоры особо не боятся вмешательства полиции, а жертвы не видят в ней защиты.

Помимо обязательного принятия Закона о домашнем насилии, сторонники феминизма настаивают на применении, так называемых, «охранных ордеров».

³⁵³ Попова А. Семья без насилия. Электронный ресурс: <http://alenaPopova.ru/initiative/semiya-bez-nasiliya> (дата обращения: 24.03. 2022).

³⁵⁴ Там же

Суть их заключается в том, чтобы создать между реальным или потенциальным насильником и жертвой объективную дистанцию – запрет на приближение³⁵⁵. Такие ордера введены в 124 странах, куда Российская Федерация не относится. А. Попова в связи с этим предлагает два вида охранных ордеров: полицейский ордер, выдаваемый без судебного решения на момент опасности; судебный ордер, который выдается судебным решением на долгосрочной или постоянной основе³⁵⁶.

Особое внимание идеология феминизма придает сексуальному насилию, видя здесь следствие не только в слабой правовой защищенности, но и культурных причин – распространенной в общественном мнении установки «сама виновата», снимающей ответственность с насильников. Согласно Д. Серенко, каждая третья или четвертая женщина пережила насилие или попытку насилия, причем почти каждая из них вынуждена выслушивать мнение, что она сама «спровоцировала» это. Во многом поэтому, только 15 процентов женщин заявляют о совершенном в их отношении преступлении, и в большинстве случаев в качестве насильника выступает родственник или знакомый³⁵⁷.

Комментируя представленную в феминизме проблему домашнего насилия, пожалуй, следует признать ее реальность, а также согласиться с доводом о необходимости здесь дополнительного правового регулирования. Тем не менее сторонники феминизма опускают некоторые моменты, на которые, объективности ради, следует все же указать в рамках научного анализа.

1) Редуцировать упомянутую поговорку «Бьет – значит любит» к искусственному конструкту, возникшему из патриархатного порядка, значит несколько упрощать дело. Мы полагаем, что подобное выражение есть социальное представление, выступающее «бродилом» культурных стереотипов и «здорового

³⁵⁵ Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 22.03.2022)

³⁵⁶ Попова А. Семья без насилия. Электронный ресурс: <http://alenapopova.ru/initiative/semiya-bez-nasiliya> (дата обращения: 24.03.2022)

³⁵⁷ Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 22.03.2022)

смысла». В качестве первых можно указать на другие расхожие выражения, связанные по смыслу с упомянутым, как, например, «от любви до ненависти – один шаг» и т.п. Здравый смысл или обыденное знание, усваивается в ходе «погружения» в реальную социально-символическую среду, являясь продуктом впечатлений от реальной действительности.³⁵⁸ А здесь нередко можно узреть определенные психические, а то и психофизиологических основания, отраженные в поговорке, что констатирует популярная³⁵⁹, да и художественная литература. Даже такой авторитет в области гендерных отношений как И.С. Кон не считает возможным отрицать влияния на них психофизиологического фактора.

2) В современном мире довольно типичны случаи проявления насилия как мужчинами в отношении женщин, так и женщинами в отношении мужчин. Количественный перекоп первых над вторыми объясняется в том числе и тем, что мужчины зачастую предпочитают скрывать случаи насилия к себе, в соответствии с канонами традиционной маскулинности.³⁶⁰ Юридические эксперты С.А. Тимко, И.А. Кузнецова приходят к выводу: «Женское насилие в отношении супругов — весьма распространенное, но латентное явление»³⁶¹.

Весьма любопытно отношение сторонников феминизма к современному феномену проституции и расширяющейся порноиндустрии. Российские феминистки данные факты сводят к сексуальной эксплуатации, так как женщины «очень часто попадают в эти обстоятельства против своей воли (будучи, например, девочками-подростками или жертвами траффинга)», часто находятся на грани выживания, к ним применяются физическое, сексуальное насилие и серьезное психологическое давление – отсюда логично, что проституированные женщины

³⁵⁸ Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 8.

³⁵⁹ Силлов Д. Реальный уличный бой – универсальная система самообороны. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012 – С. 35-36. (319 с.)

³⁶⁰ Тимко С.А. Тимко В.П. Мужчина – жертва семейного насилия: Актуальность проблемы в России // Виктимология 3(9) / 2016, с. 33–40

³⁶¹ Тимко С.А. Кузнецова И.А. Женское насилие в отношении супругов: особенности проявления и возможности профилактики органами внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4(71). С. 54. (50–54).

наиболее часто подвержены ментальным расстройствам³⁶². Подобное объяснение справедливо лишь отчасти. Изучение биографий тех же порноактрис, во множестве представленных в Сети, да и журналистских расследованиях³⁶³, наводит на мысль о том, что не так уж редко следует вести речь о свободном, а не вынужденном профессиональном выборе.

Одно из важнейших направлений в дискурсе феминизма – критика неравных жизненных шансов в плане профессиональной самореализации, что якобы четко иллюстрирует сексистский характер современного российского общества. Здесь акцент делается на феномене «стеклянного потолка», разрыве в оплате труда, перечне запрещенных для женщин профессий и, так называемой, «второй смене».

«Стеклянный потолок» предполагает невидимые ограничения для женщин в производственных и политических структурах, препятствующие достижению действительно высоких управленческих статусов. В России женщины мало представлены в аппаратах власти и многих других привилегированных сферах труда. Логика феминизма в ходе объяснения решительно отвергает биологические и психофизиологические различия, акцентируясь на искаженных общественных установках, что женщина сама по себе худший руководитель, чем мужчина, наверняка уйдет в декрет, ориентирована на семью, в связи с чем политика и деловая карьера – не женское дело.

К этому примыкает факт запрета в нашей стране на 456 профессий для женщин, действующий с 1974 года. Это ограничения женской работы в хлебопекарном производстве, на морском, воздушном, железнодорожном и речном транспорте, в качестве машинистов специальной техники и водителей большегрузных автомобилей. В 2000 году подобный список дополнился профессиями машиниста электропоезда, боцмана, матроса, водителя автобуса

³⁶² Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 22.03.2022)

³⁶³ Спорная профессия! Jia Lissa, Eva Berger, Ally Breelsen, Kira Queen, Lola Taylor // А Поговорить? Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=g9UQ-qdyu_4 (дата обращения: 21.03.2022)

междугородных и международных маршрутов, а с 2017 г – рядом военных профессий.³⁶⁴ Можно полагать, что принятие подобного списка диктовалось в первую очередь заботой о здоровье женщин – возможных будущих матерей. Однако представительницы российского феминизма активно борются за отмену подобного документа, аргументируя это тем, что упомянутый документ ущемляет права женщин, не давая многим из них полноценной самореализации.

В силу ограничений «потолка» и недопуском женщин в привилегированные трудовые сегменты в России имеет место объективный разрыв в оплате труда между женщинами и мужчинами в среднем на 30%. Непосредственно с этим связывается и феномен женской бедности – россиянки матери-одиночки являются одной из наиболее социально незащищенных категорий населения. Налицо действительно серьезная задолженность бывших супругов на содержание несовершеннолетних детей – более 100 миллиардов рублей на конец 2017 года.³⁶⁵

Наконец, женщинам приходится брать на себя тяжесть «второй смены»: когда помимо основной занятости, большая часть никак не оплачиваемой домашней работы, связанной главным образом с решением бытовых задач, а также уходом за детьми и престарелыми родственниками, возлагается именно на женщин. Подобный феномен имеет транснациональную прописку – по данным 2016 года собранным в 217 странах, констатируется, что за всю жизнь у женщин накапливается около 23 лет «второй смены», от которой главным образом избавлены мужчины³⁶⁶.

В то же время в российских условиях нельзя не признать региональные отличия в актуализации проблематики, выдвигаемой феминизмом. Речь идет о регионах Северного Кавказа, где сохраняющиеся этнокультурные традиции действительно идут вразрез со стремительно меняющейся социально-экономической и социокультурной ситуацией. По данным, приводимым Дарьей

³⁶⁴Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 22.03. 2022)

³⁶⁵ Там же

³⁶⁶ Там же.

Серенко, около 1,2 тыс. жительниц Дагестана, Чечни и Ингушетии подвергаются в возрасте до трех лет калечащим операциям якобы в качестве профилактики измен. Многочисленные случаи, когда женщин крадут и увозят против их воли, в то время как семьи не принимают «украденных» обратно; полностью не изжиты, так называемые, убийства чести — убийства женщин близкими родственниками за разговоры и слухи о недопустимом сексуальном поведении и даже за «неподобающий» вид. Согласно лишь известным данным, жертвами таких преступлений в названных регионах стали 39 россиянок³⁶⁷. Помощью жертвам подобных случаев занимается общество «Марем», предоставляя социальную и юридическую поддержку.

Значительное внимание российский феминизм придает социокультурной составляющей, указывая на гендерные стереотипы, якобы формирующие надуманные образы настоящего мужчины и настоящей женщины. Подобные образы никаким образом не связываются с природой — мужчины лишены врожденных инстинктов насилия, так же, как и женщины не являются изначальными жертвами. Гендерные стереотипы являются источниками совершенно несправедливых норм — так за адюльтер мужчина порицается многократно меньше женщины — и к феномену распущенного мужчины общественное мнение куда более толерантно, чем к феномену распущенной женщины³⁶⁸.

Огонь феминистской критики в значительной степени направлен на бодишейминг — навязывания определенных стандартов красоты, которым должна следовать женщина — быть всегда и везде «красивой», с обязательным макияжем, на каблуках, стройной, цветущей и вызывающей у мужчин только положительные эмоции. В связи с этим, якобы для женщины, кроме «второй смены», существует еще и третья, когда она, вернувшись с работы и сделав домашние дела, должна еще

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 22.03.2022)

заняться собственной внешностью. Протест в отношении подобных стандартов выражается в их демонстративном отрицании феминистками – ими подчеркивается, что они не красятся, не бреют ноги и подмышки. Наконец, в большинстве картин известной феминистской художницы Юлии Цветковой изображается обязательно покрытая волосами вагина.³⁶⁹

Сторонницы отечественного феминизма, представляя собственные взгляды в системном ракурсе, доказывают, что от гендерных стереотипов мужчины страдают не меньше. Ими вводится понятие «токсичная маскулинность», под которой трактуется совокупность тех сексистских идей о маскулинности, которые делают акцент на доминирование, агрессию и насилие: «мальчики не плачут», «мальчики сильные и они должны защищать девочек», «мужчина должен добиваться своей избранницы», «не служил – не мужик» и т. п. Итогом подобных идей становится не только закрепление нормы о том, что мужчина главнее женщины, но с их помощью «сильным полом» легче манипулировать, накладывая на него традиционно «мужские» функции: работа на заводе, война и т. д. Однако это сильно ограничивает мужчин, поскольку, как говорят феминистки, мужчина может не хотеть быть сильным и агрессивным, но заниматься вышиванием, сидеть с ребенком и иметь возможность поплакать³⁷⁰.

В данном фрагменте логика феминистского дискурса сталкивается с научными рассуждениями И.С. Кона. Последний, констатируя характерные для модерна и постмодерна меняющиеся стандарты маскулинности в сторону их смягчения, тем не менее видит пределы динамики цивилизационной феминизации. Имеются глубинные константы мужского сознания и поведения, которые могут лишь видоизменяться, но не исчезают. Это достижительские ориентации, потребность отличия от женщин – быть «мужчиной», а значит не быть женственным, гомосоциальность (солидарность со своим полом), принадлежность

³⁶⁹ Цветкова Ю, Ходырева А. Мы как зачумленные. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=9zCN72kcGac> (дата обращения: 24.03.2022)

³⁷⁰ Водвуд Ника что такое феминизм. Все, что вы хотели узнать. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=9PxDMoeZ6gs> (дата обращения: 22.03. 2022)

к иерархическому мужскому сообществу, агрессивность и склонность к насилию, когнитивные гендерные различия, особенность мужской сексуальности³⁷¹.

Современная российская литература не лишена феминистских мотивов, которые можно найти прежде всего в женской прозе. Здесь одним из важнейших моментов выступает пересмотр категории архетипа в плане его содержательной трактовки. При этом ставка делается на банальный натурализм, акцентирование на физиологических аспектах женской жизни, а конкретно – на сугубо сексуальных реалиях и проблемах (Анна Козлова, Татьяна Москвина). При этом пересматривается один из главных тезисов К-Г. Юнга, что архетип генетически запрограммирован. Гендерные архетипы писатели с феминистским уклоном в свою очередь представляются как «подвижные культурные конструкты», тем самым иницируя представление о возможности формирования новых архетипов. В то же время отнюдь не отрицается наличие «априорного женского знания», глубоко укорененного в коллективном бессознательном, однако подавляемого как в мире мужчин, так и внутри самого женского “Я”.³⁷² Как указывает не разделяющая феминистских взглядов ученый-филолог А. Ю. Большакова, идеология феминизма легализовала в творческом самосознании некоторых женщин образ «Первозданной Женщины». Именно женское начало якобы образовало «своеобразную оппозицию расчеловечиванию человека, выступив на защиту женской природы, подавляемой техногенной мужской цивилизацией»³⁷³.

Между тем, в трудах современных психологов-женщин подобная точка зрения феминистской литературы признается скорее надуманной. Универсальный архетип Героя чаще всего ассоциируется исключительно с мужским началом. В теории К-Г. Юнга в архетипах Анимы и Анимуса наличествуют оба начала – как мужское, так и женское. В то же время они имеют различную содержательную

³⁷¹ Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> (дата обращения: 22.01. 2024)

³⁷² Большакова А. Ю. Гендер и архетип: «Первозданная женщина» в современном мире // *Общественные науки и современность*. 2010, №2 – С. 168 (167-176).

³⁷³ Там же. С. 172.

наполненность в той или иной этнической культуре. Так, в восточных культурах женщина как главный герой встречается весьма редко. В русских сказках и былинах встречается немало мудрых и сильных женских персонажей, порой, обладающих способностью к волшебству. И все же в большинстве своем женщины выступают в роли помощниц, советчиц, а также жертв, которых необходимо спасти и т.д. Образ Царевны в русских былинах наделяется красотой, умом, женственностью и добротой, основная сюжетная роль которой обычно ограничивается любовным интересом Героя. Царевна помогает Герою добиваться своих целей, поддерживая и мотивируя его на геройство³⁷⁴.

Политическая сторона феминистского мировоззрения тесно связана с культурной. Например, цикл рисунков упомянутой Юлией Цветковой «Женщина не кукла» делает акцент на трансляцию установок как касающихся «развенчанию» мифов о красоте («У живых женщин есть волосы на теле и это нормально!», «Не идеальная кожа»), так и поддержание требований меньшинств, а именно легализацию семей нетрадиционной сексуальной ориентации: «Семья там, где любовь – поддержите ЛГБТ-семьи», сопровождающееся демонстрацией рисунков лесбиянских и гомосексуальных пар с детьми.

Логика сторонников радикального феминизма вполне закономерно исходит из начальных установок об исключительной порочности не только существующей в России политической системы, но и культурной среды. С этих позиций им удобнее всего объяснять неприятие социальным большинством их установок и идей. Например, Анна Ходырева, мать Юлии Цветковой, констатируя общегородскую травлю и преследования со стороны властей Комсомольска-на-Амуре, объясняет это тем, что данный город – город ГУЛАГА, где живут исключительно «по понятиям». Юлия яркая необычная девочка, а ее не принимают, кричат матом вслед и т.п. Как убеждена А. Ходырева, большинство людей попросту бесятся, видя необычность ее дочери, они всю жизнь принимают правила

³⁷⁴ Торотоева А.М. Основные гендерные архетипы в русской культуре на примере сказок (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. С. 94 (92-98)

игры системы, основанной на иерархии. А. Ходырева полагает, что многие люди наверняка поддержали бы ее, но боятся потерять работу, боятся системы. Ментальность русских людей – страх. Отсюда заключается, что российскому социальному большинству традиционно присуща ненависть к свободному человеку в несвободном мире³⁷⁵.

Юлия Цветкова не училась в традиционной российской средней школе, закончив студию «Альтернативное образование», основанную ее матерью с 1996 г. Затем продолжила обучение в Лондонской образовательной организации – «Лондон филм скул». Не останавливаясь подробно на оценке рисунков Ю. Цветковой, подчеркнем только весьма неоднозначное к ним отношение в той же сети интернет. Тем не менее названная феминистская художница признана и обласкана в Западном мире – она входит в список ста самых влиятельных и вдохновляющих женщин 2020 года Би-би-си, является обладателем премии «Женщины года — 2020» журнала Glamour, а также премии Ассоциации театральных критиков в номинации «Человек года» за 2020 год³⁷⁶.

Те фрагменты феминистского дискурса, которые связаны с деятельностью Ю. Цветковой и А. Ходыревой, наталкивают на предположение, что к определенным сторонникам российского феминизма применима не только модель «общества меньшинств», с позиции которой Л.Г. Ионин описывает социокультурную среду постмодерна³⁷⁷, но и более ранний концепт «малого народа», разработка которого связана прежде всего с работами И. Р. Шафаревича. Представители «малого народа» противопоставляют себя остальному «большому народу» декларируя собственное культурное превосходство. «Большой народ», в свете данной логики наделяется негативной презентацией вплоть до демонизации. Его представители характеризуются в качестве носителей рабского холуйского

³⁷⁵ Цветкова Ю, Ходырева А. Мы как зачумленные. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=9zCN72kcGac> (дата обращения: 24.03.2022)

³⁷⁶ Скуловец И. Комсомольская активистка Цветкова вошла в список женщин года [Электронный ресурс] // ДВ-новости. 2020. 25 нояб. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/11/25/123272/> (дата обращения: 22.02.2024)

³⁷⁷ Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. —С. 255-256

сознания, отсутствием личного достоинства, нетерпимы к чужому мнению, завистливы, признавая только деспотическую власть.³⁷⁸ Между тем, западный мир представлен как более прогрессивный и передовой, но оценить его стандарты и жить по ним способны только немногие, реально свободные люди, отвергающие привычные стереотипы.

Мировоззрение Ю. Цветковой, А. Ходыревой сопоставляется со стандартами русофобского мышления, предложенного С. Сергеевым. Он предлагает здесь четыре критерия, отличающие русофобию от здоровой критики. Во-первых, признание за русскими некой онтологической и/или генетической ущербности; во-вторых, экзистенциальная ненависть или страх по отношению к ним; в-третьих, систематическое и сознательное желание им вреда, а не блага; в-четвертых, отрицание самих понятий «русский», «русскость» как базовых для политического и культурного дискурса³⁷⁹. Как видим, взгляды и установки названных личностей вполне вписываются в два первых признака.

На основании изучения отечественного феминистского дискурса можно сделать некоторые заключения:

Исходя из классификации идеологем, предложенных Е.Г. Малышевой, очевидно, что интеллектуальные структуры феминизма относятся к идеологемам второго плана, то есть идеологемам ограниченного употребления, которые используются лишь приверженцами определенного политического мировоззрения, в данном случае феминизма, выступающего составляющей тотальной идеологии политкорректности.

На основании анализа дискурса феминизма целесообразно выделить следующие его основные идеологемы. Ключевой идеологемой выступает утверждение об исключительно искусственном характере гендерных различий, что по сути является методологической базой феминистских построений.

³⁷⁸ Шафаревич И. Р. Русский вопрос. / И. Р. Шафаревич сочинения. В 3 т. Т. 2. – М.: «Феникс», 1994 – С. 88-89.

³⁷⁹ Сергеев С. Как возможна русская русофобия. Записки ангажированного историка // Вопросы национализма. 2013. № 13 (№ 1). С. 66-67. (66–85).

Конструирование гендерной составляющей социальных отношений предполагает мужское превосходство, что отражает идеологема гегемонной маскулинности, и, соответственно, женскую дискриминацию – идеологема сексизма. Производными от гегемонной маскулинности и сексизма выступают ряд идеологем более частного плана – репродуктивное насилие, домашнее насилие, бодишейминг, «второй смены». В то же время отражением сохраняющихся патриархальных принципов российского общества сторонники феминизма считают ряд выходящих за рамки гендера феноменов, играющих функции феминистских идеологем: гомофобия, эйблизм, трансфобия.

Конструктивной стороной российского феминизма следует признать тот факт, что отечественный феминизм заставляет взглянуть на некоторые социальные феномены с позиции критического ракурса, что позволяет глубже вникнуть в их реальную или потенциальную проблематику. Тем не менее, сторонники феминизма стремятся к навязыванию решения данной проблемы, исходя не столько из конструктивного ее осмысления, сколько из собственных идеологических установок, принимаемых априорно.

Ряд требований, исходящих из дискурса феминизма, обоснованно отражают назревшие общественные проблемы. Это касается домашнего и сексуального насилия, разрыва оплаты труда, феномена «стеклянного потолка», «неженских» профессий, а также некоторых патриархальных стандартов культур кавказских народов. Более неоднозначна проблема, которую феминистки рассматривают как репродуктивное насилие. Возможно, запрет на аборт должен сопровождаться усилением социальной политики в области охраны материнства. Впрочем, перечисленные социальные феномены относятся к тем сегментам общественных отношений, которые в целом подвержены последовательным изменениям в сторону большей адекватности ситуации.

Гораздо менее обоснованно выглядят социокультурные претензии феминизма как в критике бодишейминга, так и в плане возможностей безграничной феминизации мужчин. Видя в бодишейминге (миф о красоте) исключительно продукт искусственного гендера и выступая за его минимизацию, если не

ликвидацию, феминизм в качестве альтернативы выдвигает натурализм, тем самым оспаривая некоторые эстетические, а порой и гигиенические нормы. Политическое по сути требование феминизма легализировать ЛГБТ отражает здесь диффузное влияние политкорректного проекта, являющегося продуктом западного глобализма, но не утвердившегося пока еще в достаточной степени в России, главным образом в виду противодействия со стороны традиционных культурных ценностей. В лице отдельных своих представителей (Ю. Цветкова) феминистский дискурс имеет точки пересечения с русофобским дискурсом. В подобных случаях феминизм в России приобретает контркультурный смысл, в целом демонстрируя антагонизм, неприятие ряда доминирующих черт и смыслов отечественной культуры. Выходит, что феминизм противоречит не только традиционным основаниям отечественной культуры, а, пожалуй, и культурным универсалиям, касающимся эстетики прекрасного женского тела и пр. Здесь приходится наблюдать своеобразный результат распространенного методологического ограничения – абсолютизации конструктивистской парадигмы применительно к гендерным отношениям.

Естественно, что следующим шагом по изучению дискурсивного поля российского феминизма должно стать решение проблемы степени воздействия феминистской идеологии на общественное сознание.

2.3. Влияние дискурсивного поля феминизма на гендерные отношения в восприятии современных россиян

Выявив ключевые идеологемы феминистского дискурса, дав им развернутую оценку, мы приступаем к исследованию роли феминистских идей в социальном сознании большинства индивидов, которые непосредственно связаны с гендерной проблематикой. В последние годы проводились исследования как федерального, так и регионального масштаба по поводу динамики восприятия россиянами гендерных отношений, правда при этом мы не встречали исследований, которые исследовали бы связь гендера с феминизмом.

По данным, которые приводит М. К. Карпова, ссылающаяся на исследования ВЦИОМ, Российская Федерация занимает 81-е место из 156 стран рейтинга глобального индекса гендерного разрыва. В 2021 г. наша страна «практически закрыла» гендерные разрывы доступа к образованию, а также стала одной из топ-25 стран, успешно сокращающих неравенство в экономическом участии. Отмечается, что российские женщины в основном успешно интегрировались в рынок труда: 68,9 % из них трудоустроены и более квалифицированы по сравнению с мужчинами. Хотя по-прежнему сохраняется значительный разрыв в оплате труда: доход женщины составляет около 60 % от дохода мужчины, а руководящая работа в России остается главным образом мужской³⁸⁰

Справедливо замечание Г. Г. Силласте о различии гендерного равноправия и гендерного равенства³⁸¹. Можно отметить, что первое в целом достигнуто в российском обществе, тогда как второе недостижимо в принципе, выступая в роли некоего умозрительного идеала. В статье М.К. Карповой отмечается, что большинство современных россиян (61%) принимают за объективный факт гендерное равноправие. При том каждый десятый респондент (11 %) даже склонен

³⁸⁰ Карпова М.К. Гендерные отношения в современном обществе: равноправие или неравенство? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 77–89. doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-9. EDN: BXXUAA

³⁸¹ Силласте Г.Г. Социальные трансформации и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2019. № 2. С. 8.

считать, что больше прав и возможностей как раз имеет женщина в сравнении с мужчиной.³⁸²

В то же время упомянутая исследователь констатирует некоторую амбивалентность общественного сознания в отношении гендера. Так, с одной стороны происходит снижение гендерных стереотипов, которые «изменяются в пользу самостоятельности женщин, возможности строить собственную жизнь исходя из социальной самооценки и ориентироваться на логику повседневности»³⁸³. С другой стороны, в российском социуме по-прежнему доминируют традиционные взгляды на роль мужчины и женщины. Две трети опрошенных (66%) поддержали тезис, что «женщина заботится о мужчине, а мужчина – ее защитник». Наиболее распространенным требованием к мужчине выступает его реализация на профессиональном поприще и финансовый успех, что отражает стереотип «добытчика и кормильца». От женщины ожидают исключительно проявлений женских качеств, в первую очередь видя в ней хранительницу домашнего очага³⁸⁴.

В обзорной статье И.С. Клециной и С.А. Векиловой приводятся результаты нескольких региональных российских исследований, касающихся отечественных внутрисемейных отношений.³⁸⁵ При общем настрое авторов на желательность вытеснения традиционалистской (патриархальной) модели эгалитарной (партнерской), они вынуждены констатировать из проведенного обобщающего, что данный процесс как минимум пробуксовывает. В целом наибольшее распространение имеет смешанная модель семейных отношений, где сочетаются традиционалистские и эгалитарные составляющие. Например, социолог Н.А. Нечаева проводила среди Санкт-Петербургских студентов исследования гендерных отношений в 1996, 2008 и 2014 годах. В период 1996 по 2008 год вектор

³⁸² Карпова М.К. Гендерные отношения в современном обществе: равноправие или неравенство? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 82.

³⁸³ Там же. С. 80, 81.

³⁸⁴ Там же. 86

³⁸⁵ Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформации // Женщина в российском обществе. 2020, №3 С. 78-91

был в целом направлен на разрушение традиционной модели и усиление эгалитарной. Однако после 2014 года положение изменилось – увеличилось количество сторонников традиционной модели, а приверженцев эгалитарной уменьшилось.³⁸⁶ Но практически на каждом этапе исследования большинство опрошенных склонялось к тому, что если мужчина утратит роль кормильца (что отрицает традиционная модель и вполне допускает эгалитарная), то это плохо скажется на семейных отношениях. Именно мужчина должен вносить главный вклад в семейный бюджет. В опросе 1996 года материального благополучия от идеального мужчины ожидали 74% всех опрошенных, в 2008 г. – 76%, а в 2014 г. – 79%. Того же самого ожидали от идеальной женщины в 1996 г. – 18%, в 2008 г. – 20%, а в 2014 г. – 20% респондентов³⁸⁷.

Опрос молодежи Владивостока продемонстрировал, что большая часть опрошенных юношей и девушек не склонны разделять в рамках семьи мужские и женские роли – они должны быть взаимозаменяемыми. Однако на вопрос о том, кто должен быть главой семьи подавляющее большинство указывает на фигуру мужчины – 63% девушек и 75% юношей³⁸⁸. Исследование проведенное в Республике Карелия показало устойчивость традиционных маскулинных установок. С утверждением «Моя главная обязанность – обеспечивать семью» выразили полную солидарность 82% опрошенных мужчин, 11% склонны это отрицать и 7% затруднились с ответом³⁸⁹.

Как представляется, стремление сторонников гендерного равенства нивелировать гендерные роли внутри семьи вряд ли приведут к конструктивным результатам и по сути, противоречат психофизиологической сущности как мужчины, так и женщины. Мы солидарны с Н.А. Чуркиной, которая считает, что только при условии строгого разграничения мужского и женского начал возможна

³⁸⁶ Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформации // Женщина в российском обществе. 2020, №3 – С. 82-83.

³⁸⁷ Там же. С. 84.

³⁸⁸ Ковтун Г.С. Куперман А.А. Гендерные представления современной студенческой молодежи (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017. №1 С. 53-63.

³⁸⁹ Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформации // Женщина в российском обществе. 2020, №3 – С.84.

успешная социальная адаптация как мужчины, так и женщины.³⁹⁰ Фактически эту же мысль по-своему развивает Н.В. Больц, считая, что специализация и разделение труда в браках приносит двойную выгоду и продуктивность растет в обеих областях. Вместе с тем, чем менее половое разделение труда «тем слабее экономическая взаимность между мужчиной и женщиной и тем слабее чувства, связывающие их вместе»³⁹¹.

В нашем собственном исследовании мы намерены рассмотреть сегмент общественного сознания, связанный с трактовками и оценками как в целом гендерного уклада и гендерных отношений, так и с идеологией феминизма. Данные феномены безусловно связаны между собой, как правило, будучи охвачены дискурсивным полем феминизма. Уместно уточнить, что дискурсивное поле предполагает наличие некоего пространства информационно-коммуникативного взаимодействия, содержательный смысл которого определяется конкретным социальным явлением – в данном случае речь может идти как об идеологическом конструкте феминизма, так и о гендерных проявлениях.³⁹² То есть социальные практики определенного содержания могут послужить стимулом для погружения в определяемое феминизмом дискурсивное поле. Например, человек, столкнувшийся непосредственно с проявлениями гендерных деформаций, не исключено что вследствие этого станет более внимателен к идеям расширения прав женщин. Кроме того, модель дискурсивного поля предлагает определенные параметры вовлеченности в данное поле, что в нашем случае характеризует уровень восприятия и согласия с идеологией феминизма.

В определении ключевой категории мы берем за основу «социальные представления» в трактовке Сержа Московичи. Здесь видятся более или менее сложившиеся установки общественного сознания, которые представляют собой некое «бродило» с одной стороны разного рода теоретических положений

³⁹⁰ Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика, 2018 – 5. С. 19.

³⁹¹ Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с.92.

³⁹² Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008 – С. 64.

(моральных элементов, религии, идеологий), а с другой стороны – «здорового смысла» или обыденного знания, усваиваемого в процессе «погружения» в реальную социальную и культурную среду, или по-другому, исходящего из впечатлений от реальной действительности.³⁹³ Применительно к настоящему исследованию установки по поводу гендера могут складываться из общих культурных ценностных и нормативных феноменов, имеющих религиозные, этические или идеологические предпосылки, через которые непосредственно воспринимается конкретная связанная с гендером социальная практика. В то же время, имеют место и процессы обратного по сути характера. По словам И.С. Кона «сначала меняется социальное положение и характер деятельности мужчин и женщин, затем - их базовые установки и ценности и только после этого - более тонкие психологические свойства, которые, в свою очередь, влияют на социальную структуру».³⁹⁴

Отсюда цель эмпирического исследования заключается в том, чтобы выяснить характер социальных представлений россиян по поводу гендерных отношений и идеологии феминизма. В соответствии с целью задачи исследования конструируются следующим образом.

1) Выяснить оценки россиян по поводу существующих гендерных отношений, а также характер желательных сдвигов этих отношений.

2) Через мнение респондентов определить наметившиеся динамические тенденции в отечественных гендерных отношениях.

3) Выявить степень вовлеченности россиян в дискурсивное поле идеологии феминизма, уточнить его социальную базу.

Имеет смысл уточнить интерпретацию некоторых ключевых понятий исследования. «Гендерные отношения» в нашем понимании есть социальные

³⁹³ Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 2. С. 8.

³⁹⁴ Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> (дата обращения: 22.01. 2024)

практики, предполагающие статусно-ролевую дифференциацию мужчин и женщин, основывающиеся на исторических и культурных традициях. Тогда как «гендерный порядок» трактуется как комплекс структур, институтов, связанных со статусно-ролевым распределением мужчин и женщин, обычно имеющих историческое и социокультурное подкрепление. Это отражается в сферах трудовых, властных, культурных и даже культурно-потребительских ракурсах. Гендерные структуры подвержены гибкости и изменениям.

«Мужественность» в отличие от категории «маскулинность» имеет не столько социокультурный, сколько социально-психологический смысл. Мужественность не имеет четкой половой прописки (хотя больше ассоциируется с мужским поведением) – здесь понимается определенная личностная черта, настраивающая поведение на достижение поставленных целей в условиях необходимости преодоления внешних или внутренних препятствующих факторов. Такое определение мужественности позволяет видеть в нем определенный социальный ресурс, используемый в микро- и макро масштабах, поскольку мужественность выражается как в индивидуальных, так и коллективных проявлениях. Используемая категория мужественности близка категории пассионарности Л.Н. Гумилева, однако не тождественна ему. В гумилевской трактовке пассионарность есть «необоримое стремление к целенаправленной деятельности, связанного с изменением общественного или природного окружения»³⁹⁵. То есть в данной интерпретации очевиден акцент на достижительские стратегии. В нашем понимании мужественность может проявляться в связи не только с достижительскими стремлениями, как, например, стойкость перед обстоятельствами.

«Дискурсивное поле феминизма» - некое пространство информационно-коммуникативного взаимодействия, содержательный смысл которого определяется идеологическими конструктами феминизма. Модель дискурсивного поля феминизма помогает определить степень вовлеченности индивидов в

³⁹⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2021 – С. 340

пространство влияния идеологии феминизма, через иерархические позиции: «активисты», «приверженцы», «попутчики».

В качестве генеральной совокупности выступают жители города Краснодара. Выбор Краснодара обусловлен следующими соображениями. Краснодар, крупный город и краевой центр, представляет собой микромодель России. Здесь имеют место полиэтничность, поликонфессиональность, большая миграционная нагрузка. В других городах края и сельских районах ярче выражен региональный аспект – элементы казачьей культуры, места компактного проживания этнических меньшинств. Мы сознательно от этого ушли, чтобы выявить место идеологии феминизма в общественном сознании россиян в целом, вынося за скобки локальные особенности.

Общая направленность настоящего исследования предполагает обязательный учет как женской, так и мужской точек зрения относительно сложившейся структуры гендерных отношений и тенденций ее изменения. Объектом анкетного опроса послужили жители города Краснодара в возрасте от 19 до 50 лет, причем женщины и мужчины представлены практически в равных пропорциях – опрошено 245 женщин и 247 мужчин. Учитывалось, что Краснодар является городом-миллионником, урбанизированным, мультикультурным центром с высокой миграционной нагрузкой. Репрезентативность выборки определялась распределением опрошенных по административным округам города Краснодара, согласно количеству населения этих округов – Западный административный округ насчитывает около 18% жителей города - здесь был опрошен 81 респондент, Карасунский округ насчитывает 28% – опрошено соответственно 142 респондента, Прикубанский округ содержит 37% жителей – опрошено 188 респондентов, в Центральном округе проживает 17 % населения города – был опрошен 81 респондент. Выборка возрастных критериев объяснялась тем, что это экономически активный сегмент репродуктивного возраста. Образовательный критерий – все респонденты имеют либо законченное высшее образование, либо являются учащимися высших учебных заведений.

Структура анкеты предполагала содержательные блоки, направленные на выявление: во-первых, представлений об узловых моментах существующей гендерной структуры и ее оценок; во-вторых, мнений о векторе динамики гендерных отношений, через представления о ключевых факторах этой динамики; в-третьих, установок по поводу идеологии феминизма, ее позициях в российском обществе. Большая часть вопросов анкеты структурировалась по принципу предоставления респондентам выбора предпочтения между традиционными нормами гендерных отношений и идеологемами феминизма. Следует сказать, что использовались две анкеты - отдельно для респондентов мужчин и женщин. Большинство вопросов обеих анкет дублировали друг друга, хотя были и специфические вопросы, присущие только конкретной группе опрашиваемых. Сравнение точек зрения различных в половом отношении респондентов даст дополнительную информацию об интересующем нас предмете.

Имеет смысл сначала обратиться к тому, как видят и оценивают респонденты ключевые моменты существующего гендерного уклада. Из таблицы 2 следует вывод о принципиально различающихся установках мужчин и женщин в отношении функциональных аспектов внутрисемейных отношений. Здесь наглядно иллюстрируется один из тезисов И.С. Кона о том, что психика и установки женщин меняются намного быстрее, чем мужские. Представительницы прекрасного пола «шаг за шагом осваивают новые для себя занятия и виды деятельности, что сопровождается их психологическими самоизменением и изменениями их коллективного сознания»³⁹⁶. Количество респондентов мужского и женского пола разделяющих традиционный подход к обязанностям внутри семьи, по отношению друг к другу различается в три раза.

Таблица 2. Видение структуры внутрисемейного порядка

	мужчины	женщины
Основная задача женщины – домашние дела, воспитание детей. Работать необязательно	65 %	21,5 %

³⁹⁶ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 103-104.

В каждой семье может заводиться собственный порядок, не столь важно, кто именно обеспечивает основной финансовый доход	34,3 %	78,5 %
--	--------	--------

Считают, что основная функция женщины не работа, но домашние дела и воспитание детей две трети мужчин и только пятая часть женщин. Это можно объяснить, как стремлением к социальной активности и раскрепощению представительниц «слабой половины», так и свойственным постмодернизму скепсисом в отношении сложившихся культурных норм, органично связанных с исторической традицией. Логично, что подобное скептическое отношение присуще прежде всего «прекрасной половине». Интересное объяснение предлагает И.С. Кон, полагая, что дело здесь не в жесткости мужского сознания, а в том, что класс, который теряет господство, не торопится сдавать свои позиции, в то время как радикальные изменения совершают заинтересованные в них группы, в данном случае – женщины³⁹⁷.

Таблица 3. Справедливо ли положение женщин и мужчин в семье, обществе?

	Да, безусловно	Скорее, да	Скорее, нет	Безусловно, нет	Трудно сказать
Мужчины	18,2 %	46,7 %	12,4 %	2,9 %	19,7 %
женщины	23,7 %	43,7 %	14,1 %	0,7 %	17,8 %

Намного более близкими оказались мужские и женские оценки по поводу гендерных отношений (Таблица 3), что ставит под сомнение весомость «классовой» трактовки И.С. Кона. Большая часть респондентов из обеих групп (примерно по две трети) склонны полагать справедливым существующее положение женщин и мужчин в обществе, семье. Противоположные оценки высказало не более 15-16,5% опрошенных, хотя почти пятая часть и мужчин, и женщин затрудняется с четким оцениванием справедливости или несправедливости сложившихся структур гендерных отношений. Не исключено, что такой несколько отдающий консерватизмом подход частично продиктован не

³⁹⁷ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – С. 104, 103.

до конца затихшей инерцией советского времени, когда женщины и мужчины имели комплекс собственных гендерных преимуществ и прав.

В то же время нельзя не отметить весьма любопытный и не совсем логичный факт – при том, что две трети опрошенных женщин (67,4%) считает гендерный уклад справедливым, большая их часть (58,5%) не обошла вниманием вопрос анкеты о том, в чем же заключается несправедливость сложившейся гендерной структуры (Таблица 4). Между тем, количество удостоивших ответом данный вопрос мужчин (35%) примерно соответствует численности тех, кто не спешит признавать правильность и справедливость наличествующей гендерной структуры. Получается, что многие респондентки весьма амбивалентно настроены к ряду гендерных явлений. Напрашивается предположение в русле разработанной Ж.Т. Тощенко концепции социального феномена кентавризма³⁹⁸ о том, что сознание многих женщин лишено цельности и содержит внутренние противоречия. Хотя данную позицию имеет смысл несколько скорректировать. Возможно, многие респондентки, признавая определенные «несправедливые» фрагменты, соглашались с общими принципами гендерной иерархии. Из таблицы 4 следует, что во многих случаях женское сознание заостряется на фактах, затрагивающих более невыгодное положение женщин по отношению к мужчинам как в объективном (подчиненное положение женщин, ее ограничение в возможностях личной карьеры), так и в субъективном плане (изначальная предвзятость общественного мнения) или другими словами, на том, что в феминистском дискурсе трактуется в понятиях сексизма. Получается, что значительный сегмент женской части российского социума считает весьма желательными значительные изменения в гендерных раскладах опять же в сторону их смягчения и выравнивания, что вполне согласуется с одним из положений идеологии феминизма и возможно следует расценивать как предпосылку, если и не полного

³⁹⁸ Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема в познавательной и преобразующей деятельности человека / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 3-14

принятия феминизма, то более лояльного к нему отношения. Не исключено, что многие респондентки более внимательны к определенным фрагментам феминизма – например, считают важным смягчить жесткость критериев подчиненности мужчинам, а также расширить карьерные возможности для женщин, но при сохранении мужской гегемонии в целом.

Таблица 4. В чем видите несправедливость гендерных отношений? (в скобках процент от общего количества респондентов данной группы)

	мужчины	женщины
Подчиненное, зависимое положение женщины	27,1 (9,5) %	48,1 (28,1)
Больше ограничений возможностей личной карьеры у женщин	33,3 (11,7)	38 (22) %
Чрезмерные требования к мужчинам как главам семьи	22,9 (8) %	5,1 (3) %
Изначально предвзятое отношение общественного мнения к женщине	37,5 (13,1)	35,4 (20,7)

Примечательно, что более одной пятой мужчин (это примерно 8% от всех опрошенных респондентов-мужчин), не видящих справедливости в сложившейся структуре гендерных отношений, отмечают вовсе не большую стесненность женщин, но чрезмерную требовательность к мужчинам в качестве глав семьи. Тем самым, какой-то сегмент мужского социума не прочь переложить и дальше часть типичных присущих «сильной половине» функциональных обязанностей на плечи женщин. Подобное обстоятельство отражает нисходящую динамику количественных изменений представителей типа «настоящих мужчин», о чем пойдет речь далее. Если сопоставлять ответы мужчин и женщин относительно признаков несправедливости гендерной структуры, то, как и следовало ожидать, куда большее число опрошенных респонденток заостряет внимание на их подчиненном, зависимом положении. И все же необходимо признать, что около трети мужчин отмечают объективные и субъективные факты более невыгодного положения именно женщины, что, скорее, работает не в пользу классовой методологии к объяснению гендерного сознания.

Таблица 5. Следует ли предоставлять больше возможностей для карьеры женщины?

	мужчины	женщины
Только в отдельных случаях, политика, топ-менеджмент – удел мужчин.	52,6 %	10,4 %
Необходимо женщинам предоставить более широкие возможности, наравне с мужчинами	29,9 %	28,1 %
Однозначно. Сейчас женщины зачастую более компетентны и способны к принятию решений, чем мужчины	17,5 %	61,5 %

Заметный разброс мнений представителей сильной и слабой половины обозначился при анализе результатов ответа на вопрос насчет необходимости расширения карьерных возможностей для женщины. Данные таблице 5, показывают, что женщины здесь настроены куда более радикально – из них более 60% считает, что женщины зачастую более компетентны в управленческих вопросах, чем мужчины. Такое мнение респондентов вполне ожидаемо, но все же нельзя не отметить, что почти половина опрошенных мужчин согласны с тем, чтобы предоставить женщинам большие карьерные возможности.

В качестве предварительного вывода по поводу оценочных представлений гендерной структуры в России, следует констатировать, что женщины ожидаемо настроены более критично к устоявшимся гендерным отношениям, считая необходимым внесения сюда принципиальных изменений. Тем не менее полученные данные скорее не дают повод рассматривать сильный пол сугубо как консервативный класс (что делает в одной из своих работ И.С. Кон), отчаянно цепляющийся за доминирующие позиции. Значительная доля респондентов считает желательным серьезные гендерные корректировки. Представляется, что различие оценок мужчин и женщин по поводу внутрисемейного ролевого расклада объясняется больше социокультурными обстоятельствами, а именно влиянием традиционных устоев, формирующих нормы маскулинности/феминности, которые в свою очередь довольно настойчиво приписывают роль добытчика – мужчине, а хранительницы очага – женщине. В целом, конечно, мужчины относятся к гендерным изменениям куда более сдержанно, чем представительницы слабого пола, однако их установки нельзя назвать жестко охранительными.

Следующий блок вопросов касался непосредственно социальных практик, связанных с гендерными отношениями. При этом мы сделали особый методологический акцент на феномене мужественности, диалектическая связь которого с женственностью составляет некую почву, из которой вырастают гендерные отношения. По словам Н.В. Больша, мужественность во многом определяет себя через отрицание женственности³⁹⁹. Касательно мужественности целесообразно сформулировать различные вопросы для респондентов и респонденток. Если мужчинам предлагалось определить критерии мужественности, то женщинам – те желательные черты, которые они бы хотели найти в своем мужчине. Интересно, что здесь также обнаружилось заметные различия в установках мужчин и женщин. Так, самое большое количество мужчин (73,7%) отмечает в качестве критерия мужественности умение постоять за себя, не на много ему уступает способность держать слово и признавать ошибки. Целеустремленность упомянули 58,4% респондентов, стойкость перед обстоятельствами - 38,7%, способность отстаивать собственную точку зрения подчеркнули 22,6% и, наконец, только 1,5% сочли возможным отметить внешнюю атрибутику – «иметь хорошую машину, красивую женщину». Респондентки-женщины в качестве желательного качества своего мужчины в подавляющем большинстве (72,6%) отмечают психологическую устойчивость, уверенность, целеустремленность, на втором месте по числу упоминаний идет самостоятельность и независимость от других -38,5 %, на третьем месте было упомянуто качество «добрый и любящий» (37%), которое тем не менее оказалось куда более популярным в возрастной категории 18-29 лет, чем у женщин 30-45 лет. Материальную состоятельность отметили 17,8% и физическую силу – 5,2%, соответственно. Таким образом, если женщины делают определенный упор на сильных психологических чертах идеального мужчины, тогда как мужчины ничуть не ниже ставят физические, а скорее психофизиологические качества.

³⁹⁹ Больша Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – с. 78.

Таблица 6. Как изменяется количество мужественных парней?

	Становится больше	Становится меньше	Не изменяется	Трудно сказать
Мужчины	4,4 %	64,2 %	9,5 %	21,2 %
Женщины	3,7 %	79,3 %	8,9 %	8,1 %

В таблице 6 представлена динамика мужественности в представлениях респондентов. Как видно, оценки представителей обеих групп не сильно различаются – подавляющее большинство констатирует нисходящую тенденцию, отмечая, что число мужественных парней становится все меньше. Разве что респонденты-женщины проявляют здесь большую категоричность – затруднившихся с ответом среди них в 2,5 раза меньше, чем среди респондентов мужчин. Однако в целом обозначенный тренд трудно подвергнуть сомнению, это тот случай, когда общественное мнение довольно адекватно отражает объективную реальность.

Таблица 7. Современным женщинам приходится ли брать на себя мужские функции?

	Да, сплошь и рядом	Такие случаи бывают	Не знаю подобного
Мужчины	11,7 %	74,5 %	13,9 %
Женщины	22,2 %	76,3 %	1,5 %

Согласуется с полученной картиной динамики мужественности полученная информация о случаях вынужденного взятия на себя женщинами сугубо мужских функций (таблица 7). Признает данное нелестное для мужской группы обстоятельство, подавляющее большинство мужчин. Женщины, что, впрочем, неудивительно, здесь еще более категоричны – только 1,5% отрицает наличие подобных случаев, в то время как более пятой части считает, что данный феномен приобрел повсеместное значение.

Таблица 8 Известны ли Вам случаи одиноких, но вполне самодостаточных женщин?

	Да, немало	Встречались такие	Не знаю таких случаев
Мужчины	24,1 %	69,3 %	6,6 %

Женщины	54,8 %	40,7 %	3,7 %
---------	--------	--------	-------

По сути продолжением тенденции, обозначившейся в ответах на предыдущие вопросы, явились констатируемые случаи одиноких самодостаточных женщин, в чем (как отмечалось в разделе 1.3), видится критерий и результат кризиса гендерных отношений. Феномен женской самодостаточности коррелирует с неполными семьями и широко распространен в западном социуме. Анализ результатов настоящего опроса дает основание зафиксировать данное явление и в России (таблица 8). Хотя о самодостаточных женщинах как об объективном факте уверенно сообщают обе группы респондентов, все же женщины, которые, как можно полагать, исходят из личного опыта и круга общения, замечают его значительно чаще мужчин.

Таблица 9. Ваше отношение к случаям «альфонсизма»

	мужчины	женщины
Это позор, прежде всего мужчине	60,6 %	63,0 %
Если всех все устраивает – это их дело	30,7 %	33,3 %
Как-то не думал(а) об этом	8,8 %	3,7 %

По поводу распространенного в той или иной степени во все времена альфонсизма оценки респондентов оказались почти идентичными (таблица 9). Видимо, здесь суждения большинства опрашиваемых исходят из традиционных установок, а по-другому – из маскулинной идеологии, жестко приписывающей мужчине роль добытчика, никаким образом материально не зависящего от женщины. В то же время не может не вызывать вопросов весьма высокая доля респондентов (фактически одна треть в обеих группах), которые относятся к феномену альфонсизма нейтрально. Можно предположить здесь влияние все той же социокультурной среды, которая транслирует характерный для постмодерна принцип относительности моральных норм и устоев, кроме того, возможно мнение опрошенных обусловлено еще и фактом высокой степени распространения подобных случаев, которые в подобном контексте могут не всеми восприниматься в качестве отклонения от нормы. Имеется корреляция между оценками феномена

альфонсизма и отношением к структуре внутрисемейных отношений – респонденты, толерантно настроенные к альфонсизму в целом допускают более гибкие варианты распределения семейных функций.

Подводя промежуточный итог эмпирическому анализу, стоит к сожалению, констатировать, что деформация мужского этоса и кризис мужественности, описанный в книге Ф. Зимбардо, Н. Коломбе⁴⁰⁰, отнюдь не обошел отечественный социум. Причем объективные процессы в некотором роде обгоняют здесь социальное мышление. В целом респонденты выступают сторонниками традиционных представлений о мужественности и роли ее носителей в обществе, или по-другому – разделяют общие принципы гегемонной маскулинности. Но при этом, количество мужественных парней уменьшается, женщины часто вынужденно забирают себе типично мужские функции, а феномен одиноких и вполне самодостаточных представительниц слабого пола – вполне состоявшийся факт в России. Можно предположить наметившееся противоречие между нормами традиционной маскулинности (которые фиксируются мнениями респондентов о критериях мужественности), а также социальной динамикой, отражающейся на социальных представлениях. Исходя из определения социальных представлений, используемое в данной работе, та их составляющая, которая непосредственно связана с реальностью (здравый смысл или обыденное знание) зачастую подвергается усиливающемуся воздействию объективной реальности, указывающей на возрастающую роль женщины зачастую в силу отступления мужчины. Говоря иначе, практики бытовой феминизации не могут ли служить подкреплением феминизма идеологического?

Наконец, очень важным представляется идейно-политический аспект общественного сознания, связанный непосредственно с идеологией феминизма. Знакомы с положениями феминизма как идеологии и как системного мировоззрения менее 10% россиян, как следует из Таблицы 10. Примерно половина

⁴⁰⁰ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблишер, 2017 – 344 с.

респондентов отмечают знание «в общих чертах», что, надо полагать, связано с феминизмом как информационным симулякром, который общественное сознание воспринимает в качестве политического движения за расширение прав женщин, при этом не особо принимая в расчет его формы и вариации. Представляется небольшая разница в степени осведомленности о содержании феминистской идеологии между выбравшими ответ «знаю в общих чертах» и «слышал урывками». Причем, надо отметить вполне сопоставимую степень осведомленности о содержании феминизма у обеих опрошенных групп – женщин и мужчин.

Таблица 10. Знакомы ли Вы с идеологией феминизма, ее содержанием?

	Хорошо ее знаю	Знаю в общих чертах	Слышал(а) урывками	Не знаю
Мужчины	6,6 %	49,6 %	24,1 %	19 %
Женщины	8,9 %	51,1 %	25,9 %	13,3 %

Иная картина наблюдается в плане отношения к феминизму как политическому движению. Таблица 11 демонстрирует куда большую в этом плане нетерпимость мужчин – фактически четверть из них считает, что подобные движения следует запрещать, в то время как женщин, рассуждающих подобным образом, менее 10%. Почти четверть женщин считает, что феминизм возникает не на пустом месте, но порожден реальной общественной проблематикой, а 8% готовы поддержать требования этого политического движения. Из приведенных данных следует, что благосклонность к политическому проекту феминизма проявляет около трети женщин и не более 16% мужчин. Около трети респондентов обеих групп относятся к данному проекту в целом равнодушно, однако четверть опрошенных мужчин и женщин не определились со своим к нему отношением.

Таблица 11. Ваше отношение к идее образования политического движения за права женщин

	мужчины	женщины
Нельзя разрешать подобные движения	24,8 %	8,9 %
Равнодушно, но если есть сторонники, то почему бы и нет	30,7 %	36,3 %

Такое движение видимо порождено реальными проблемами	14,6 %	23,0%
В случае чего, поддержку данное движение и его требования	1,5 %	8,1 %
Трудно сказать	28,5 %	23,7 %

Таким образом, если исходить из данных опроса, то отечественное дискурсивное поле феминизма в целом охватывает около трети респондентов – женщин и 16% опрошенных мужчин. Причем треть от этого числа относится к «приверженцам» или категории более или менее твердых сторонников, тогда как остальные скорее «попутчики», то есть люди, оказавшиеся в пространстве влияния феминистских идей, но пока не интегрирующие их целиком и полностью в собственную мировоззренческую систему. Все это позволяет сделать предположение, что база для феминизма как политического движения в России не столь уж широка, однако она не лишена потенциала к расширению, ведь большая часть респондентов к феминизму настроены в общем и целом нейтрально или неопределенно (категория затруднившихся с ответом) а, стало быть, в перспективе не исключено, что данный социальный сегмент может склониться и к поддержке проекта феминизма (хотя, не исключена возможность и противоположной переориентации). Если говорить о явных оппонентах феминизма среди россиян, то их не так уж много – судя по опросам, это четверть мужчин и почти 9% женщин (примерно столько же респонденток объявляют о политической поддержке феминизма). Однако хотим подчеркнуть, что в ходе опроса нам не удалось выявить четких корреляций между оценками феминизма и отношением к различными аспектам отечественных гендерных процессов.

Таблица 12. Причины большего размаха движения феминизма на Западе, чем в России

	мужчины	женщины
На Западе больше политической свободы	35,8 %	34,8 %
Женщины западных стран «с жиру бесятся» - добиваясь новых прав, требуют еще.	21,2 %	16,7 %
В России к счастью меньше условий для масштабных движений меньшинств, типа ЛГБТ, феминисток и т.п.	43,8 %	25,2 %

В России больше озабочены проблемами материального выживания, не до этого	29,9 %	39,3%
Другое	-	-

Наконец вопрос о причинах большего распространения феминизма на Западе во многом давал возможность не только выяснить мнение респондентов об отечественном общественном контексте для феминистских идей, но и получить информацию о более широких идеологических предпочтениях опрошенных. Напомним, что в качестве идеологии феминизм выступает производной либерализма или социализма, а современные его формы во многом выступают составляющей транснационального проекта политкорректности.

Как видно из таблицы 12 около трети респондентов отмечают больше политической свободы на Западе, тем самым сравнивая его с отечественным социумом в невыгодную для последнего сторону. Между тем, характер и обратная сторона подобной свободы описаны в трудах как марксистских, так и не марксистских исследователей⁴⁰¹, где подчеркивается не только социально-дезинтегрирующая функция проекта политкорректности, но и его разлагающее влияние на западную цивилизацию, ее традиционные устои.⁴⁰² Самая большая часть респондентов мужчин (43,8%) отмечает как положительный фактор отсутствия в России условий для распространения разного рода движений меньшинств, санкционированных проектом политкорректности, тогда как эту же позицию поддерживает только четверть опрошенных женщин. Пятая часть опрошенных среди мужчин и несколько меньшая доля женщин (16,7 %) полагают, что причина большего распространения феминизма на Западе в том, что это движение в контексте засилья политкорректности набрало ход и останавливаться не собирается. Кстати, озабоченность именно по данному поводу высказывают и западные твердые, но в то же время, здравомыслящие либералы, такие как Юрген

⁴⁰¹ Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010 – 302 с.; Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. 256;

⁴⁰² Болыц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с. .Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.

Хабермас, Фарид Закария, Н.В. Больц. Наконец, очень значительная часть респондентов (почти треть мужчин и более трети женщин) склоняется к видению социально-экономических причин, полагая, что современным россиянам попросту не до каких-то там феминизмов, они озабочены насущными проблемами.

Тем самым можно заключить, что осуждают феминизм как часть политкорректного проекта, которому в России не должно быть места, две трети респондентов мужчин 65% и менее половины женщин - 41,9%. Подобная доля опрошенных может быть охарактеризована в качестве пророссийски настроенной части общества в нынешнем расширяющемся конфликте с Западом. Однако порядка одной трети респондентов могут быть условно определены в качестве склонных к прозападническим настроениям. Наконец, исходящие из социально-экономических причин могут в перспективе оказаться в том или ином лагере.

Подытоживая эмпирический анализ уместно предложить следующие заключения.

1). В ряде моментов, касающихся структуры гендерных отношений, оценочные установки мужчин и женщин расходятся – если первые склонны отстаивать сохранение традиционных принципов формирования гендера, то вторые явно настроены на их своеобразную модернизацию, которая заключается в предоставлении слабому полу больших возможностей прежде всего карьерного плана, в связи с чем женщины ратуют за более гибкую структуру внутрисемейных отношений, прежде всего касательно разделения труда. Но, хотя российские женщины заметно больше мужчин заинтересованы в трансформации гендерных отношений, среди представителей «сильной половины» немало сторонников предоставления больших возможностей женщинам в плане их социального продвижения.

В то же время следует констатировать наметившееся противоречие между общественными установками по поводу гендерной структуры и социальными практиками. С одной стороны, подавляющее большинство мужчин и значительная часть женщин вроде бы поддерживают сложившийся гендерный расклад (считают гендерные отношения несправедливыми не более 15% опрошенных женщин). С

другой стороны, российский социум, не обошли «болезни современной цивилизации», отражением чего стали рост потребительства и гедонизма, снижение количества «настоящих мужчин», а также некоторые деформационные гендерные тенденции. Последние заключаются в не таких уж редких случаях принятия женщинами типично мужских функций, а также наличием некоторого количества одиноких, но вполне самостоятельных представительниц слабого пола. Данные явления с долей условности мы намерены обозначить бытовыми феминизированными практиками, которые в перспективе вполне могут сыграть роль, если не прямого источника феминизма, то более терпимого к нему отношения.

2). Что касается отношения россиян к дискурсивному полю идеологии феминизма и социальной базы последнего, то, здесь мы можем оперировать категориями «приверженцы» (склонные поддерживать феминизм, но не особенно активны в плане его популяризации), а также «попутчики» (нетвердые временные сторонники, как легко уходят, так и приходят). К «приверженцам» можно с более или менее высокой степенью точности отнести не более 2-3% мужчин и примерно 8-10% женщин. Более расплывчаты границы категории «попутчики». Есть основания отнести сюда около 15% мужчин, а также 25-30% женщин. При этом примерно треть мужчин лояльна к новой форме семейных отношений, основанных на принципе партнерства, а также к некоторым феноменам, свидетельствующим о деградации гендерных отношений (альфонсизм). Наконец, почти половина мужчин соглашаются с предоставлением женщинам больших карьерных возможностей. Ожидаемо больший процент поддержки этих явлений (кроме альфонсизма) у женщин – относительно снятия барьеров с карьерных стремлений готовы приветствовать почти 90%, тогда как партнерские отношения в семье – 78%. Вместе с тем, как следует полагать, здесь речь идет о лояльности респондентов отдельным проявлениям, которые находят в идеологии феминизма положительную фиксацию, а не к феминизму в целом.

Как следует из результатов исследования, твердых сторонников современного феминизма в России немного даже среди женской половины (менее 10%); но в то же время не столь много и явных противников (четверть мужчин и около 9% женщин). Явно выраженных корреляций между отношением к феминизму и различными аспектами гендерных отношений выявлено не было, что опосредованно указывает на ограниченную роль здесь феминизма как идеологии. Около трети респондентов обеих групп считают меньшую распространенность феминизма в России следствием отсутствия здесь политических свобод в западном варианте, в связи с чем данный сегмент респондентов можно отнести не столько к сторонникам феминизма, сколько к симпатизантам западной внутривнутриполитической и культурной среды. Большая часть опрошенных демонстрирует скорее неопределенное отношение к феминизму, что позволяет допустить их дальнейшую эволюцию как к симпатизантам названной идеологии, так и к ее противникам. И данное обстоятельство должно приниматься во внимание политическими структурами в разгорающемся конфликте с Западным миром.

В общем плане мы должны признать, что выдвинутая нами гипотеза в отечественных условиях получила подтверждение. Для социального сознания россиян феминизм выступает скорее симулякром, чем реальным фактором изменений гендерных отношений. Динамика последних идет своим чередом под влиянием комплекса факторов объективной действительности. Российская социокультурная среда противостоит масштабной реализации в отечественном социуме проекта политкорректности, хотя множественность культурных стилей (полистилистическая культура, по определению Л.Г. Ионина) работает на дальнейшее размягчение гендерных структур, которые по большей части ориентированы на традиционные принципы формирования. Вместе с тем потенциал для усиления влияния феминизма в российских условиях имеется, и здесь в качестве предпосылок можно рассматривать следующие обстоятельства. Во-первых, популяризация в общественном сознании идеи Западной мировой цивилизации, с которой органично связан феминизм. Во-вторых, продолжающаяся динамика гендерных отношений, источником которых с одной стороны выступает

дальнейшее расширение правовых и социальных возможностей для женского сегмента, а с другой стороны - тенденции деградации гендерных отношений, деформация мужского этоса и расширение бытовых феминизированных практик, в контексте которых объективно возрастает роль женщины, забирающей традиционно мужские функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В обобщенном виде результаты работы представляются следующим образом.

Рассматривая столь неоднозначный феномен идеологии, мы стремились увязать его с процессами современности. Идеология представляет собой мировоззренческую систему, предлагающую определенный ракурс видения общественных явлений и процессов. В качестве социологического феномена идеология выступает системной компонентой общества, которая носит отпечаток его основных характеристик и противоречий. Источниками идеологий обычно являются потребности и социальные интересы различного масштаба коллективных субъектов. С точки зрения структуры идеология предполагает как концептуальную, так и иррациональную компоненты. В первую очередь идеология определяет у ее носителей – социальных субъектов отношение к реальности, задает логику ее осмысления и оценивания; идеология также выступает фактором (в отдельных случаях важнейшим) определенных социальных действий и стратегий. Современные идеологии рассматриваются как своего рода дискурсивные поля, которые имеют собственные границы, механизмы воспроизводства и расширения влияния, а также предполагают принудительное воздействие на мышление и поведение индивидов, имеющих различную степень вовлеченности в поле. В условиях медиадемократии и доминирования в общественном сознании клипового мышления, идеологические дискурсивные поля имеют текучий характер, предполагая весьма разнообразные варианты идейного комбинирования. Классические идеологии на сегодняшний день зачастую выступают в роли парадигм, на которых выстраиваются более частные идеологические комплексы, нацеленные на определенный круг общественной проблематики и выражение интересов конкретных групп. Феминизм выступает одним из таких частных мировоззренческих комплексов. А применение модели дискурсивного поля позволяет определять степень вовлеченности и погруженности индивидов и социальных групп в сферу влияния идеологии феминизма, что весьма важно для нашего исследования.

Как идеология феминизм имеет три источника. Во-первых, мощный толчок был дан дискурсом Просвещения, послужившим духовным стимулом и легитимацией процессов модернизации, где ключевой составляющей выступала идея социальной эмансипации. Во-вторых, феминизм концептуально отражал реальную проблематику гендерных отношений и их иерархий. В-третьих, феминизм явился средством самовыражения некоторых наиболее пассионарных активных женщин. Идеология феминизма за два века своего существования проделала значительную содержательную эволюцию, в которой нашли отражение социальные трансформации, связанные с индустриализацией и появлением глобального информационного общества, сопровождающегося усилением постмодернистских трендов. Феминистский дискурс первой и второй волны обычно выступал в роли сегмента либерального или социалистического дискурсионных полей, подвергаясь некоторой коррекции в тех или иных национально-культурных контекстах. Третья волна феминизма характеризуется большим разнообразием его форм, где на гегемонию претендуют радикальные течения феминизма, питаемые парадигмой политкорректности. Последняя нацелена на социальное дробление посредством производства все новых групповых идентичностей, что усиливает тенденции группового отчуждения, социальной фрагментации, а в перспективе и хаотизации.

Эволюция феминизма как идеологии предполагает последовательно расширяющееся целеполагание: от постановки ограниченных правовых и социально-экономических задач до пересмотра принципов общественного порядка. Конструктивная сторона идеологии феминизма (прежде всего первой и второй волны) заключается в том, что феминизм выступает стимулом и средством легитимации происходящих гендерных трансформаций в сторону их выравнивания, что отражает общий тренд индустриально-постиндустриальной динамики. Деструктивный смысл особенно явно проявляется в современных радикальных формах феминизма, нацеленного на расшатывание исторически сложившихся устоев традиционной культуры, ставя под сомнение ее эстетические аспекты, тем самым способствуя ее деградации. Эта разрушительность

обусловлена, во-первых, методологически – абсолютизацией посылы об исключительно социальной природе гендера; во-вторых, идеологически – радикальный феминизм является одной из составляющих проекта политкорректности, выступающего формой гипертрофированной эмансипации, ведущей к социальной хаотизации.

Положения феминизма в первую очередь нацелены на гендерные аспекты общественных отношений и непосредственно увязаны с динамикой гендерных отношений. Подобная динамика органично связана с общественными трансформациями, предполагающими смену макросоциальных типов: традиционный - индустриальный – постиндустриальный. С традиционного общества гендерный уклад имеет характер мужского доминирования, выраженного в социокультурном конструкте – гегемонная маскулинность. Однако по ходу социальных трансформаций и смены общественных типов гендерные структуры проявляли тенденции к смягчению и отказу от жестких патриархальных форм, что рефлексировалось обществом в форме идеологических течений феминизма первой и второй волн.

На современном этапе происходит подрыв и размывание сущностных устоев гендерных отношений, имеющих как социально-конструктивистскую, так и природную обусловленность. Признаками деформации гендера следует считать кризис института традиционной семьи, расширение феномена одиноких самодостаточных женщин, наконец, рост групп нетрадиционной ориентации (ЛГБТ и пр.), некоторые из которых инициируют появление искаженных семейных форм (однополые браки). Подобные тенденции в передовых западных обществах выступают следствием ряда ключевых факторов.

1). Общий ход социальной, а, говоря шире, цивилизационной эволюции, в результате которой с одной стороны технологический прогресс способствует снятию и ослаблению барьеров между многими женскими и мужскими ролями и функциями; с другой стороны снижается запрос на социальный ресурс мужественности, составляющем с женственностью диалектическое единство; с третьей стороны насаждается культура потребления и гедонизма, которая

захватывает в большей степени мужчин, ослабляя их витальный потенциал, а также содействуя разнообразию гендерно-ролевых конфликтов и маргинализации сознания.

2). Радикальный феминизм третьей волны, который выступает сегментом более широкого дискурсионного поля политкорректности, жестко насаждающей практическую логику «общества меньшинств» и способствующей разложению и деградации социокультурных основ западного социума. Деформация гендера отражается не только анонимацией по поводу норм маскулинности и феминности, но в социетальных масштабах работает на снижение витального (пассионарного) уровня западного общества. Обозначенный тренд в современных глобальных условиях имеет диффузный смысл, накладывая определенный отпечаток и на незападные общества.

Что касается гендерного сегмента российского общества, то его динамика с одной стороны отражает общецивилизационный смысл, с другой – имеет собственные особенности, обусловленные ментальными, историческими и политическими факторами. Очевидно прослеживается размягчение гендерных структур, что сопровождается большей гибкостью нормативов маскулинной идеологии (гегемонной маскулинности). Вместе с тем советский гендерный уклад в целом сохранял традиционные принципы формирования базовых основ, несмотря на распространенность некоторых девиантных феноменов, вроде алкоголизма. В определенной степени это доказывается реальностью 90-х годов, когда основная часть мужского и женского населения (согласно вторичным данным социологических исследований) демонстрировала именно типично мужские и женские установки и поведенческие практики.

Специфика отечественной постсоветской социальной динамики, имеющей в том числе гендерное отражение, во многом обусловлена фактором социально-экономической поляризации, в связи с которым обозначился мужской сегмент склонный к маргинализации собственных поведенческих стратегий, а также другой, более социально активный сегмент, зачастую придерживающийся в 90-е годы криминальных практик. Женщины в своем поведении по большей части

адаптируются к меняющейся ситуации, а те нередкие случаи выполнения женщинами мужских функций носят обычно вынужденный характер. При всем при этом расширяются возможности профессиональной самореализации наиболее пассионарных и активных представительниц «слабого пола». Между тем российский социум полностью не обошли процессы, работающие на деформацию гендерных отношений. Речь идет о кризисе института брака, расширяющихся феноменах неполных семей и самодостаточных женщин. Одним из основных источников подобных тенденций нам видится в диффузных трендах западной цивилизации. Начиная с перестройки, в отечественной среде происходит размывание жестких стандартов советской культуры, усиление многообразия социокультурных стилей (полистилистическая культура), некоторые из которых оспаривают и стремятся делегитимизировать гендерный уклад, отражением которого является гегемонная маскулинность. Вместе с тем отечественный социум в отличие от западного менее подвержен тенденциям гендерной деформации, что объясняется в первую очередь противодействием традиционных культурных ценностей, во-вторую – политическими барьерами, которые мешают России полностью оказаться в сфере проекта политкорректности, претендующего на глобальность.

В ходе изучения отечественного феминистского дискурса, мы пришли к выводу, что российский феминизм является частью более широкого леволиберального дискурса, но его содержательная конкретизация во многом является отражением определенных фактов социальной действительности, связанных с функционированием сложившегося гендерного уклада, который в общих основах зиждется на сходных структурных принципах гегемонной маскулинности (Рут/Роберт Коннелл). Сторонникам феминизма свойственно абсолютизировать конструктивистскую сущность социальных различий между мужчиной и женщиной, определяющих структуру гендера, на чем строится вся логика их дискурса. Конструктивной стороной следует признать то, что отечественный феминизм заставляет взглянуть на некоторые социальные факты и феномены с позиции критического ракурса, что позволяет глубже вникнуть в их

реальную или потенциальную проблематику. Но, с другой стороны, сторонники феминизма обычно навязывают решение данной проблематики, исходя не столько из конструктивного ее осмысления, сколько из собственных идеологических установок, принимаемых априорно.

Ряд требований, исходящих из дискурса феминизма, объективно отражают назревшие общественные проблемы. Это касается домашнего и сексуального насилия, разрыва оплаты труда, феномена «стеклянного потолка», «неженских» профессий, а также некоторых патриархальных стандартов культур кавказских народов. Более неоднозначна проблема, которую феминистки рассматривают как репродуктивное насилие. Возможно, запрет на аборты должен сопровождаться усилением социальной политики в области охраны материнства. Впрочем, перечисленные социальные феномены относятся к тем сегментам общественных отношений, которые в целом подвержены последовательным изменениям в сторону большей адекватности ситуации.

Более субъективный характер представляют социокультурные претензии феминизма как в критике бодишейминга, так и в плане возможностей безграничной феминизации мужчин. Видя в бодишейминге (миф о красоте) исключительно продукт искусственного гендера и выступая за его минимизацию, если не ликвидацию, феминизм в качестве альтернативы выдвигает натурализм, тем самым оспаривая некоторые эстетические, а порой и гигиенические нормы. Политическое по сути требование феминизма легализировать ЛГБТ отражает здесь диффузное влияние политкорректного проекта, являющегося продуктом западного глобализма, но не утвердившегося пока еще в достаточной степени в России, главным образом в виду противодействия со стороны традиционных культурных ценностей. В лице отдельных своих представителей (Юлия Цветкова) феминистский дискурс имеет точки пересечения с русофобским дискурсом. В подобных случаях феминизм в России приобретает контркультурный смысл, в целом демонстрируя антагонизм, неприятие ряда доминирующих черт и смыслов отечественной культуры. Выходит, что феминизм противоречит не только традиционным основаниям отечественной культуры, а, пожалуй, и культурным

универсалиям, касающимся эстетики прекрасного женского тела и пр. Здесь приходится наблюдать своеобразный результат распространенного методологического ограничения – абсолютизации конструктивистской парадигмы применительно к гендерным отношениям.

Естественно, что следующим шагом по изучению дискурсивного поля российского феминизма должно стать решение проблемы характера воздействия феминистской идеологии на общественное сознание. С этой целью было проведен анкетный опрос 492 респондентов в возрасте от 19 до 50 лет, результаты которого привели к следующим заключениям.

1). В ряде моментов, касающихся структуры гендерных отношений, оценочные установки мужчин и женщин расходятся – если первые склонны отстаивать сохранение традиционных принципов формирования гендерных отношений, то вторые явно настроены на их своеобразную модернизацию, которая заключается в предоставлении женской половине больших возможностей прежде всего карьерного плана, в связи с чем респондентки ратуют за более гибкую структуру внутрисемейных отношений, прежде всего касательно разделения труда. Но, хотя российские женщины заметно больше мужчин заинтересованы в трансформации гендерных отношений, среди представителей «сильной половины» немало сторонников предоставления больших возможностей женщинам в плане их социального продвижения.

В то же время следует констатировать наметившееся противоречие между общественными установками по поводу гендерной структуры и социальными практиками. С одной стороны, подавляющее большинство мужчин и значительная часть женщин вроде бы поддерживают сложившийся гендерный расклад (считают гендерные отношения несправедливыми не более 15% опрошенных женщин). С другой стороны, российский социум, не обошли «болезни современной цивилизации», отражением чего стали рост потребительства и гедонизма, снижение количества «настоящих мужчин», а также некоторые деформационные гендерные тенденции. Последние заключаются в не таких уж редких случаях принятия женщинами типично мужских функций, а также наличием некоторого

количества одиноких, но вполне самостоятельных представительниц слабого пола. Данные явления с долей условности мы намерены обозначить бытовыми феминизированными практиками, которые в перспективе вполне могут сыграть роль, если не прямого источника феминизма, то более терпимого к нему отношения.

2). Что касается отношения россиян к дискурсивному полю идеологии феминизма и социальной базы последнего, то, как следует из результатов исследования, твердых сторонников современного феминизма в России немного даже среди женской половины (менее 10%); но в то же время не столь много и явных противников (четверть мужчин и около 9% женщин). Явно выраженных корреляций между отношением к феминизму и различными аспектами гендерных отношений выявлено не было, что опосредованно указывает на ограниченную роль здесь феминизма как идеологии. Около трети респондентов обеих групп считают меньшую распространенность феминизма в России следствием отсутствия здесь политических свобод в западном варианте, в связи с чем данный сегмент респондентов можно отнести не столько к сторонникам феминизма, сколько к симпатизантам западной внутривнутриполитической и культурной среды. Большая часть опрошенных демонстрирует скорее неопределенное отношение к феминизму, что позволяет допустить их дальнейшую эволюцию как к симпатизантам названной идеологии, так и к ее противникам. И данное обстоятельство должно приниматься во внимание политическими структурами в разгорающемся конфликте с Западным миром.

В общем плане можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза получила подтверждение. Для социального сознания россиян феминизм выступает скорее симулякром, чем реальным фактором изменений гендерных отношений. Динамика последних идет своим чередом под влиянием комплекса факторов объективной действительности. Российская социокультурная среда противостоит масштабной реализации в отечественном социуме проекта политкорректности, хотя множественность культурных стилей (полистилистическая культура, по определению Л.Г. Ионина) работает на дальнейшее размягчение гендерных

структур, которые по большей части ориентированы на традиционные принципы формирования. Вместе с тем потенциал для усиления влияния феминизма в российских условиях имеется, и здесь в качестве предпосылок можно рассматривать следующие обстоятельства. Во-первых, популяризация в общественном сознании идеи Западной мировой цивилизации, с которой органично связан феминизм. Во-вторых, продолжающаяся трансформация гендерных отношений, источником которой с одной стороны выступает дальнейшее расширение правовых и социальных возможностей для женского сегмента, а с другой - тенденции деградации гендерных отношений, деформация мужского этоса и расширение бытовых феминизированных практик, в контексте которых объективно возрастает роль женщины, забирающей традиционно мужские функции.

Список литературы

1. Агафонова Е. Е. «Динамика представлений о женской самоидентификации: от модернизма к постмодернистскому феминизму» // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2009. — № 3. — С. 13–19.
2. Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002, №11 – С. 26-36.
3. Балакришнан Г. Роль насилия в истории // Прогнозис. 2008. № 1 (13). – С. 92–123.
4. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман – СПб: Питер, 2008. – 240 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000, - 383 с.
6. Беляева Е.В. Воинский этос и универсалии морали. // Философия и социальные науки: научный журнал.-2008.-№ 2.- С. 34-38.
7. Беляева Е.В. Нравственные ценности эпохи постмодерна //Философия и социальные науки: Научный журнал. – 2010. - № 1. – С. 60-65.
8. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. -240 с.
9. Бовуар С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб: Алетейа, 1997. – с. 674.
10. Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. –270 с.
11. Большакова А. Ю. Гендер и архетип: «Первозданная женщина» в современном мире // Общественные науки и современность. 2010, №2 – С. 167-176.
12. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 – 444 с.
13. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
14. Виталис В. Женщина, где у нее кнопка. М.: Эксмо, 2008 – 288 с.
15. Водвуд Ника что такое феминизм. Все, что вы хотели узнать. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=9PxDMoeZ6gs>

16. Волков В. В. силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012 – 352 с.
17. Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
18. Вульф. Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2020 - 445 с.
19. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004 – 240 с.
20. Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Социологические исследования, 1992, №7 - С.136-137.
21. Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Социологические исследования, 1992, №7 - С.135-140.
22. Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 166-186.
23. Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур - М.: 2004. – 560 с.
24. Гончарова Н. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования – 2003. – № 1. – С. 83-90.
25. Грамши А. Тюремные тетради. [электронный ресурс] URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/gramshi_tyuremnie_tetradi_izbrannoe.htm, дата посещения: 09.10.2014.
26. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.
27. Гришаева Е.А. Социология в блогосфере с. 48-54. // Общественные науки. Прикладные исследования Вестник ТГУ, Общественные науки. Прикладные исследования, выпуск 1 (5), 2016. – С. 48-54.

28. Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). С. 3.
29. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2021 –704 с.
30. Давыдов А.А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования, № 11, Ноябрь 2008, С. 92-101.
31. Давыдов Ю. Н. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса (метосоциологические итоги социологии XX века) / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии. Т. 4 – М.: Канон, 2002. – С. 597- 624.
32. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. СПб.: Наука, 2001. – С. 29
33. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – М.: Эксмо, 2003 – 756 с.
34. Демография в России: факторы влияния. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2021/06/23/demografiya-rossii-faktori-vliyaniya
35. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2004. — 768 с.
36. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А. Дугин. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 15.
37. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М.: Европа, 2009 – 284 с.
38. Захарова О.В., Нойкова Е.А. Зарождение феминизма и феминистского движения в конце XVIII — первой половине XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. Есенина, №2 (67), 2020.
39. Здравомыслова Е. А. "Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях". Журнал социологии и социальной антропологии, 2017, № 20 (5), С. 15-38.
40. Здравомыслова Е. А. Темкина А. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 — с. 432-451.

41. Здравомыслова О. «Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №3 – с. 213-222.
42. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблишер, 2017 – 344 с.
43. Иванов В. Теория государства. М.: Территория будущего, 2010 – 272 с.
44. Ильиных С.А. Типология фемининности с позиции гендерной социологии: аспекты власти и потребления // Вестник НГУЭУ, 2013, № 2 - С. 45-57.
45. Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма / Л. Г. Ионин – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010 – 304 с.
46. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. – М.; СПб.: Университетская книга, 2012 – 237 с.
47. Ионин Л.Г. Социология культуры М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
48. Исаев Д., Каган В. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л.: Медицина, 1979. - 160 с.
49. Исакова Е.С. Основные проблемы молодых семей и анализ существующих путей их решения. URL: <https://iq.hse.ru/more/sociology/osnovnie-problemi-molodih-semej>
50. Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма./ Б. Кагарлицкий – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2017 - 280 с.
51. Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. – 256 с;
52. Как изменялась численность населения в современной России - URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7>
53. Карпова М.К. Гендерные отношения в современном обществе: равноправие или неравенство? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 77–89. doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-9. EDN: VXXUAA
54. Киммел М. Гендерное общество/ Пер. с англ. под ред. О.Оберемко и И. Тартаковской. М.: РОССПЭН, 2006. –464 с.

55. Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформации // Женщина в российском обществе. 2020, №3 С. 78-91
56. Ковтун Г.С. Куперман А.А. Гендерные представления современной студенческой молодежи (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017.№1 С. 53-63.
57. Ковалева А.В. Гражданский брак как дестабилизатор института семьи // Власть и управление на Востоке России. 2009. №1 (46)
58. Колесников А.В. Три фронта «общества граждан»: усиление конфликтности. Электронный ресурс: <https://carnegie.ru/2019/02/27/ru-pub-78453>
59. Кольев А. Н. Политическая мифология. Реализация социального опыта / А. Н. Кольев. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
60. Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. — Ростов н/Д.: Феникс, 2006. — 608 с.
61. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> (дата обращения: 22.01. 2024)
62. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – 496 с.
63. Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015 – 432 с.
64. Крауч К. Постдемократия / К. Крауч. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010 – 192 с.
65. Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний, 2019, №3 – С. 66 – 70.
66. Кутелева А. В. «Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 16–24.
67. Лейстер Джереми Теория гегемонии Грамши и ее современное звучание. [электронный ресурс] URL: www.politnauka.org, дата посещения: 12.10. 2014.
68. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998. – 160 с.

69. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001 – 334 с.
70. Лорбер Дж, С. Фаррелл Принципы гендерного конструирования// Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 187-192.
71. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) – М.: АСТ, 2020 -640 с.
72. Лядова Образ здоровья в блогосфере: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3 – С. 28-49.
73. Майнхоф У. Ложное сознание Электронный ресурс: https://scepsis.net/library/id_1590.html
74. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика, 4 (30) 2009. С. 32-40.
75. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии – СПб.: Азбука, 2018. 640 с.
76. Маннгейм К. Идеология и утопия /Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. - С. 7-276.
77. Маркс К. Немецкая идеология. // Маркс К. Социология. Сборник. М., 2000. С. 325- 410.
78. Мартынов М.Ю. Габеркорн А.И. Патриотический дискурс в идеологических трендах «новых медиа» в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4 – С. 104-120
79. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000. С. 1049–1071.
80. Меннел Стивен История, национальный характер и американская цивилизация // Прогнозис. - 2008. - №3 (15). – С. 59-77.

81. Мещеркина Е. Институциональный сексизм и стереотипы маскулинности // Гендерные аспекты социальной трансформации / под ред. М. Малышевой. — М.: ИСЭПН, 1996 - С. 196-206.
82. Мещеркина Е. Концептуализация маскулинности // Социс, 2002, №11. С- 15-25.
83. Милль Дж. Ст. Подчиненность женщины С приложением писем О.Конта к Дж. Ст. Миллю по женскому вопросу. М.:Ленанд, УРСС -320 с.
84. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. — М.: РОССПЭН, 2004. — 608 с.
85. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 2.
86. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках М.: Кучково поле, 2018. —384 с.
87. Надолинская Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России): автореф. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2008.
88. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с.
89. Неполная семья: проблемы и способы их решения. — URL: <http://dooc.ouvlad.ru/files/2014/12/>
90. Неронов А.В. Неронова М.Ю. Понятия «гендер» в идеологии феминизма: философский анализ // Современные исследования социальных проблем 2021, Том 13, № 3. С. 131-154.
91. Ника Водвуд Война России с Украиной. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=eUSWRyyUyUs>
92. Никонов А. П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от обезьяны. СПб.: Питер, ИЦ ЭНАС, 2010 – 368 с.
93. О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002– 720 с.

94. Оссовская М. О некоторых изменениях в этике борьбе / Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали - М.: Прогресс, 1987 – 528 с.
95. Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2012 – 196 с.
96. Пекинская декларация 1995 г. / Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml
97. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. — 440 с.
98. Полянников Т. С. Национализм в (пост)современном мире. «Неожиданности» постбиполярного мира: национализм, сепаратизм и межэтнические конфликты / Т. С. Полянников // Полития. – 2006. – № 3. – С. 67-95.
99. Пономарев Ф. Мужество нас покидает? Ученый о том, как меняются типично мужские качества. // «АиФ –ЮГ». – № 9. – 26.02. 2020.
100. Попова А. Семья без насилия. Электронный ресурс: <http://alenapopova.ru/initiative/semiya-bez-nasiliya>
101. Попова И.М. Повседневные идеологии // Социологический журнал, 1998 № 3/4, с. 5-21.
102. Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользящая женственность или Eat your make-up: критика радикального феминизма. Электронный ресурс: <http://globkazan.narod.ru/a15.htm>
103. Пушкарева И.Л. Феминизм в России / Энциклопедия Кругосвет. URL: https://web.archive.org/web/20141222063200/http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/FEMINIZM_V_ROSSII.html?page=0,2
104. Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. – М., 2011.– 168с.
105. Райх Р. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века. Интернет-ресурс – http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1506.html
106. Рачипа А.В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде //

- Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2016 № 9-10.
107. Реснянский С.И., Амиантова И.С. «Гендер в российской истории: обзор новейших исследований». Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 278–301.
108. Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е.Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 89-139.
109. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. – Иваново: Изд. Центр «Юнона», 1999. Электронный ресурс: <https://web.archive.org/web/20090303232014/http://www.genderstudies.info/sbornik/sbornik15.htm>
110. Сергеев, С. Как возможна русская русофобия. Записки ангажированного историка // Вопросы национализма. 2013. № 13 (№ 1). С. 66–85.
111. Серенко Д. «Феминистками не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> Сидорова Г.П. Мужские образы советского кино как культурные герои и «настоящие мужчины» // Вестник культурологии, 2021, №2. С. 113-130.
112. Сидорова Г.П. «Ожиданием своим ты спасла меня»: гендерные особенности взаимоподдержки в русской военной лирике (1930–2000-е гг.) // Ярославский педагогический вестник – 2018 -№2 – С. 200 -205.
113. Силласте Г.Г. Мировой гендерный ландшафт и страновой гендерный порядок в условиях глобальной трансформации социальных систем // Век глобализации. 2022, № 3. С. 112-131.
114. Силласте Г.Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2021. № 2. С. 28—46.

115. Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2019. № 2. С. 3—16.
116. Силлов Д. Реальный уличный бой – универсальная система самообороны. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012 –319 с.
117. Скуловец И. Комсомольская активистка Цветкова вошла в список женщин года [Электронный ресурс] // ДВ-новости. 2020. 25 нояб. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/11/25/123272/> (дата обращения: 22.02.2024)
118. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 1990-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др.; под общ. ред. Ю. А. Левады. - М.: Мировой океан, 1993. –300 с.
119. Соловей В. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016 –320 с.
120. Сорель Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. – М.: КРАСАНД, 2011. – 160 с.
121. Спорная профессия! Jia Lissa, Eva Berger, Ally Breelsen, Kira Queen, Lola Taylor // А Поговорить? Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=g9UQ-qdyu_4
122. Столяров А. В. Сумерки богов / Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 – С. 410-443.
123. Строев С. Феминизм как социальное явление. Электронный ресурс: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011&Itemid=36
124. Тамбиянц Ю. Г. Почему побеждает либерализм: осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии / Ю. Г. Тамбиянц – Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ, 2006. – 395 с.
125. Тамбиянц Ю.Г., Руденко М.В. Ресурс мужественности в цивилизационной конкуренции: проблематика Запада и шансы России // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Материалы VIII Всероссийской (с

- международным участием) научно-практической конференции. Краснодар, 2022 – С. 285-293
126. Тамбиянц Ю.Г. Цивилизационная идеология на современном этапе // Духовно-нравственные основы российской идеологии на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Краснодар-Сочи, 2017, С. 200-207.
127. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. Идеология государства и общества: варианты взаимодействия // Общество и право – 2017, - №1 – С. 167-176.
128. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулунц Г. А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 28–41.
129. Тартаковская И.Н. «Ну, вот, мораль поменялась ...»: медийный гендерный дискурс // Социс, 2003 -№2 – С. 87-97.
130. Темкина А. А. Женское движение Второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Электронный ресурс: <http://www.eu.spb.ru/gender/movement.zip>
131. Темкина А. Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования 2002, №11, с. 4-15.
132. Тимко С.А. Тимко В.П. Мужчина – жертва семейного насилия: Актуальность проблемы в России // Виктимология 3(9) / 2016, с. 33–40
133. Тимко С.А. Кузнецова И.А. Женское насилие в отношении супругов: особенности проявления и возможности профилактики органами внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4(71). С. 50–54.
134. Тирахова В. А. Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 203–212.
135. Торотоева А.М. Основные гендерные архетипы в русской культуре на примере сказок (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная

- и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал С. 92-98.
136. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема в познавательной и преобразующей деятельности человека / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 3-14.
137. Тхагопсоев Х.Г. Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 308—321.
138. Тхагапсоев Х.Г., Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Куква Е.С., Тауканова З.Ч. Детерминация гендера этническим фактором: кавказский дискурс. М.: Спутник+, 2019;
139. Тюрина И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования, 2002, №11, С. 135-142.
140. Устойчивое развитие сельских территорий Ч.1 Стабильная социально-экономическая структура села как предпосылка устойчивого развития сельских территорий. Москва-Краснодар, 2019 - 208 с.
141. Ушакин С. Видимость мужественности. / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 479-503.
142. Федотова Н. Н. Мультикультурализм и политика развития / Н. Н. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 3-4. – С. 75–92.
143. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XX1», 2007.— 421 с.
144. Фуко М.. Порядок дискурса / Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996. — С. 47-96.
145. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Политические работы – М.: Праксис, 2005. – С. 7–31;

146. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 353–372.
147. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 480 с.
148. Харитонов О. Манифест феминистского движения России. Екатеринбург: Издательские решения, 2015. -150 с.
149. Харчев А. Брак и семья в СССР. М: Мысль, 1979 –367 с.
150. Хасбулатова О.А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие мужчин и женщин в средних городах России // Социс, 2002, №11 – С. 48-54.
151. Хвостов В. И. Женщина и человеческое достоинство. М.: Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнёва, 1914. 510 с.
152. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX-XXI вв. – М.: Алгоритм, 2007 – С. 16-45.
153. Ходоров Н. Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. - С. 140-165.
154. Цветкова Ю, Ходырева А. Мы как зачумленные. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=9zCN72kcGac>
155. Чернова Ж. В. «Корпоративный стандарт» современной мужественности // Социс, 2003, №2 - С. 97-103.
156. Чернышева А.В., Спирюгова А.Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник, 2021, вып. 6. С. 1-19.
157. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., РОССПЭН, 1996. – С. 156–187.
158. Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986). Случай Ленинграда // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научных статей. СПб.: ЦНСИ, 1996.

159. Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика, 2018 – 5. С. 16-20.
160. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
161. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.
162. Штейнберг А.Г. Мужской характер женского менеджмента // Социс, 2002, №11, С. 77-81
163. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования, 2001, №1 –С.6-16.
164. Юкина И. Русский феминизм как вызов современности СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
165. Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь»./ О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 245-267
166. Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни / В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002 –С. 172 – 196.
167. Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков: Гуманитарный центр, 2012 – 280 с.
168. McCombs M. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. McCombs, D. Shaw // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36. – p. 176–187.
169. URL: <https://base.garant.ru/191723/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
170. Wollstonecraft M. The Vindications: The Rights of Men and The Rights of Woman / ed. D. L. Macdonald, K. Scherf. Toronto, 1997. 143 p

Программа социологического исследования:

«Интерсекциональный феминизм в России: теория и социальная практика»

Объект исследования: дискурс интерсекционального феминизма.

Предмет исследования: ключевые идеи интерсекционального феминизма в соотношении с социальной действительностью.

Цель исследования: определение ключевых идеологем идеологии интерсекционального феминизма и его роли для отечественных гендерных процессов.

Задачи исследования:

- 1) Выявление социально-правовой составляющей феминистского дискурса.
- 2) Выявление социокультурной составляющей феминистского дискурса.
- 3) Выявление социально-политической составляющей феминистского дискурса.

Ключевые понятия исследования.

Дискурс – есть социальное взаимодействие (устное или письменное) по поводу определения реальности, через посредство которого происходит навязывание и усвоение идеологий.

Блогосфера представляет ту часть виртуальной реальности, в которой создаются и функционируют блоги. Блогосфера, транслируя информацию через яркое короткое послание, выступает наиболее удобным механизмом воздействия на клиповое мышление, ключевой характеристикой современного социального сознания.

Интерсекциональный феминизм – наиболее представленная форма феминизма в России, исходит из логики проекта политкорректности, акцентируя внимание на защите прав всех угнетенных групп (по-другому, меньшинств), утверждая, что формы угнетения пересекаются и комплексно влияют на жизненный опыт людей. То есть, интерсекциональный феминизм заявляет о

системном осмыслении общественного порядка, из которого вытекают как гендерные, так и другие иерархии.

Идеологема - особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки. Идеологемы феминизма используются в основном только сторонниками концепции феминизма, передавая специфический взгляд на соответствующую реалию.

Предварительный анализ объекта исследования

Тексты правозащитницы Алены Поповой⁴⁰³, поэтессы Дарьи Серенко, художницы Юлии Цветковой⁴⁰⁴ и блогерши Ники Водвуд, опубликованные в сети «Интернет» в период с 2018 по 2021 годы.

Целевой характер выборки объясняется следующим:

- ✓ Указанные личности позиционируют себя как интерсекциональные феминистки, подтверждая это личными жизненными практиками.
- ✓ Названные апологеты феминизма обладают достаточным медийным весом: Ника Водвуд имеет собственный ютуб-канал; Юлия Цветкова и Дарья Серенко выступают на весьма «раскрученных» каналах, таких как «Радио Свобода»⁴⁰⁵ (3,79 млн. подписчиков), «Популярная политика» (2,18 млн. подписчиков), «А поговорить?» (2.73 млн. подписчиков), «Продолжение следует» (688 тыс. подписчиков).
- ✓ Упомянутые фигуры заняты в различных сегментах отечественной социокультурной сферы – право, художественное творчество, блогинг.

Методом изучения текстов сторонников феминизма послужили контент-анализ с привлечением элементов дискурс-анализа.

Контент-анализ предполагает анализ текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных закономерностей⁴⁰⁶.

⁴⁰³ Внесена Минюстом России в реестр иноагентов

⁴⁰⁴ Внесена Минюстом России в реестр иноагентов

⁴⁰⁵ Внесено Минюстом России в список нежелательных организаций.

⁴⁰⁶ Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2004. —С. 568 (768 с.)

Инструментарий исследования современного дискурса разработан М. Фуко, которым предложено видение комплекса исследовательских процедур, через которые возможно получать информацию о принципах и критериях формирования дискурса. Он исходил из того, что «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности».⁴⁰⁷

Главной такой процедурой, участвующей в формировании дискурса и его воспроизводстве М. Фуко называет исключение, которое в свою очередь сводимо к ряду форм: простой запрет (табуирование отдельных тем и ракурсов рассмотрения), разделение (противопоставление истинного и ложного), отбрасывание (противопоставление разума и безумия)⁴⁰⁸.

⁴⁰⁷ Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996.— С. 47-96 (448 с.)

⁴⁰⁸ Там же. С. 52.

Программа социологического исследования:

«Гендерный порядок и идеология феминизма в социальных представлениях россиян»

Объектом исследования являются социальные представления россиян.

Предмет исследования: аспект социальных представлений, связанный с трактовками и оценками гендерных отношений и с идеологией феминизма.

Цель исследования заключается в выяснении характера социальных представлений россиян по поводу гендерных отношений и идеологии феминизма.

В соответствии с целью, задачи исследования конструируются следующим образом:

1) Выяснить оценки россиян по поводу существующих гендерных отношений, а также характер желательных сдвигов этих отношений.

2) Через мнение респондентов определить наметившиеся динамические тенденции в отечественных гендерных отношениях.

3) Выявить степень вовлеченности россиян в дискурсивное поле идеологии феминизма, уточнить его социальную базу.

Ключевые понятия исследования.

«Гендерные отношения» в нашем понимании есть социальные практики, предполагающие статусно-ролевую дифференциацию мужчин и женщин, основывающиеся на исторических и культурных традициях. Тогда как «гендерный порядок» трактуется как комплекс структур, институтов, связанных со статусно-ролевым распределением мужчин и женщин, обычно имеющих историческое и социокультурное подкрепление. Это отражается в сферах трудовых, властных, культурных и даже культурно-потребительских ракурсах. Гендерные структуры подвержены гибкости и изменениям.

«Мужественность» в отличие от категории «маскулинность» имеет не столько социокультурный, сколько социально-психологический смысл. Здесь понимается определенная личностная черта, настраивающая поведение на

достижение поставленных целей в условиях необходимости преодоления внешних или внутренних препятствующих факторов.

«Дискурсивное поле феминизма» - некое пространство информационно-коммуникативного взаимодействия, содержательный смысл которого определяется идеологическими конструктами феминизма. Модель дискурсивного поля феминизма помогает определить степень вовлеченности индивидов в пространство влияния идеологии феминизма, через иерархические позиции: «активисты», «приверженцы», «попутчики».

Предварительный анализ объекта исследования

«Социальные представления» интерпретируются как более или менее сложившиеся установки общественного сознания и разного рода теоретических положений (моральных элементов, религии, идеологий), а также – «здорового смысла» или обыденного знания, усваиваемого в процессе «погружения» в реальную социальную и культурную среду, или по-другому, исходящего из впечатлений от реальной действительности.⁴⁰⁹ Применительно к нашему исследованию представления по поводу гендерных отношений могут складываться из общих культурных ценностных и нормативных феноменов, имеющих религиозные, этические или идеологические предпосылки, через которые непосредственно воспринимается конкретная связанная с гендерным укладом социальная практика. В то же время, учитываются процессы обратного характера, когда сдвиги объективной действительности меняют представления По словам И.С. Кона «сначала меняется социальное положение и характер деятельности мужчин и женщин, затем - их базовые установки и ценности и только после этого - более тонкие психологические свойства, которые, в свою очередь, влияют на социальную структуру».⁴¹⁰

⁴⁰⁹ Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 2. С. 8.

⁴¹⁰ Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Интернет-ресурс: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> (дата обращения: 22.01. 2024)

Методом исследования послужил анкетный опрос. В качестве генеральной совокупности выступили жители города Краснодара. Выбор Краснодара обусловлен следующими соображениями: Краснодар, крупный город и краевой центр, представляет собой микромодель России. Здесь имеют место полиэтничность, поликонфессиональность, большая миграционная нагрузка. В других городах края и сельских районах ярче выражен региональный аспект – элементы казачьей культуры, места компактного проживания этнических меньшинств. Мы сознательно от этого ушли, чтобы выявить место идеологии феминизма в общественном сознании россиян в целом, вынося за скобки локальные особенности.

Общая направленность настоящего исследования предполагает обязательный учет как женской, так и мужской точек зрения относительно сложившейся структуры гендерных отношений и тенденций ее изменения. Объектом анкетного опроса послужили жители города Краснодара в возрасте от 19 до 50 лет, причем женщины и мужчины представлены практически в равных пропорциях – опрошено 245 женщин и 247 мужчин. Репрезентативность выборки определяется распределением опрошенных по административным округам города Краснодара, согласно количеству населения этих округов – Западный административный округ насчитывает около 18% жителей города - здесь был опрошен 81 респондент, Карасунский округ насчитывает 28% – опрошено соответственно 142 респондента, Прикубанский округ содержит 37% жителей – опрошено 188 респондентов, в Центральном округе проживает 17% населения города – был опрошен 81 респондент. Выборка возрастных критериев объяснялась тем, что это экономически активный сегмент репродуктивного возраста. Образовательный критерий – все респонденты имеют либо законченное высшее образование, либо являются учащимися высших учебных заведений.

Инструментарий исследования – анкета. Структура анкеты предполагала содержательные блоки, направленные на выявление: во-первых, представлений об

узловых моментах существующей гендерной структуры и ее оценок; во-вторых, мнений о векторе динамики гендерных отношений, через представления о ключевых факторах этой динамики; в-третьих, установок по поводу идеологии феминизма, ее позициях в российском обществе. Следует сказать, что использовались две анкеты - отдельно для респондентов мужчин и женщин. Большая часть вопросов обеих анкет дублировала друг друга, хотя были и специфические вопросы, присущие только конкретной группе опрашиваемых. Сравнение точек зрения различных в половом отношении респондентов даст дополнительную информацию об интересующем нас предмете.